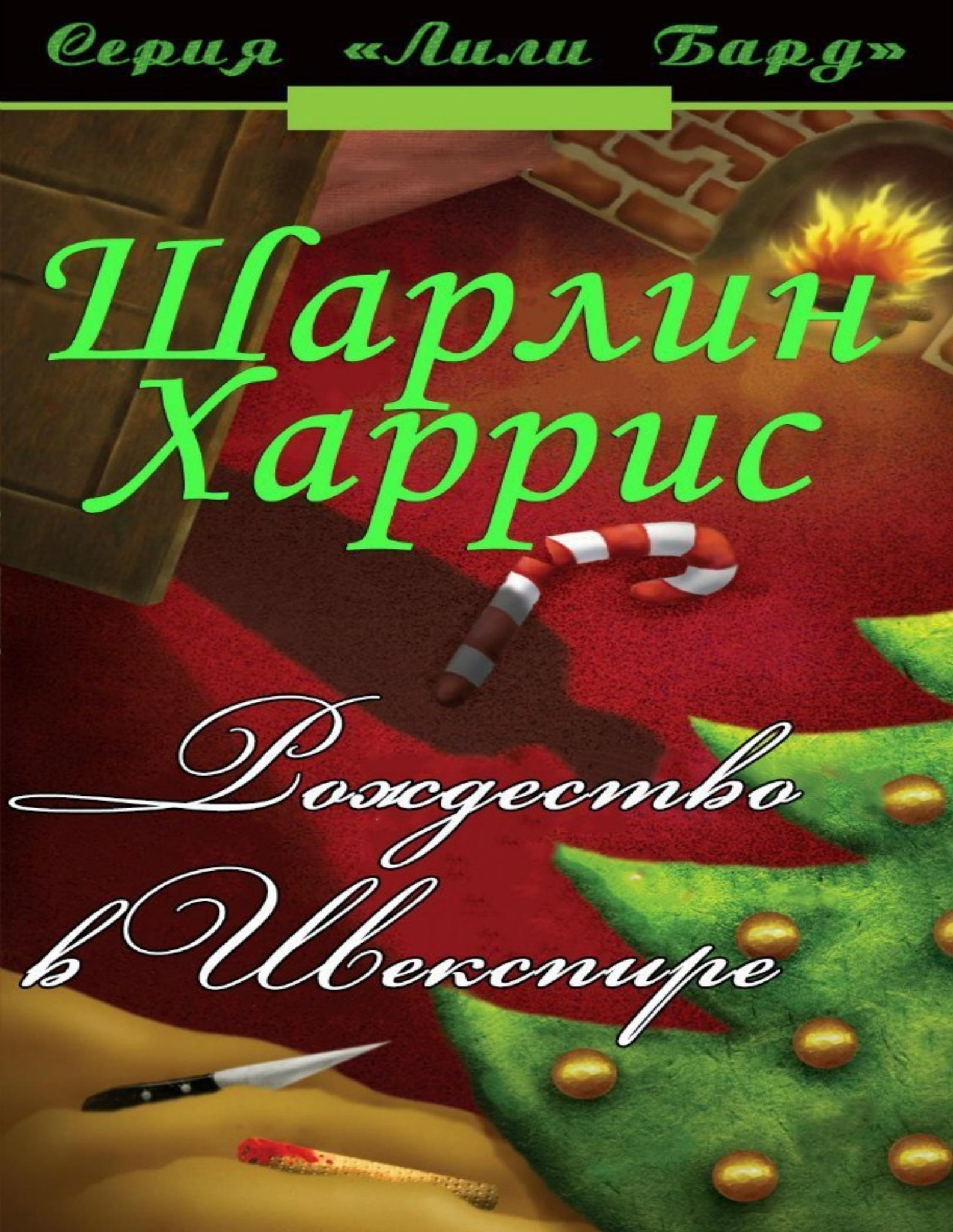

Серия «Лили Бард»

Шарлин Харрис

Рождество
в Увекстуре

Лили скрывает травмирующее прошлое под колючей внешностью, но в третьей книге эксперт по карате опускает свою защиту, на достаточно долго время, чтобы помириться с семьей и помочь раскрыть ряд ужасных убийств. Вернувшись в родной город Бартли (в двух шагах от места, где она живет в Шекспире, штат Арканзас) на свадьбу сестры Верены, Лили с головой погружается в расследование о похищении восьмилетней давности. После того, как ее бывший возлюбленный и друг Джек Лидз (частный сыщик с сомнительным прошлым) приезжает, чтобы проверить анонимную подсказку, что похититель и пропавшая девочка находятся в Бартли. Когда всеми любимым семейным городским врачом, его медсестра и молодая мать оказываются забиты до смерти, подозрение падает на жениха Верены — вдовца, у которого, оказывается, есть восьмилетняя дочь. Расследование накаляется, Лили использует свои семейные связи и безупречные навыки уборщицы, чтобы выведать кое-какую решающую информацию.

Оригинальное название: Shakespeare's Christmas

Автор: Шарлин Харрис / Charlaine Harris

Серия: Лили Бард #3 / Lily Bard #3

Перевод: maryiv1205, DarkHint, YusyaYang, Jhscmrf

Редактор: Анастасия Дубровина

Глава 1

Моё положение было столь же сюрреалистично, как и второсортный малобюджетный голливудский фильм.

Я сидела в кузове движущегося пикапа Додж Рем. Сидела аки на троне на шатком пластиковом стульчике, хитро замаскированном под красный шикарный диван с бахромой. Толпа стояла по обеим сторонам улицы, маша руками и крича. Время от времени я опускала руку в белое пластмассовое ведро, стоящее на коленях, зачерпывала горсть конфет и кидала их зрителям.

Хотя я была одета не так, как представляла себе в мечтах, мою одежду можно было назвать типичной. На мне была красная шапка Санты с большим белым помпоном, новенький ярко-зеленый свитер, а также отвратительный искусственный букетик остролиста, приколотый к груди. Я пыталась улыбаться.

Выделив знакомое лицо в толпе, лицо с как приклеенной нескрываемой ухмылкой, я швырнула мятные конфеты с предельной точностью. Они попали точнехонько в центр груди моего соседа Карлтона Кокрофта, в секунду стирая ту ухмылку.

Пикап остановился, повторяя знакомую и раздражающую схему, которая началась спустя мгновение после того, как парад направился вниз по Мэйн-Стрит. Одна из групп перед нами остановилась, чтобы прореветь Рождественскую песню, а я должна была улыбаться и махать тем же самым чертовым людям снова и снова, до тех пор, пока песня не закончится.

У меня болело лицо.

По крайней мере, в зеленом свитере, со слоем термобелья под ним, мне было довольно тепло, что куда лучше, чем девочкам, которые с энтузиазмом согласились поехать на платформе «Тело Времени» непосредственно впереди. На них тоже были шапки Санты, но они были одеты в скучные наряды, так как в их возрасте производить впечатление было важнее, чем удобство и здоровье.

— Эй, там, сзади, как у тебя дела? — прокричал Рафаэль Рундтри, высовываясь из окна пикапа, и вопросительно на меня уставившись.

Я взглянула на него. На Рафаэле было пальто, шарф, перчатки, а печка в машине жарила на полную катушку. Его круглое смуглое лицо выглядело просто самодовольным.

— Просто отлично, — сказала я жестко.

— Лили, Лили, Лили, — сказал он, качая головой. — Не дырявь взглядом, улыбнись в ответ, девочка. Ты отпугиваешь потенциальных покупателей вместо того, чтобы привлекать их.

Я воздела глаза к небесам, чтобы показать, что потеряла терпение. Но вместо ясного серого неба я уставилась на навязчивую поддельную зелень, натянутую по всей улице. Куда бы я не кинула взгляд, атрибуты сезона вступили в свои права. У Шекспира денег на Рождественские украшения было мало, а посему я видела всё те же самые праздничные украшения четыре года подряд, что жила в этом небольшом арканзасском городке. К каждому второму уличному фонарю приставили большую свечу в изогнутом «подсвечнике». На других фонарях были колокольчики.

В центральной части города (сцена с яслями располагалась дальше) на газоне перед зданием суда стояла огромная рождественская елка; церкви спонсировали большую общественную группу, чтобы украсить это место. Как следствие, надо думать, тут все выглядело очень по-домашнему, а не типично изящно для Шекспира. Как только мы проедем мимо здания суда, парад почти закончится.

Рядом со мной в кузове стояло маленькое деревце, но и оно было искусственным. Я украсила его золотой лентой, того же цвета украшениями, и золотисто-белыми искусственными цветами. Осторожный знак, читать который надобно было как «украшаю дома и бизнес-центры по записи». Эта новая услуга, которую я предоставляла, определенно была разработана для людей, выбирающих элегантность.

Баннеры по бокам пикапа гласили: «уборка Шекспира и выполнение поручений», дальше шел мой номер телефона. Так как Карлтон, мой бухгалтер, так сильно это советовал, я наконец открыла свой бизнес. Затем Карлтон же и посоветовал мне почаще появляться в обществе, что очень противоречило моим собственным предпочтениям.

Вот так я очутилась на чертовом Рождественском параде.

— Улыбнись! — прокричала Джанет Шук, которая шла прямо позади пикапа. Она скорчила мне гримасу, затем повернулась к приблизительно четырем десяткам детям, идущим за ней, и сказала: — Ладно, дети! Давайте ошекспиримся! — Дети, что удивительно, не отказались, возможно, потому что им всем было не больше десяти. Они все участвовали в программе Джанет «Безопасность после школы», которую спонсировал город, и они, казалось, радовались, что были под ее началом. Они все запрыгали.

Я завидовала им. Несмотря на мою изоляцию, сидение на месте имело негативные последствия. Хотя в Шекспире, как правило, были очень умеренные зимы, сегодня же была самая низкая температура впервые за семь лет Рождественского парада, сообщила нам

местная радиостанция.

У детей Джанет были красные щеки и блестящие глаза, впрочем, как и у самой Джанет. Прыжки превратились в своеобразный танец. По крайней мере, я догадалась, что это был он. Я просто не совсем в курсе поп-культуры.

Я все еще растягивала губы в улыбке для окружающих, но это становилось реально тяжело. На меня обрушилось облегчение, когда пикап снова начал двигаться. Я стала бросать леденцы и махать.

Это был ад. Но в отличие от настоящего, у этого был конец. В конечном счете, ведро с конфетами опустело, парад достиг своей конечной точки, автостоянки магазина самообслуживания. Рафаэль и его старший сын помогли мне отнести дерево в офис турагенства, у которого я его позаимствовала, а пластиковый стул они забрали к себе домой. Я поблагодарила Рафаэля и заплатила ему за газ и время, хотя он не хотел брать денег.

— Это стоило того, чтобы просто посмотреть, как ты так долго лыбишься. Завтра у тебя будет болеть лицо, — сказал Рафаэль радостно.

Что случилось с красной шикарной накидкой на стул, я не знаю и не хочу знать.

Джек совершенно не посочувствовал, когда позвонил мне из Литл-Рока той ночью. Да он вообще смеялся.

— Кто-нибудь снимал этот парад? — спросил он, задыхаясь от смеха.

— Надеюсь, что нет.

— Да, ладно, Лили, расслабься, — сказал он. Я все еще слышала намек на смех в его голосе. — Что ты делаешь на праздники?

Это был щекотливый вопрос. Мы с Джеком Лидсом встречались на протяжении почти семи недель. Наши отношения были слишком новыми, чтобы принять как данность тот факт, что мы будем справлять Рождество вместе, и слишком неуверенными, чтобы откровенно об этом поговорить.

— Я должна съездить домой, — сказала я категорически. — В Бартли.

Наступила долгая тишина.

— Как ты к этому относишься? — осторожно спросил Джек.

Я закаливала себя, чтобы быть честной. Искренней. Открытой.

— Мне нужно приехать на свадьбу моей сестры — Верены. Я подружка невесты.

Теперь он не смеялся.

— И как давно ты со всеми не виделась? — поинтересовался он.

Было странно, что я не знала ответа.

— Я думаю, возможно... месяцев шесть? Восемь? Однажды я их встретила в Литл-Роке... рядом с Истером. Это последний раз, когда я видела Верену.

— А теперь ты не хочешь ехать?

— Нет, — ответила я, радуясь, что могу сказать правду. Когда я договаривалась о моем недельном отпуске на работе, работодатели, отойдя от шока от моей просьбы, они были почти повсеместно рады услышать, что я ехала на свадьбу своей сестры. Они не могли быстро мне сообщить, что будет прекрасно, если я отдохну недельку. Они расспросили о возрасте моей сестры (двадцать восемь, она моложе меня на три года), о ее женихе (фармацевт, овдовевший, с маленькой дочерью), и что я собираюсь надеть на свадьбу. (Я не знала. Я выслала Верене немного денег и мой размер, когда она сказала, что выбрала платье подружек невесты, но я не видел ее выбор.)

— Так когда мы сможем увидеться?

Я почувствовала облегчение. Ведь я не была уверена, что будет дальше с нами. Мне казалось вполне вероятным, что когда-нибудь Джек не станет звонить вовсе.

— Я буду в Бартли всю неделю перед Рождеством, — сказала я. — Планирую вернуться домой на Рождество.

— Будешь встречать Рождество дома? — удивление Джека отозвалось эхом в телефоне.

— Я буду здесь в Рождество, — сказала я резко. — А ты?

— У меня нет планов. Мой брат и его жена спрашивали меня, но они не казались искренними, если ты понимаешь о чем я. — Родители Джека умерли четыре года назад.

— Ты хочешь приехать сюда? — Мое лицо напряглось от беспокойства, я хотела услышать его ответ.

— Конечно, — ответил он нежно, и я осознала, чего стоило мне его спросить. — Ты развесишь омелу? Везде?

— Возможно, — сказала я, стараясь, чтобы это не звучало как облегчение, каковым оно и являлось, или счастливо, что я и чувствовала. Я прикусила губу, подавляя чувства. — Ты хочешь настоящий Рождественский ужин?

— Индейка? — спросил он с надеждой. — Кукурузный хлеб с соусом?

— Я могу приготовить.

— Клюквенный соус?

— Могу.

— Английский горошек?

— Шпинат Мадлен, — возразила я.

— Звучит здорово. Что мне принести?

— Вино. — Я редко пила алкоголь, но решила, что выпить с Джеком будет здорово.

— Хорошо. Если ты что-нибудь еще захочешь, звони. У меня есть кое-какая работа, которую нужно закончить в течение следующей недели, потом у меня будет встреча насчет работы, которую я могу получить. Я не смогу приехать к тебе до Рождества.

— На самом деле у меня тоже много дел. Все пытаются заказать дополнительную уборку после Рождественских вечеринок, поставить и нарядить в офисах елки.

Оставалось чуть больше трех недель до Рождества. Джека я не увижу так долго. Даже не смотря на то, что он собирался все время упорно работать, а я сама посчитала, что подготовка к свадьбе — это тоже своего рода категория работы, но чувствовала острую боль при мысли о трех неделях разлуки.

— Кажется, уже поздно, — сказал он вдруг.

— Да.

Признав это, мы оба торопливо отступили назад.

— Хорошо, я позвоню тебе, — сказал Джек оживленно.

Разговаривая по телефону, он лежал на диване в своей квартире в Литл-Роке. Его густые темные волосы были убраны в конский хвост. Холодная погода подчеркивала на лице шрам, утонченный и белый, немного сморщенный у линии волос, рядом с правым глазом. Если бы Джек сегодня встречался с клиентом, то надел бы хорошие брюки и спортивную куртку, рубашку и галстук. Если бы он установил слежку или занимался компьютерной работой, которая все более и более занимала большую часть рутинного частного детектива, то он приоделся бы в джинсы и свитер.

— Во что ты одет? — внезапно спросила я.

— Я думал, это мой вопрос. — Он снова казался удивленным.

Я упрямо молчала.

— О, ладно. Я одет... ты хочешь, чтобы я начал сверху или снизу? Кроссовки Рибук, белые спортивные носки, темно-синие тренировочные брюки, «Жокеи»¹ и футболка «Марвел». Я только что пришел домой с работы.

— Нарядись на Рождество.

— В костюме?

— О, может быть, тебе не придется заходить так далеко. Но будь хорошо одет.

— Хорошо, — сказал он осторожно.

Рождество в этом году выпадало на пятницу. На данный момент у меня было только два субботних клиента, и ни один из них не откроется после Рождества. Возможно, можно убраться у них Рождественским утром, прежде, чем Джек приедет сюда.

— Привези мне одежду в течение двух дней. Мы можем провести вместе пятницу после полудня, субботу и воскресенье. — Я внезапно поняла, что сказала, и тяжело вздохнула. — Если можешь так долго остаться. Если хочешь.

— О, да, — сказал он. Его голос звучал грубее и мрачнее. — Да, я хочу.

— Ты улыбаешься?

— Можно и так сказать, — подтвердил он. — Все, закончили.

Я сама слегка улыбнулась.

— Ладно, тогда увидимся.

— Где, ты сказала, твоя семья? Бартли, верно? Я говорил с моим другом об этом несколько вечеров назад.

Странно знать, что он говорил обо мне.

— Да, Бартли. Он находится в Дельте, немного севере и сильно восточнее Литл-Рока.

— Хм-м-м. Видеться с семьей — это нормально. Ты можешь мне об этом сказать.

— Хорошо. — Это действительно здорово — понимать, что я могу рассказать об этом позже, что я не приду домой в тишину и пустоту, где буду пережевывать это в течение многих дней, а оные перейдут в напряженные отношения с семьей.

Вместо того, чтобы рассказать это Джеку, я сказала:

— Пока.

Выключая телефон, услышала, что он ответил. Нам всегда приходилось нелегко заканчивать беседы.

В Арканзасе есть два города под названием Монтроуз. На следующий день я поехала в тот, в котором были магазины.

Так как я теперь не работала у Уинтропов, у меня было больше свободного времени, чем я могла себе позволить. По этой единственной причине я согласилась, когда Карлтон предложил поучаствовать в Рождественском параде. Пока еще люди не выбрали мои услуги, у меня было примерно два свободных утра в неделю. Этим свободным утром я пошла в «Телу время» потренироваться (сегодня был день трицепса), вернувшись домой, помылась и переоделась, потом зашла в офис небольшой газетенке Шекспира, чтобы разместить объявление («Исполни тайное Рождественское желание своей жены — найми уборщицу».)

И вот теперь я невольно слушала записанные на пленку Рождественские гимны, окруженная людьми, ходившими по магазинам, в воздухе витало волнение и предвкушение. Я собиралась сделать то, что мне нравилось делать меньше всего: потратить деньги на одежду несмотря на низкий доход.

Это всколыхнуло воспоминания о моей прошлой жизни, которую я вела в Мемфисе,

когда работала планировщиком на крупном предприятии по очистке, тогда-то я любила принарядиться. В той жизни у меня были длинные каштановые волосы, и я жала гантели по 20 фунтов, отчего мои руки дрожали. Я была не в меру наивной. Верила в то, что все женщины — сестры до мозга костей, и если отбросить все дерьмо, люди, по большому счету порядочны и честны.

Я намеренно вызвала чувство отвращения о воспоминании, а седая леди, сидящая на скамье на расстоянии ярда, сказала:

— Да, через месяц или больше это слишком подавляюще, не так ли?

Я повернулась, чтобы посмотреть на нее. Небольшого роста и крепкая, она приняла решение надеть Рождественскую толстовку с северным оленем и зеленые слаксы. Ее обувь, возможно, рекламировалась как «комфорт+» для ходьбы. Она улыбнулась мне. Она была одна, как и я, видимо, ей хотелось поговорить.

— Они начали торговый сезон слишком рано, магазины ставят Рождественские декорации, почти не успевая убрать Хэллоуинские! Это прямо убивает все настроение, так ведь!

— Да, — согласилась я. Я отошла назад, чтобы поглядеть в окно, посмотреть на отражение... проверить. Да, это была я — новая версия Лили, с короткими светлыми волосами, мышцами твердыми, как резинки, осторожная и внимательная. Незнакомцы обычно предпочитали разговаривать с кем-то другим.

— В Рождество это неприятно, — сказала я пожилой женщине и ушла.

Я вытащила список из кошелька. Он никогда не становился короче, если я не могла вычеркнуть, сделав покупку. Моя мать очень тщательно записала все неофициальные мероприятия, включенные в предсвадебное приготовление моей сестры, и я была обязана следить абсолютно за всем. Она включала заметки с тем, что мне следует надеть, на случай, вдруг я забыла, что уместно носить в обществе Бартли.

В письме было кое-что невысказанное, слова, написанные невидимыми чернилами, просьба чтить свою сестру, надевая подходящую одежду и прилагая усилия, чтобы стать «общительной».

Я взрослая женщина, тридцати одного года от роду. Я не впадала в детство и не была сумасшедшей, вызывая беспокойство Верены и родителей по поводу несоответствующей одежды и поведения.

Но войдя в лучший универмаг и увидев стойки и вешалки с одеждой, я оказалась в полной растерянности. Слишком большой выбор для женщины, которая упростила свою жизнь до крайности. Продащица спросила, может ли она помочь мне, но я покачала головой.

Эта парализованность была оскорбительной. Я подтолкнула свой мозг. Я могу сделать это. Я должна найти...

— Лили, — сказал теплый, низкий голос.

Я развернулась на голос и увидела своего друга Бобо Уинтропа. Лицо Бобо потеряло юношескую привлекательность. Он стал девятнадцатилетним мужчиной.

Я обняла его без всякой задней мысли. В прошлый раз, когда я видела Бобо, он был вовлечен в семейную трагедию, которая разделила клан Уинтропов надвое. Он перешел в государственный колледж где-то во Флориде. Похоже, он максимально использовал это. Он был загорелым, и, очевидно, потерял немного в весе.

Он обнял меня еще с большим жаром. А когда я задрала голову, чтобы взглянуть на него

еще раз, он поцеловал меня, но был достаточно мудр, чтобы прервать поцелуй прежде, чем это стало проблемой.

— Ты приехал на каникулы? — спросила я.

— Да, а после них вернусь в УА. — У университета Арканзаса был большой кампус в Монтроузе, хотя некоторые из Шекспировских ребят предпочитали самое большое учреждение в Фейетвилле или филиал в Литл-Роке.

Мы смотрели друг на друга, молчаливо соглашаясь не обсуждать причины, по которым Бобо уехал из штата.

— Лили, что ты сегодня делаешь? Не работаешь?

— Нет, — ответила я коротко, надеясь, что он не станет спрашивать, почему его мама отказалась от моих услуг, в результате чего я потеряла других клиентов.

Он взглянул на меня взглядом, который я могла бы охарактеризовать как оценивающий.

— И ты здесь ходишь по магазинам?

— Моя сестра выходит замуж. Я еду домой на свадьбу и предсвадебные вечеринки.

— Так ты здесь прикупить что-нибудь из одежды. — Бобо смотрел на меня несколько минут. — И тебе не нравится ходить по магазинам.

— Верно, — сказала я печально.

— Нужно идти на вечеринку с вручением подарков?

— У меня есть список, — сказала я ему скучным голосом.

— Дашь взглянуть?

Я протянула ему распечатанный список.

— Вечеринка... две вечеринки. Обед. Потом репетиционный обед. Свадьба. Ты будешь подружкой невесты?

Я кивнула.

— Значит, у нее есть платье для тебя?

Я снова кивнула.

— Так что же тебе нужно?

— У меня есть хороший черный костюм, — сказала я.

Бобо выжидающе посмотрел на меня.

— Ну и все.

— О, ничего себе, Лили, — сказал он как юноша своего возраста. — Ты когда-нибудь вообще ходила по магазинам?

Тем же вечером я разложила свои покупки на кровати. Я могла рассчитаться платежной картой, но всего заработка хватило бы надолго.

Пара хорошо подрезанных черных брюк. На одну вечеринку я надену их с золотым атласным жилетом и белой шелковой блузкой. На вторую я надену их с голубой шелковой блузкой и черным жакетом. Обувь подойдет к черному костюму, или пара синих кожаных туфель, которые были в продаже. Я могу надеть свой хороший черный костюм на репетиционный обед. На званый обед у меня было белое платье, без рукавов, которое я могла зимой носить с черным жакетом, а летом — без. У меня были правильные украшения для каждого наряда, я купила пару золотых сережек-колец и большую золотую брошку непонятной формы. У меня уже имелись алмазные сережки и алмазная брошка, которые оставила мне бабушка.

Все это благодаря советам Бобо.

— Ты, должно быть, прочел журналы для девочек Эмбер Джин, — обвинила я его. У

Бобо была младшая сестра.

— Не-е. Единственная мудрость для посещения магазина, которую я могу предложить, это «Все должно соответствовать или сочетаться». Кажется, узнал от мамы. У нее целые полки одежды, которую можно скомбинировать.

Я должна запомнить это. Раньше я два раза в год убиралась в шкафах Уинтропов.

— Ты живешь дома? — спросила я, когда он развернулся, чтобы уйти. Из-за напряженной ситуации с Уинтропами мне было неудобно задавать Бобо вопросы, касающиеся его семьи.

— Нет. У меня здесь есть квартира. На Черт-Авеню. Я просто приехал подготовиться к весеннему семестру. — Бобо вспыхнул, впервые выглядя неуклюже. — Я пытаюсь проводить какое-то время дома, чтобы мои не чувствовали себя... брошенными. — Он провел пальцами по распущенным светлым волосам. — Ну, а как у тебя обстоят дела? Ты все еще встречаешься с тем частным детективом?

— Да.

— Все еще работаешь? — сказал он, уходя от опасной темы.

Я закивала.

Он обнял меня снова и пошел по своим делам, оставив меня с продавщицей по имени Марианна. Она сосредоточила внимание на нас, когда Бобо присоединился ко мне, а теперь, когда он ушел, она застряла со мной.

После того, как я отошла от шока, купить новую одежду казалось отличной идеей. Я отрезала ценники и повесила все новые вещи в шкаф в гостевой спальне, а чтобы одежда не морщилась, оставляла промежутки. На следующий день я время от времени смотрела на них, подозрительно приоткрывая дверь, как будто моя новая одежда могла вернуться в магазин.

Я всегда была очень осторожна с косметикой и волосами; ноги мои были как попка младенца. Мне нравилось знать, как я выгляжу; и мне нравилось управлять этим. Но я не хотела, чтобы люди оборачивались и глазели на меня, я не хотела, чтобы люди замечали меня. Джинсы и свитера, которые я носила, когда убиралась в домах, купала собак, покупала по списку товары в бакалее, действовали как камуфляж. Практичный, дешевый камуфляж.

Если я надену новую одежду, люди будут на меня смотреть.

Мне стало неудобно из-за всех этих изменений и перспективы возвращения в Бартли, поэтому, чтобы отвлечься я погрузилась в работу. Я все еще каждую субботу убирала офис Кэрри Труш. Та упомянула, что я должна приходить почаще, но мне стало как-то неприятно, вдруг она уверена, что у меня туго с финансами. Жалости не место в деловых соглашениях или дружбе.

Я убиралась в доме Дринквотерса, офисе турагента и офисе доктора Сайзмора. Я до сих пор убиралась в квартире Дидры Дин, и много времени работала на миссис Розитер, которая сломала руку, когда выгуливала Дурвуда, своего старого коккер-спаниэля. Но этого было недостаточно.

Я и в самом деле получила работу по украшению еще двух офисных Рождественских елок. Хорошенько поработала с одной и отлично поработала с другой, на которой была очень видима реклама, так как она стояла в офисе торговой палаты. Я использовала птиц и фрукты для украшений, теплые приглушенные тона и тщательно скрыла огоньки, делая дерево более спокойным, чем некоторые из увиденных мною в городе.

Я прекратила заказывать газеты из Литл-Рока, чтобы сократить расходы, пока мой список клиентов не вырастет. Таким образом, во вторник днем я была в офисе доктора

Сайзмора, когда увидела воскресный выпуск упомянутой газеты. Я подхватила его, чтобы бросить в мусорную корзину, и мой взгляд случайно зацепился за заголовок «Нераскрытые преступления — никакого счастливого праздника». Газета была датирована спустя два дня после Дня благодарения, это подсказало мне, что один из сотрудников офиса засунул ее куда-то, а перед Рождественской уборкой откопал.

Я опустила на край стула приемной, чтобы прочитать первые три абзаца.

Из года в год они пытались разместить на страницах газеты как можно больше историй, связанных с праздником, в вестнике «Арканзас демократ» брали интервью у членов семей убитых (если убийство не было раскрыто) или похищенных (если похититель не был найден).

Я бы не продолжила читать статью, вызвавшую впоследствии череду неприятных воспоминаний, если бы не фотография малышки.

Заголовок под фотографией гласил: «Саммер Дон Макклесби на момент ее исчезновения. О местонахождении Саммер ничего неизвестно на протяжении восьми лет».

На фотографии она была крошечным младенцем, может быть, неделю от роду. Маленький кружевной бантик каким-то чудом обхватывал редкие прядки волос малышки.

Хотя я знала, что расстроюсь, но все равно стала выискивать имя ребенка в колонке текста. Оно всплыло после историй о трех матерях, застреленных в банке в Сочельник, и о девушке-клерке, работающей в магазине, которую изнасиловали и зарезали ножом в ее день рождения, совпавший с Днем благодарения.

«Восемь лет назад на этой неделе, Саммер Дон Макклесби украли из детского кресла Порше ее родителей, живших в пригороде Конвея, — так началась статья. — Тереза Макклесби, готовясь к походу по магазинам, оставила свою грудную дочь в машине, на минуту зайдя в дом, чтобы забрать пакет с письмами, которые собиралась отправить в преддверии Рождества. Пока она находилась в доме, зазвонил телефон, и хотя Макклесби уверена, что отсутствовала не больше пяти минут, к моменту ее возвращения Саммер Дон исчезла».

Я закрыла глаза. Свернула газету, чтобы не читать остальную часть истории и отправила ее в мусорную корзину, как будто она была заражена горем и страданиями, подразумеваемыми в той личной истории.

Тем вечером я собиралась на прогулку.

В некоторые ночи сон играл со мной злую шутку и уходил. В те ночи независимо от усталости, независимо от необходимости восполнить энергию на предстоящий день, я шла прогуляться. По сравнению с прошлым годом это случалось не так часто, но так все-таки случалось, возможно, раз в две недели.

Иногда я проверяла, что никто не видел меня. Иногда я шагала посередине улицы. Мои мысли редко бывали приятными, и все же мой ум не мог больше находиться в ладу с телом.

Я никогда не понимала этого.

В конце концов, я часто говорю себе: «Плохое уже произошло. Больше бояться я не должна».

Разве не все ждут плохого? Каждая женщина, которую я когда-либо знала, ждала чего-то плохого. Возможно, у мужчин тоже есть что-то Плохое, и они не допускают его. Плохое для женщины — это, конечно, похищение, изнасилование, удары ножом; потом остановка кровотечения, и вот она объект отвращения и жалости для тех, кто обнаруживает ее, будь она мертвой или живой.

Ну, так было и со мной.

Поскольку я никогда не была матерью, других бедствий я себе не представляла. Но сегодня вечером я подумала, что, возможно, есть что-то и похуже. Похищение твоего ребенка. Годы представлять, что кости ребенка валяются в канавной грязи, или что он жив, и его систематически насилует какой-нибудь монстр.

Незнание.

Благодаря тому просмотру газеты, теперь я это представляла.

Я надеялась, что Саммер Дон Макклесби мертва. Я надеялась, что она умерла в течение часа после похищения. Я надеялась, что в течение того часа она находилась без сознания. Когда я шла и шла холодной ночью, это казалось мне наилучшим вариантом развития событий.

Конечно, существовала вероятность, что какая-то любящая пара, отчаянно желающая завести себе маленькую девочку, просто забрала Саммер Дон и купила для нее все, что сердце той пожелало, отправила ее в превосходную школу и проделала большую работу по ее воспитанию.

Но я не думала, что у такой истории, как у Саммер Дон Макклесби, мог быть счастливый конец, как и не считала большинство людей хорошими. Я не считала, что Господь дает компенсацию за горе. Я не считала, что, когда одна дверь закрывается, открывается другая.

Я считала, что это все чушь собачья.

Я пропущу парочку занятий каратэ, пока буду в Бартли. Да и спортзал будет закрыт на рождественские каникулы. Возможно, я компенсирую это, занимаясь гимнастикой в своей комнате? И я дала бы передышку больному плечу. Я старалась ворчать не больше обычного, дабы упаковать чемодан перед отъездом. Мне следовало прибыть туда и делать все с вынужденным изяществом.

Во время поездки в Бартли, который находился в трех часах езды на восток и немного севернее Шекспира, я попыталась получить какое-то радостное предвкушение от предстоящего визита.

Это было бы проще, если бы я ненавидела своих родителей. Но я любила их.

Это никоим образом не их вина, что меня похитили, изнасиловали, и СМИ везде раструбили об этом, моя и их жизни изменились еще больше, чем это было неизбежно.

И никоим образом это не их вина, что никто, пока я росла, не относился ко мне, как к нормальному человеку, после того мига, когда изнасилование оказалось под вниманием прессы и телевизионных камер.

Это не вина моих родителей, что мой парень, с которым мы встречались два года, бросил меня после того, как пресса переключила свое внимание с меня на него.

Ничто из этого не было их или моей ошибками, но это навсегда изменило отношения между нами. Мои мать и отец не могли смотреть на меня, не думая о том, что произошло со мной. Они не могли говорить со мной без окрашивания разговора в банальный тон. Моя единственная родная сестра, Верена, которая всегда была более спокойной и гибкой, чем я, никогда не могла понять, почему я не отошла от этого и не продолжила вести привычный образ жизни; мои родители не знали, как наладить контакт с женщиной, которой я стала.

Борьба с этими эмоциями была утомительной, похожей на бег хомячка в колесе, и я

обрадовалась, завидев предместья Бартли — бедные покосившиеся домишки и незначительные компании, которые покрывали пятнами подъезд к большинству маленьких городов.

Потом я проехала мимо заправки, где мои родители пополняли баки своих автомобилей; мимо химчистки, куда мама сдавала пальто; мимо пресвитерианской церкви, которую они посещали всю свою жизнь, где их крестили, женили, крестили их дочерей, и где они будут похоронены.

Я повернула на знакомую улицу. Еще один квартал, и вот дом, в котором я выросла, одетый в свое зимнее пальто. Розовые кусты подстрижены. Ровная трава большого двора была бледной от инея. Дом стоял посреди большого участка, окруженный клумбами моего отца. На парадной двери висел огромный рождественский венок, сделанный из скрученных виноградных лоз и небольших игрушечных золотых труб, а украшенная ель виднелась в большом окне гостиной. Родители перекрасили дом, когда Верена и Дил обручились, поэтому дом сиял белым в честь проведения свадебных торжеств.

Я припарковалась на обочине дороги на бетонном козырьке, который сделали мои родители, когда мы с Вереной начали ездить. У нас частенько бывали друзья, и родители устали от того, что их машинам постоянно закрывали проезд.

Я вылезла из автомобиля и долго-долго смотрела на дом, разминая ноги после поездки. Когда я тут жила, он казался таким большим. Я всегда считала, что мне повезло расти в этом доме.

Теперь же я видела довольно типичное строение, дом в стиле пятидесятых годов, с двойным гаражом, гостиной, рабочим кабинетом, большой кухней, столовой, тремя спальнями и двумя ваннами.

За гаражом было рабочее помещение для моего отца, не сказала бы, что он там что-то делал, но все мужчины нуждались в таком. По той же причине в спальне моих родителей в углу стояла швейная машинка, ведь она должна иметься у каждой женщины, невзирая на тот факт, что моя мать ни разу не использовала ее для чего-то значительнее распоротого рукава. И мы, Барды владели полным набором фамильного серебра, хотя никогда из него не ели. Когда-нибудь, со временем, мы с Вереной поделим серебро между собой, и забота о нем ляжет на наши плечи; то тяжелое, декоративное серебро было слишком прекрасно и слишком проблематично в использовании.

Я вытащил чемодан и сумку с заднего сидения и подошла к парадной двери. Мои ноги казались все тяжелее с каждым шагом.

Я была дома.

Верена открыла дверь, мы бегло оценили друг друга, и только потом обнялись.

Верена выглядела хорошо.

В детстве я была симпатичнее. Мои глаза были голубее, нос — прямее, губы — полнее. Но это больше не имело для меня значения. Думаю, для Верены это все еще очень много значит. Волосы у нее длинными и скорее красными, чем каштановые. Она носила синие контактные линзы, которые усиливали цвет ее глаз до причудливой степени. Нос был слегка курнос, рост приблизительно на два дюйма ниже моего, большие грудь и зад.

— Как свадебный процесс? — спросила я.

Она распахнула глаза и заставила руки дрожать. На пороге.

За ней я видела столы, которые были приспособлены под подарки.

— Ого, — сказала я, качая головой в знак признания. Там стояли три длинных стола

(уверена, что мои близкие одолжили их у церкви), накрытые блестящими белыми скатертями, каждый их дюйм был покрыт товарами народного потребления. Бокалы, тканевые салфетки и скатерти, фарфор, серебро, серебряные вазы, ножи для писем, фотоальбомы, ножи и разделочные доски, тостеры, одеяла...

— Люди — такие милые, — сказала Верена, ответ ее прозвучал заученно; нет, имела-то она в виду именно это, но я была уверена, что она говорила это гостям снова и снова.

— Ну, им никогда не приходилось тратить на нас, не так ли? — заметила я, поднимая брови. Ни я, ни Верена, никогда не были замужем, в отличие от некоторых наших знакомых из средней школы, которые на настоящий момент были разведены уже дважды.

Из кабинета в гостиную вышла мама. Она была бледной, как и я. Верене нравилось загорать, а отец загорал неизбежно; он скорее будет работать во дворе, чем заниматься сидячей работой.

— О, милая! — сказала моя мать и прижала меня к себе. Моя мать была ниже меня, тонкая, ее волосы были блондинистыми, почти белыми. Глаза голубые, как и у каждого члена нашей семьи, но их цвет, кажется, углубился за прошедшие пять или шесть лет. Ей никогда не приходилось носить очки, ее слух был превосходным, и она победила рак молочной железы десять лет назад. Она не носила трендовую или модную одежду, но никогда не выглядела плохо одетой.

Месяцы, годы, казалось, таяли. Такое ощущение, словно я видела их только вчера.

— Где папа? — спросила я.

— Он пошел в церковь, чтобы взять еще один стол, — объяснила Верена, пытаясь улыбаться не так широко. Моя мать подавила свою улыбку.

— Он взял напрокат весь этот свадебный хлам?

— Ты же знаешь, — сказала Верена. — Ему просто это нравится. Он ждал этого многие годы.

— Это будет свадьбой десятилетия в Бартли, — сказала я.

— Ну, — начала Верена, когда мы двинулись через холл к моей старой комнате, — если миссис Кинджери сможет добраться сюда, то возможно. — Ее голос звучал немного плаксиво и плоско, как будто это беспокойство или жалоба возникли так давно, что истинные эмоции выцвели.

— Мать Дила может не приехать? — спросила я недоверчиво. — Так, она действительно старая и больная... или что?

Моя мать вздохнула.

— Мы совершенно не можем решить, в чем проблема, — объяснила она. Она посмотрела вдаль, как будто ключ к разгадке поведения будущей свекрови Верены написан на газоне за окном.

Верена взяла мою сумочку и открыла шкаф, чтобы подвинуть вешалки. Я поставила чемодан на тройной комод, который был моей гордостью и радостью в шестнадцать лет. Верена оглянулась на меня через плечо.

— Я думаю, — сказала она, — что, может быть, миссис Кинджери так сходила с ума из-за первой жены Дила, что она не хочет видеть ее замену. Ты знаешь, Анна — их малышка, и все такое.

— Мне кажется, что она бы обрадовалась, что у Анны будет такая хорошая мачеха, — вслух сказала я, подумав, какая из Верены может выйти мать.

— Это была бы разумная позиция. — Мама вздохнула. — Я просто не знаю, да и ты не

спросишь напрямую.

Я могла. Но знала, что они этого не хотят.

— Она должна приехать на завтрашнюю репетицию, верно?

Мои мать и сестра с тревогой переглянулись.

— Мы так думаем, — сказала Верена. — Но Дил, кажется, не собирается мне сообщить что предпримет эта женщина.

Мать Дила (Дилларда) Кинджери все еще была в родном городе Дила, как я понимаю, в Пайн-Блафф.

— Как долго ты встречаешься с Дилом? — спросила я.

— Семь лет, — сказала Верена, ослепительно улыбаясь. Очевидно, этот вопрос часто задавали Верене и Дилу с тех пор, как они объявили о свадьбе.

— Дил старше тебя?

— Да, он даже старше тебя, — сказала сестра.

Некоторые вещи никогда не меняются.

С порога дома донеслось приветствие отца.

— Кто-нибудь придет и поможет мне с это чертовой штукой? — проревел он.

Я спустилась туда первая.

Мой отец был коренастым, низеньким и лысым как шар для игры в боулинг. Он тащил длинный стол из кузова пикапа к парадной двери и определенно нуждался в помощи, чтобы затащить его по лестнице.

— Привет, голубка, — сказал он, сияя улыбкой.

Я поняла, что улыбка исчезнет достаточно скоро, поэтому, обняла его, пока была возможность. Потом я взялась за стол, который он прислонил к железным перилам, дотащить до парадной двери оставалось лишь пару шагов.

— Ты уверена, что он не слишком тяжелый для тебя? — засуетился папа. У него всегда было заблуждение, что нападение, которое я пережила, сделало меня слабой внутренне, что каким-то таинственным образом я стала хилой. Факт, что я мог отжать лежа 120 фунтов, иногда больше, никакого влияния на это заблуждение не оказывал.

— Все нормально, — сказала я.

Он взялся за другую часть стола, с которой металлические ножки сворачивались вниз, чтобы его легче было нести. Немного маневрируя, мы втащили его в гостиную. Пока я держала стол, он вытащил металлические ножки и вправил их на место. Мы поставили стол. Все это время он волновался вслух, что я слишком сильно напрягаюсь.

Глаза сильно зажгло.

Моя мать появилась в самый последний момент с еще одной безупречной белой скатертью. Не говоря ни слова, встряхнула ее. Я схватила свободный конец, и мы ровно ее расстелили по столу. Отец всё болтал о количестве свадебных подарков, которые Верена и Дил получили, о количестве свадебных приглашений, которые они послали, о подтверждениях, которые они получили, о приеме...

Я тайком разглядывала его, когда мы переставляли некоторые подарки на новый стол. Папа выглядел не очень хорошо. Его лицо казалось краснее, чем должно было быть, ноги, казалось, болели, а руки немного дрожали. Я знала, что ему поставили диагноз: высокое кровяное давление и артрит.

Возникла неловкая пауза, когда мы завершили нашу задачу.

— Поехали в мою квартиру, посмотрим платье, — предложила Верена.

— Хорошо.

Мы сели в автомобиль Верены для короткой поездки в ее квартиру, которая располагалась в небольшом желтом домике, стоящем рядом с большим старым желтым домом, где жили Эмори и Мередит Осборн с их маленькой дочкой и новорожденным ребенком, объяснила Верена.

— Когда Осборны купили этот дом у старой миссис Смитертон, она собиралась уехать в поместье Кизил, я говорила тебе? Я волновалась, что они поднимут арендную плату, но они этого не сделали. Они мне оба нравятся, хоть вижу их я нечасто. Девочка такая милая, всегда с бантиком в волосах. Она иногда играет с Анной. Время от времени Мередит забирает Анну и малышку О'Шисов после школы.

Мне кажется, я вспомнила, что О'Шисы — это пресвитерианский священник и его жена. Они приехали сюда после моего переезда в Шекспир.

Верена продолжала болтать, как будто только и ждала, чтобы рассказать мне свою жизнь во всех подробностях. Или как будто она чувствовала себя со мной неловко.

Мы съехали с дороги и проехали к большому дому, чтобы припарковаться. Ее дом был копией большого в миниатюре, сделанной с бледно-желтой обшивкой, темно-зелеными ставнями и белой отделкой.

Во дворе играла маленькая девочка, худенький ребенок с длинными каштановыми волосами. Конечно же, веселый красно — зеленый бант торчал прямо над ее челкой. В этот холодный день она была одета в тренировочный костюм, а сверху еще и в пальто и наушниками, но, тем не менее, похоже, ей было холодно. Она помахала, когда Верена вышла из своего автомобиля.

— Привет, мисс Верена, — прокричала она вежливо. В руках она держала мяч. Когда я вышла из пассажирской двери, она уставилась на меня с любопытством.

— Ева, это моя сестра — Лили. — Верена повернулась ко мне. — У Евы тоже есть сестра.

— Как ее зовут? — спросила я, чувствуя необходимость в вопросе. Я очень неуверенно чувствовала себя с детьми.

— Джейн Лилит, — пробормотала Ева.

— Как мило, — сказала я, потому что не могла придумать, что еще можно добавить.

— Сейчас твоя сестричка спит? — спросила Верена.

— Да, и мама тоже, — сказала девочка несчастно.

— Пошли, посмотрим мое платье, — пригласила Верена.

Ева по — настоящему оживилась. Верена умела ладить с детьми. Мы поплелись в небольшую гостиную дома, а потом последовали за Вереной в ее спальню. Дверь в гардеробную была открыта, свадебное платье висело на специальной вешалке поверх двери, укрытое чехлом.

Ну, это было белое, подвенечное платье.

— Оно прекрасно, — сказала я мгновенно. Дурой я не была.

Ева была охвачена благоговейным трепетом.

— О-о-о-о, — сказала она, затаив дыхание.

Верена рассмеялась, и я, глядя на сестру, увидела, каким теплым и отзывчивым было ее лицо, какой добродушной она выглядела.

— Я рада, что тебе нравится, — сказала она и продолжила говорить понятно для ребенка, что было совершенно не по мне.

— Ты можешь приподнять меня, чтобы я посмотрела вуаль? — спросила Ева Верену.

Я посмотрела туда, куда указывала девочка. Метры и метры фаты ее были приспособлены к тщательно продуманной диадеме, висевшей рядом с платьем.

— О, дорогая, я не смогу тебя поднять, ты слишком большая для меня, — сказала Верена, качая головой. Я чувствовала, что мои брови ползут вверх. Как такое возможно, что Верена не в состоянии поднять эту девочку? Я оглядела ребенка. Семьдесят пять фунтов, отлично. Я присела на корточки, обхватила ее руками и подняла.

Ева завизжала от удивления и восхищения. Она извернулась, чтобы посмотреть вниз на меня.

— Тебе видно? — спросила я.

Ева исследовала фату, восхищаясь блестящей, расшитой блестками диадемой, ее глаза на мгновение стали мечтательными.

— Теперь можешь опустить меня, — сказала она наконец, и я опустила ее на пол. Девочка повернулась, чтобы пристально посмотреть на меня, оценивая.

— Ты действительно сильная, — сказала она восхищенно. — Держу пари, тебя никто не обижает.

Я практически на вкус почувствовала внезапное молчание Верены.

— Нет, — сказала я малышке. — Теперь меня никто не обижает.

Узкое личико Евы стало задумчивым. Она поблагодарила Верену за то, что та показала ей платье и фату очень вежливо, но казалась почти отрешенной, сказав, что должна возвращаться домой.

Верена посмотрела, как Ева уходит.

— О, Дил пришел! — воскликнула она счастливым голосом. Я смотрела на белый полиэтилен, окутывающий платье, дольше, чем нужно, а потом последовала за Вереной в гостиную.

Я знала Дила Кинджери с тех самых пор, как он переехал в Бартли. Он только начал встречаться с Вереной, когда случилось настоящее извержение в моей жизни. Он очень утешал мою сестру в течение того времени, когда вся семья нуждалась в помощи.

Они продолжали встречаться с тех пор. Это были достаточно долгие отношения для Верены, ее из-за этого слегка дразнили коллеги в крошечной больнице Бартли.

Глядя на Дила теперь, я задалась вопросом, почему он подволакивал ноги. Я не думала, что он отгонял других женщин палкой. Дил был очень хорош собой и очень приятен в общении, но вряд ли на него оглядываются посмотреть еще раз. У жениха моей сестры были редящие волосы песочного света, привлекательные карие глаза, очки в проволочной оправе и счастливая улыбка. Его дочь, Анна, была худенькой девочкой восьми лет с толстыми каштановыми волосами по плечи, которые были легче, чем у ее отца. У Анны были папины глаза и улыбка. Мать Анны умерла, когда девочке было приблизительно восемнадцать месяцев, как сказал нам Дил, она погибла в автокатастрофе.

Я смотрела, как Анна обняла Верену. Она собиралась сбежать, чтобы поиграть с Евой, когда Дил остановил ее.

— Поздоровайся с тетей Лили, — сказал он твердо.

— Здравсьте, тетя Лили, — послушалась Анна и помахала мне рукой, я помахала ей в ответ. — Можно теперь я поиграю с Евой, папа?

— Хорошо, конфетка, — сказал Дил, и эти две девочки загремели снаружи, в то время как Дил повернулся ко мне, чтобы обнять меня. Я должна была вынести это, что я и сделала,

но случайных прикосновений терпеть не могла. И я не вполне приспособилась быть «тетей Лили».

Дил задал мне обычные вопросы, предназначенные тому, кого долго не видели, и мне удалось вежливо ответить. Я уже было напряглась, но ничего не случилось. Что со мной не так? Я уставилась в окно в замешательстве, пока Дил и моя сестра обсуждали планы на вечер. Сегодня вечером, как я поняла, у Дила был мальчишник, а мы с Вереной и мамой шли на девичник.

Когда я наблюдала за двумя маленькими девочками, играющими на газоне, перекидывающими между собой надувной мяч и много бегающими, я пыталась вспомнить какую-нибудь похожую игру, в которую мы играли с Вереной. Конечно же, у нас такая была? Но я не могла вытащить ни единого воспоминания.

Не спрашивая меня, Дил сказал Верене, что отвезет меня домой, чтобы она могла начать готовиться. Я посмотрела на свои часы. Если Верене требовалось три часа на подготовку к вечеринке, то, по моему мнению, ей необходима помощь. Но Верена казалась довольной предложением Дила, так что я вышла на улицу и пошла к форду Бронко Дила. Крошечная, худая женщина вышла из большого дома, чтобы позвать Еву.

— Привет, — сказала она, когда заметила меня.

— Привет.

Ева подбежала, таща за собой Анну.

— Мама, это сестра Верены, — сказала она. — Она приехала на свадьбу. Мисс Верена показала мне свое платье, а мисс Лили подняла меня так, чтобы я увидела фату. Ты не поверишь, мисс Лили такая сильная! Могу поставить, что она может поднять лошадь!

— Боже мой, — сказала мама Евы, на ее худом личике появилась сладкая улыбка. — Тогда я лучше поздравляюсь. Я — мать Евы, как вы, уверена, уже догадались. Мередит Осборн.

— Здравствуйте снова, — сказала я. — Я — Лили Бард. — У этой женщины был еще один ребенок, согласно словам Верены, но она выглядела не крупнее своей дочери. Потерять «послеродовой лишний вес» — явно для Мередит Осборн не проблема. Не думаю, что лет ей больше моего, скорее, она даже моложе.

— Вы можете поднять нас обеих, мисс Лили? — спросила Ева, и моя племянница внезапно посмотрела на меня более заинтересованно.

— Думаю, что да, — сказала я, сгибая колени. — По одной с каждой стороны, давайте!

Каждая из девочек выбрала сторону, я сцепила руки вокруг них и встала, удостоверившись, что могу устоять. Девочки визжали от волнения.

— Держитесь, — напомнила я им, и они перестали вертеться, а ведь я волновалась, что именно это отправит нас всех на асфальт.

— Мы — королевы мира, — кричала Анна экстравагантно, проведя рукой, чтобы очертить сферу ее влияния. — Посмотрите, как мы высоко!

Дил говорил с Вереной, стоя в дверях, но сейчас он осмотрелся, чтобы узнать, что делала Анна. Его лицо выглядело почти смешным от удивления, когда он увидел девочек.

С какой-то тревожной улыбкой, пытаясь не запаниковать, он шагнул.

— Лучше спускайся, конфетка! Ты тяжелая для мисс Лили.

— Они обе маленькие, — сказала я мягко и отдала Анну ее папе. Еву я подняла перед собой и мягко поставила ее. Она улыбнулась мне. Ее мать посмотрела на девочку с той улыбкой, с которой смотрят женщины, обожающие своих детей. Из дома донесся тихий

плач.

— Я слышу, как плачет твоя сестра, — сказала Мередит Осборн устало. — Мы лучше пойдём и посмотрим. До свидания, мисс Бард, рада с вами познакомиться.

Я кивнула Мередит и слегка улыбнулась Еве. Ее выглядевшие огромными карие глаза всматривались в меня. Она улыбнулась мне от уха до уха, а потом убежала вслед за мамой.

Анна и ее отец уже были в Форде Бронко, так что я тоже забралась в машину. Дил болтал всю дорогу до дома моих родителей, но я лишь наполовину подыгрывала ему. Сегодня я уже поговорила с большим количеством людей, чем я обычно разговаривала в Шекспире за три-четыре дня. У меня не было привычки болтать.

Я вышла из машины, кивнув Дилу и Анне, и пошла в дом. Мама суетилась на кухне пытаясь приготовить нам что-нибудь перед девичником. Папа был в ванной, готовился к мальчишнику.

Моя мать волновалась, что друзья Дила могут пригласить на вечеринку стриптизершу. Я пожалала плечами. Отец не будет смертельно обижаться.

— На самом-то деле я волнуюсь за кровяное давление твоего папы, — сказала мама с полуулыбкой. — Если из торта выпрыгнет голая женщина, кто его знает, что может случиться!

Я налила чай со льдом и поставила стаканы на стол.

— Вероятность, что кто-то сделает это, не очень велика, — ответила я, потому что она искала утешения. — Дил — не ребенок, и это у него не первый брак. И я не думаю, что кто-то из его местных друзей может устроить это. — Я села на стул.

— Ты права, — согласилась мама с некоторым облегчением. — У тебя всегда есть какой-то здравый смысл, Лили.

Не всегда.

— Ты... с кем-нибудь... встречаешься... сейчас, дорогая? — спросила мама мягко.

Я смотрела, как она порхает над столом с тарелками в руках. И чуть не сказала автоматически «нет».

— Да.

Мимолетное ясное облегчение и удовольствие, вспыхнувшее на бледном, узком лице моей матери, были такими интенсивными, что мне захотелось забрать свое «да» назад. Каждый проведенный вместе с Джеком час я чувствовала, что мы на правильном пути, и тот факт, что моя мать классифицировала наши отношения как «просто встречаемся», заставляло меня ужасно беспокоиться.

— Ты можешь рассказать мне немного о нем? — Голос мамы был спокойным, а ее руки не дрожали, когда она поставила перед нами тарелки. Она села напротив меня и начала размешивать сахар в чае.

Я и не понятия не имела, что ей рассказать.

— О, ничего страшного, я не хочу нарушать твою частную жизнь, — сказала она через мгновение растерявшись.

— Нет, — сказала я столь же быстро. Мне казалось ужасным, что мы были так осторожны друг с другом, взвешивали каждое слово, и молчали. — Нет, это... не, все в порядке. Он... — я представила Джека, и меня охватил прилив тоски, такой сильный и болезненный, что дыхание сбилось. Восстановив дыхание, я продолжила: — Он — частный детектив. Живет в Литл-Роке. Ему тридцать пять.

Моя мать положила свой сэндвич на тарелку и заулыбалась.

— Это замечательно, милая. Как его зовут? Раньше он был женат?

— Да. Его зовут Джек Лидс.

— У него есть дети?

— Нет.

— Тогда легче.

— Да.

— Хотя я знаю, маленькой Анне теперь так хорошо, но сначала, когда Дил и Верена только начали встречаться... Анна была такой маленькой, даже пришлось приучать ее к туалету, а мать Дила, казалось, не хотела приезжать, чтобы позаботиться об Анне, хотя та была милым маленьким малышом...

— Это беспокоило тебя?

— Да, — признала она, кивая седой головой. — Да, я беспокоилась. Не знала, справится ли Верена. Она не занималась с детьми, не была нянькой и никогда не отзывалась о детях так же, как большинство девочек. Но они с Анной, казалось, хорошо подошли друг другу. Иногда она устаёт от небольших проказ Анны, а иногда Анна напоминает Верене, что она не ее настоящая мать, но по большей части они отлично ладят.

— Дил не был в аварии, в которой погибла его жена?

— Нет, она была одна в машине. Очевидно, Джуди — его жена — оставила Анну у няни.

— Это было до переезда сюда Дила?

— Да, всего за несколько месяцев до этого. Он жил к северо-западу от Литл-Рока. Говорит, как чувствовал, что он просто не может продолжать воспитывать Анну, каждый день проходя мимо места гибели супруги.

— Значит, он переехал в город, где не знает ни души, где у него нет семьи, чтобы это помогло ему воспитать Анну, — брякнула я не подумав.

Мама остро глянула на меня.

— И нам следует порадоваться, что он сделал это, — сказала она твердо. — Здесь продавалась аптека, и замечательно, что она осталась открытой, поэтому у нас есть выбор. — В Бартли тоже имелась сеть аптек.

— Конечно, — согласилась я, чтобы поддержать мир.

Мы в молчании закончили есть. Отец прошел через кухонную дверь к своему автомобилю, ворча все время о том, что он не вписывается в мальчишник. Мы же могли сказать, что на самом деле радовался приглашению. На его протянутую ладонь положили завернутый подарок, и когда я спросила, что это такое, его лицо стало еще более красным. Он натянул пальто и захлопнул за собой заднюю дверь, не отвечая.

— Я подозреваю, что он купил в подарок один из тех неприятных кляпов, — сказала мама с улыбкой, услышав, как отец выезжает с подъездной дорожки.

Люблю удивляться моей матери.

— Я помою посуду, пока ты собираешься.

— Ты должна примерить свое платье подружки невесты! — сказала она резко, вставая выйти из кухни.

— Прямо сейчас?

— Вдруг нам надо подшить его?

— О... ты права. — Этот момент я ждала без всякого удовольствия. Платья подружек невесты были печально известны непригодностью, и я заплатила за него, как должна

поступить хорошая подружка невесты. Но его еще не видела. В один прекрасный момент я представляла платье из красного бархата с отделкой из искусственного меха, удовлетворяющее рождественские мотивы.

У меня должно быть больше доверия к Верене. Платье, висевшее в моем гардеробе в спальне, было замотано в пластик. Как и платье Верены, оно было бархатным, глубокого бургундского цвета с атласной лентой под грудью. Сзади, где края ленты соединялись, был бант, но его можно снять. Платье было с глубоким декольте, на спине был вырез. Моя сестра не хотела скромных подружек невесты, это уж точно.

— Примерь его, — убеждала мать. Она не будет счастлива, пока я не сделаю этого. Стоя к ней спиной, я сняла свою рубашку и вылезла из обуви и джинсов. Но мне пришлось повернуться к ней лицом, чтобы взять платье, которое она достала из полиэтиленового мешка.

Каждый раз из-за моих шрамов сердце ее сжималось. Она глубоко, рвано выдохнула, вручила мне платье и я надела его через голову как можно быстрее. Я повернулась, чтобы она застегнула его, и мы в унисон посмотрели на него в зеркало. Наши взгляды немедленно направились к декольте. Отлично. Ничего не видно. Спасибо, Верена.

— Выглядит красиво, — сказала мама решительно. — Теперь выпрямись. (Как будто я сутулилась.) Платье хорошо сидело, да и кому неприятна мягкость бархата?

— Какие цветы мы несем?

— Букеты подружек невесты будут из длинных веток гладиолусов и какого-то другого материала, — сказала мама, которая строго оставила тему садоводства за моим отцом. — Ты — подружка невесты, ты знаешь.

Верена не видела меня три года.

Это была не просто свадьба. Это было полномасштабное примирение в семье.

Я хотела этого, но не знала, способна ли. Плюс я давненько не бывала на свадьбах.

— Я должна сделать что-то особенное?

— Ты должна поднести кольцо Верены Дилу и взять ее букет, пока она произносит клятву. — Мама улыбнулась мне, и в уголках ее чистых голубых глаз появились морщинки. Она улыбалась всем лицом, не только губами. — Тебе повезло, что она не выбрала платье с десятифутовым шейфом, потому что тогда тебе бы пришлось нести его до того момента, пока она не покинет церковь.

Думаю, запомнить про кольцо и букет я могу.

— Мне следует благодарить ее за такую честь, — произнесла я и лицо мамы перекопилось на несколько минут. Она думала, что это был сарказм.

— Именно это я и хочу сказать, — я практически физически ощутила, как она расслабилась.

Я была настолько страшной, настолько непредсказуемой, настолько грубой?

Выбравшись из платья и надев футболку, я мягко похлопала мать по плечу, когда она удостоверилась, что платье висит на вешалке абсолютно ровно.

Она мимолетно улыбнулась мне, а затем мы вернулись в кухню, чтобы помыть посуду.

Глава 2

На прием я надела свободную белую блузку, золотистый жакет и черные брюки. Пуговицы на блузке застегнуты до самой шеи. Мой макияж был легким и безупречным, а волосы взбиты а-ля «Солнце Африки». Я решила, что выгляжу хорошо и уместно.

Пристегиваясь на заднем сидении в машине матери, я попыталась расслабиться.

По дороге мы выбрали Верену. Это уже второй прием гостей с преподнесением свадебных подарков невесте, но она была так взволнованна и счастлива, как если бы мысль о праздновании предстоящего замужества идея свежая.

Мы ехали через весь город в дом хозяйки приема, Марджи Липском. Марджи тоже работала медсестрой в маленькой больнице Бартли, которая постоянно то находилась под угрозой закрытия, то закрывалась. Она вышла замуж за самого известного в Бартли адвоката, о котором фактически нечего было сказать. Бартли — городишка заштатный, и на этом этапе своего существования он был беден.

Отсюда вывод, что примерно семьдесят процентов населения города живут на социальные пособия.

Когда я росла, казалось, что Бартли попросту скучный город. Вы и не поймете, что такое скука, пока не поживете в провинции.

Я не говорю про низкие, покатые холмы вокруг Шекспира. Я не говорю про мерзкие Рождественские украшения. Я не говорю про мой дом. Я не упоминаю тренажерный зал.

Я отдала бы все, лишь бы мне достало эгоизма запрыгнуть в свою машину и умчаться домой.

Я медленно, глубоко дышала, как перед поднятием груза, весьма и весьма тяжелого. Также я поступала перед спаррингом в классе каратэ.

Мама проехала мимо полуразрушенного мотеля Бартли, и я заглянула в его номера. Диво дивное, там припаркован автомобиль, и, похоже, что... мое сердце пустилось вскачь.

Я потрясла головой. Не может быть.

Мы припарковались на улице перед белым кирпичным домом, светящимся, как торт ко дню рождения. На парадной двери висел свадебный колокольчик из фольги. В холле стояла крепкая рыжеволосая женщина... Марджи Липском. Я помнила ее пухлой брюнеткой.

Мать похлопала меня, сестра обняла, а я заскрежетала зубами.

— О, Лили! Девочка, ты прекрасно выглядишь! — воскликнула Марджи. Она схватила меня и обняла. Я вытерпела это. Марджи моя ровесница, но никогда не была мне хорошей подругой; они сблизилась с сестрой, когда стали работать вместе. Марджи всегда громко говорила и любила обниматься. Теперь она собиралась дополнительно суесться надо мной, потому что чувствовала жалость.

— Разве она не стала еще симпатичнее, Фрида? — сказала Марджи моей матери. Суперкомпенсация за навязчивость.

— Лили всегда была прекрасна, — сказала моя мать спокойно.

— Ну, тогда пойдёмте! — Марджи схватила меня за руку и повела в гостиную. Я прикусила щеку, оттого что немного паниковала и злилась. Нервный приступ, которого у меня не было долгое время. Долгое, очень долгое время.

Я натянула улыбку и постаралась удержать ее.

После того, как я покивала всем и пообещала «Рассказать позже» в ответе на почти каждый вопрос, то смогла сесть на стул, стоявший в углу переполненной гостиной. После этого все, что я должна была сделать — это нацелить приятный взгляд в направлении самого громкого оратора, и мне это удалось.

Это был девичник с дамским бельем, и я купила Верене подарок, когда совершала покупки в Монтроузе. От меня она подарка не ждала, а потому и не заметила, как я принесла его в дом. Она удивленно посмотрела на меня, когда прочитала карточку с подписью. Может

мне и показалось, но она выглядела немного опасующейся.

В подарок я преподнесла длинную ночную рубашку с тонкими бретельками и кружевами на подоле и груди. Черную. И красивую. Да что там, она была сексуальной. Когда Верена сорвала обертку, мне внезапно показалось, что я совершила ужасную ошибку. Самый смелый предмет туалета, который Верена до сих пор получала — это рубашка с тигром Тедди и еще какими-то красными мордашками.

Когда Верена вытряхнула ночную рубашку и подняла ее, наступило минутное молчание, в течение которого я решила улизнуть через черный вход. Потом Верена сказала:

— Ничего себе. Это для брачной ночи. — Дальше последовал хор «О-о-о» и «О, ничего себе».

— Лили, это красиво, — сказала Верена напрямик. — И я думаю, что Дил тоже скажет тебе спасибо!

Раздался взрыв смеха, а моей сестре уже передали следующий подарок, чтобы она открыла его.

Я расслабилась и оставшуюся часть вечера двигалась на автопилоте. За пуншем и пирогами разговор обратился к уличному грабителю Бартли. Для Бартли это преступление громкое, а посему я обратила на это внимание. Марджи сказала:

— И он украл сумочку Дианы, вырвал у нее из рук и убежал с ней!

— Она разглядела его? — спросила жена священника. Лу О'Ши был приятной брюнеткой с носом, как лыжный трамплин, и умными глазами. Никогда не встречала ее прежде. Я уже годы не посещала церковь ни в Бартли, ни где бы то ни было.

— Темнокожего парня среднего роста, — сказала Марджи. — Под это описание подходит сотня человек.

— Она в порядке? — спросила моя мать.

— Ну, он толкнул ее на тротуар, так что она получила только царапины и ушибы. Могло быть намного хуже.

После секундной заминки несколько взглядов метнулись в мою сторону. Я была худшим, что он мог сделать.

Но я привыкла к этому, сохранила лицо безучастным, и неловкость исчезла. Кража сумочки не казалась поразительнее того события несколько лет назад. Сейчас, когда в каждой дыре есть банды и наркотики, вверх и вниз по автомагистрали, между штатами и на всех параллелях, случай с Дианой Дикмен, продавщицей из местного магазина одежды, не казалось таким ужасным. Казалось, ей повезло остаться невредимой, но не повезло лишиться сумочки.

После утомительных двух с половиной часов мы поехали домой, на сей раз следуя другим маршрутом: мы подвозили Лу О'Ши, которую завез муж по пути на мальчишник. Дом пресвитера был из того же красного кирпича, из которого была сложена стоящая рядом церковь. Я вполуха слушала разговор с заднего сиденья, просидев между Вереной и Лу достаточно, чтобы заключить, что у Лу, как и у Мередит Осборн, были восьмилетняя дочка и другой ребенок помладше. Когда мы свернули к дому, Лу, казалось, не хотелось выходить.

— Боюсь, что Криста не в восторге от Люка, потому что он так сильно плачет, — сказала Лу нам с тяжелым вздохом. — Она и сейчас не слишком радуется по поводу своего маленького брата.

— Криста ровесница Анны, они вместе играют, — напомнила мне Верена.

— Все наладится, — сказала моя мать успокаивающим тоном. — Рано или поздно ты

поймешь, отчего Люк плачет всю ночь, и он успокоится. А потом Криста забудет обо всем этом. Она — умница, Лу.

— Ты права, — сказала Лу немедленно, снова становясь женой священника. — Спасибо за то, что подвезли. Увидимся завтра после обеда!

Когда мы отъехали, Верена пояснила:

— Лу придет вечером на репетицию обеда.

— Разве не принято репетировать обед ночью перед свадьбой? — Я не хотела казаться критически настроенной, но мне было не очень любопытно.

— Да. Дил первоначально запланировал его на этот вечер, — сказала мама. Мне тонко напомнили, что семья жениха несла ответственность за репетицию обеда. — Но ресторан «Сара Мей» уже был забронирован на эти два вечера перед свадьбой! Поэтому мы просто передвинули его на третий, и пара, устраивающая ужин для Дила и Верены, перенесла его к ночи перед свадьбой, благослови их Господь.

Я кивнула, едва обращая внимание. Я абсолютно уверена, что мне скажут, что делать и когда. Мне чрезвычайно хотелось оказаться одной. Когда мы добрались до Верены, я как можно скорее выгрузила подарки с вечеринки, потом мы поехали домой к родителям. Я пожелала спокойной ночи маме и направилась в свою комнату.

Мой отец еще не вернулся с мальчишника. Я надеялась, что он не пил и не курил сигары. Иначе его давление сильно подскочит.

Я села в низкое кресло и надолго погрузилась в чтение биографии, привезенной с собой. Потом я зацепила ноги за кровать и начала качать пресс, затем легла и стала делать отжимания, а вдобавок сделала еще и восемьдесят приседаний. После настало время для расслабляющего душа. Я заметила, как пришел отец и выключил оставленный для него свет.

Но даже после горячего душа чувствовался зуд. Я не могу гулять в Бартли. Люди будут талдычить о моей семье. Полиции я незнакома. Они могут остановить меня, если кто-нибудь из полицейских попадетс я мне на встречу. Полиция Бартли не была многочисленной.

Я задвинула искушение и вынудила себя забраться на кровать. Разгадала три кроссворда в книге, найденной в ящике ночного столика. Попытка придумать слово из пяти букв, означающее землю с индийским жилищем, сделала свое дело. Наконец, я смогла опустить занавес после очень длинного дня.

К сожалению, дальше, было то же самое и в большем количестве.

В полдень я решила, что все в моей семье должны пойти на работу, чтобы вернуться за час до свадьбы.

Отец взял двухнедельный отпуск у электроэнергетической компании, в которой он работал. Мать была домохозяйкой, дома она как на работе находилась в постоянных раздумьях о том, что необходимо сделать. Верена только что взяла трехнедельный отпуск в больнице, и даже Дил часто оставлял аптеку на помощницу, которая работала неполный рабочий день, молодую мать-фармацевта.

Список подарков пополнялся, и их необходимо было разворачивать и восхищаться. Нужно было написать еще больше благодарственных писем. Две другие подружки невесты должны были забежать в полном восхищении и провести последние приготовления. Священник, Джесс О'Ши, заглянул на минутку урегулировать пару вопросов. У него были гладкие русые волосы и квадратная, массивная челюсть, не портившая его облик: я надеялась, что он был также умен, как красив, потому что я всегда представляла первоочередным объектом священников невротиков или просто подающих надежды членов

их паствы.

Он привел с собой хвост — дочь. Коренастая Криста, чьи волосы были такие же русые, как у ее матери, но не такие же гладкие, хотела спать и сердилась на младшего братика за его ночные бдения, как и предсказывала Лу. Криста была в плаксивом настроении.

— Люк плакал всю ночь, — сказала она угрюмо, когда ее в третий раз спросили, где же братик.

— О, Криста! — проговорила одна из подружек невесты неодобрительно. Пожизненно лучшая подруга Верены, Тутси Монаан, блондинка с круглым лицом и крохотным мозгом. — Как ты можешь говорить так о маленьком ребенке? Малыши такие милые.

Я видела, как лицо Кристи вспыхнуло. Тутси сильно нажала на старую кнопку вины. Я, оттолкнувшись от стены гостиной и подошла поближе к девочке.

— Верена тоже рыдала всю ночь напролет, когда была ребенком, — сказала я Кристе очень спокойно.

Криста посмотрела на меня с недоверием. Круглые карие глаза, определенно самое красивое в ее внешности, пристально и скептически посмотрели на меня.

— Да ну, — сказала она с сомнением.

— Плакала-плакала. — Кивнула я твердо и направилась на кухню, где умудрилась найти Кристе газировку, которая ей очень понравилась. Вероятно, пить ее ей не разрешали. Потом я побродила вокруг дома, время от времени уходя в свою комнату и закрываясь на десять минут. (Это время я определила методом проб и ошибок, пока кто-нибудь не начинал скучать по мне или не приходил посмотреть, где я и чем занимаюсь).

Верена просунула голову в мою дверь в 12:45, чтобы спросить, пойду ли я с ней к доктору.

— Мне надо забрать рецепт на противозачаточные таблетки, но я хочу, чтобы доктор Лемей проверил мои уши. Правое ухо кажется побаливает, и я боюсь, что к свадьбе это превратится в ярко выраженную инфекцию. Бинни сказал заходить, он успеет меня осмотреть до послеобеденного наплыва пациентов.

Одно из преимуществ медсестер — в кабинеты местных врачей можно попасть быстрее, Верена рассказала мне это несколько лет назад. Насколько я могла помнить, Верена страдала от аллергий, которые часто вызывали ушные инфекции. Они всегда появлялись в самое неподходящее время. Например, за четыре дня до свадьбы.

Я вышла вслед за ней к автомобилю с чувством освобождения.

— Я знаю, тебе хочется выйти из дома, — заметила Верена, глядя на меня. Мы выехали с подъездной дорожки и направились в офис доктора Лемея.

— Это настолько очевидно?

— Только для тех, кто знает тебя, — сказала Верена с сожалением. — Да, Лили, ты как тигр в клетке. Ходишь взад и вперед, взад и вперед, свирепо глядя на проходящих людей.

— Ну, не все так плохо, — сказала я с тревогой. — Я не хочу расстраивать их.

— Я знаю, что не хочешь. И я рада, что тебя это волнует.

— Меня всегда это волновало.

— Ты ведь могла и соврать.

— У меня просто не было дополнительного... — Я потратила всю энергию, которая у меня была, чтобы казаться нормальной. Попытка убедить других людей оказалась попросту невозможной.

— Я думаю, что наконец поняла. Прости, что подняла этот вопрос. Родители знают

лучше меня, что ты заботаешься о них.

Меня только что простили за что-то, чего я не сделала, ну или сделала, исключительно по мнению Верены. Но она прилагала усилия. Я тоже приложу усилие.

Доктор Лемей до сих пор принимал в том же маленьком здании, в котором он практиковал всю свою карьеру, все сорок лет. Он приближался к пенсионному возрасту, его медсестра Бинни Армстронг тоже.

«Они работали командой в течение двадцати пяти лет», — подумала я.

Верена припарковалась на углу, и мы пошли по узкому тротуару к парадной двери. На двери в кабинет доктора Лемея раньше висела табличка «Только для черных», в начале его практики ее заменили живописным окном. В последние пять лет, чтобы обезопасить хрупкое стекло, были установлены решетки. Отчасти история Бартли описана в этих двух словах, решила я.

Дверь была покрашена в синий цвет, чтобы соответствовать карнизу, но краска уже облупилась и виднелся знакомый оттенок зеленого. Я повернула ручку и вошла, шагая впереди Верены.

В маленьком здании было удивительно тихо. Ни телефонных звонков, ни звука копировального устройства, никаких радио-игр, даже музыки.

Я повернулась, чтобы посмотреть на сестру. Что-то было не так. Но взгляд Верены скользнул мимо меня. Она не собиралась признаваться в этом.

— Бинни! — прокричала она слишком бодро. — Мы с Лили приехали! Иди и погляди. — Она уставилась на закрытую дверь с другой стороны приемной, дверь, ведущую в лабораторию и офисы. Через стекло было видно, что за стойкой регистрации никого нет.

Мы услышали слабый, ужасный звук. Звук смерти. Я уже слышала такой раньше.

Приемную я одолела за шесть шагов и открыла вторую дверь. В знакомом зале с тремя комнатами справа и тремя комнатами слева теперь настелили линолеум, имитировавший дерево, вместо пестрого бежевого узора, который я помнила. Я решила, что выглядит он неуместно.

Потом я заметила ручеек струящейся крови — единственное движение в зале. Я проследила за ним, не особо желая найти источник, но в небольшом пространстве он был слишком заметен. Женщина в белой униформе лежала в дверном проеме средней комнаты справа.

— Бинни, — закричала Верена, ее руки взлетели к лицу. Но потом моя сестра вспомнила, что была медсестрой, и немедленно оказалась на коленях у окровавленной женщины. Было трудно различить контуры лица и головы Бинни Армстронг, так ее изувечили. Тот крик вырывался из ее горла.

Пока Верена стояла на коленях рядом с ней, пытаясь нащупать пульс, Бинни Армстронг умерла. Я видела, как тело расслабилось.

Я посмотрела в дверь справа, небольшой офис регистратора. Чистый и пустой. Я посмотрела в комнату слева, лабораторию. Чистая и пустая. Я осторожно двигалась по приемной, а моя сестра делала массаж сердца мертвой медсестре. Я осторожно вытянула шею у двери в следующую комнату слева, еще одну лабораторию. Пусто. Дверной проем, в котором лежала Бинни, вел к крошечной лаборатории и чулану. Я осторожно прошла мимо сестры и нашла доктора Лемея в последней комнате справа, в его офисе.

— Верена, — сказала я резко.

Верена посмотрела на меня, вся забрызганная кровью.

— Бинни мертва, Верена. — Я кивнула в направлении офиса. — Иди, проверь доктора Лемея.

Верена вскочила на ноги и подошла, чтобы посмотреть на дверь. Потом она двинулась к другой стороне стола, чтобы нащупать пульс доктора, но выйдя оттуда, покачала головой.

— Он был убит за столом, — сказала она, как будто от этого стало еще хуже.

Седые волосы доктора Лемея слиплись от крови. Она же запеклась на столе, где лежала голова. Уродливые трифокальные очки съехали, и мне ужасно хотелось их поправить, как будто если я так сделаю, он снова будет видеть. Я знала доктора Лемея всю свою жизнь. Он принимал роды моей матери.

Верена коснулась его руки, лежащей на столе. До меня не сразу дошло, что она была абсолютно чистой. У него не было шанса оказать сопротивление. Первый удар был сокрушительным. В комнате полно бумаг, подшивок, бланков заявлений и медосмотров... большая часть из них теперь определенно залита кровью.

— Он погиб, — прошептала Верена, хоть в этом сомнений не было

— Нам нужно убираться отсюда, — мой голос прозвучал громко и резко в маленькой комнате с чудовищным зрелищем и запахами.

Мы переглянулись широко раскрытыми от ужаса глазами.

Я кивнула головой в сторону входной двери, и Верена метнулась вперед меня. Она выбежала, пока я проверяла обстановку на наличие движения.

Я была единственным живым человеком в офисе.

Я вышла вслед за Вереной.

Она уже переходила улицу к офису Государственного Страхования Сельского Хозяйства, где открыла стеклянную дверь и сняла телефонную трубку на столе регистратора. Крепкая леди с перманентной завивкой, одетая в ярко-красную блузку с приколотым к ней Рождественским корсажем, смотрела на Верену так, как будто та говорила по телефону на языке навахо. В течение двух минут прибыла патрульная машина и припарковалась перед офисом доктора Лемея, из нее вышел высокий, худой темнокожий мужчина.

— Это вы звонили? — спросил он.

— Моя сестра, она в том офисе. — Я кивнула в сторону зеркального окна, через которое можно было увидеть Верену, сидящую на стуле и рыдающую. Женщина с корсажем склонялась над ней, предлагая Верене носовые платки.

— Я — детектив Брайнерд, — сказал мужчина успокаивающе, как будто по мне были видны сомнения, что он мог оказаться самозванцем. — Вы входили в здание?

— Да.

— Вы видели доктора Лемея и его медсестру?

— Да.

— И они мертвы.

— Да.

— Кто-нибудь еще в здании есть?

— Нет.

— Ну, может утечка газа, или там тлел огонь, может быть, они надыхались дыма...?

— Они оба забиты. — Я посмотрела на вершины старых эвкалиптов, посаженных вдоль улицы. — До смерти.

— Ладно, сейчас. Я скажу вам, что мы собираемся здесь делать.

Он страшно нервничал, и я не винила его в том.

— Вы останетесь тут, мэм, а я пойду туда и посмотрю. Никуда не уходите.

— Хорошо.

Я ждала полицейский автомобиль, а холодный серый день щипал мне лицо и руки.

Это мир резни и жестокости: я на мгновение обо всем позабыла в ложной безопасности родного городка из-за оптимистической атмосферы, созданной браком моей сестры.

Я начала абстрагироваться от видения, уплывать, избегать этого города, этого здания, этих умерших. Спустя длительное время я оклемалась, направилась место подальше отсюда, где я не была в ответе за такое чувство.

Передо мной стояла молодая женщина в униформе медработника.

— Мэм? Мэм? С вами все в порядке? — Ее темное лицо тревожно всматривалось в мое, темные волосы длиной до плеч были жесткими и гладкими, выбивались из-под кепки с символикой медработника.

— Да.

— Офицер Брайнерд сказал, что вы видели тела.

Я кивнула.

— Может быть... вам лучше присесть, мэм.

Мои глаза последовали за ее пальцем, указывающим на заднюю часть машины скорой помощи.

— Нет спасибо, — сказала я вежливо. — Моя сестра находится в офисе Гос. Страхования. Может быть ей нужна помощь.

— Я думаю, мэм, что вам тоже нужна помощь, — сказала женщина искренне, громко, как будто я была отсталая, как будто я не мог понять разницу между клиническим шоком и просто оцепенением.

— Нет. — Отрезала я окончательно и бесповоротно. Я подождала. Я слышала ее бормотание про кого-то еще, но она и вправду оставила меня в покое. Верена подошла и встала около меня. Ее глаза были красными, а косметика потекла.

— Давай поедem домой, — сказала она.

— Полицейский сказал мне подождать.

— О.

Именно в тот момент полицейский, Брайнерд, вышел из кабинета врача. Он пытался сдержать свой нервный припадок, ведь видывал и хуже этого. Он был сосредоточен, готов окунуться в работу, задал нам много вопросов, не отпуская нас с холода в течение получаса, пока мы рассказали ему все, что знали за минуту.

Наконец, мы сели в машину Верены. Когда она поехала к дому наших родителей, я включила печку на полную. Я осмотрела сестру. Ее лицо побелело от холода, глаза были красные от недавних слез. Этим утром она убрала волосы в конский хвост с ярко-красной лентой, повязанной поверх резинки. Лента все еще выглядела свежей и веселой, хотя Верена сникла. Верена посмотрела на меня, когда мы ждали своей очереди на перекрестке. Она сказала:

— Шкафчик с препаратами был закрыт и полный.

— Я видела. — Доктор Лемей всегда держал образцы и свой запас в том же самом кабинете в лаборатории в старомодном стеклянном шкафу. Так как я была его пациенткой с детства, этот кабинет находился в том же самом месте с тем же самым содержанием. Меня глубоко удивило бы, если бы доктор Лемей держал там что-то иное... у него были антибиотики, антигистаминные, мази для кожи, еще какие-то препараты. Возможно

обезболивающее.

Как и Верена, я смотрела на тело Бинни, дверь шкафчика была закрыта, и все в комнате лежало на своих местах. Невозможно, что человек, совершивший такие грязные убийства, в поисках наркотиков оставил бы его прибранным.

— Я не знаю, что делать, — сказала я Верене. Она покачала головой. Она тоже не знала. Я смотрела из окна на знакомый пейзаж, мелькавший за окном, желая оказаться где угодно, только не в Бартли.

— Лили, с тобой все в порядке? — спросила Верена, и ее голос прозвучал на удивление неуверенно.

— Конечно, а с тобой? — мой ответ прозвучал более резко, чем я хотела.

— Должно быть, не так ли? Сегодня вечером репетиция свадьбы, и я не представляю, как мы можем ее отменить. Плюс, если честно, я видала вещи и похуже. Просто тот факт, что это именно доктор Лемей и Бинни, выбил меня из колеи.

Слова моей сестры звучали разумно. Это сильно удивило меня, ведь Верена, как медсестра, видела больше крови, боли и ужаса, чем я увижу за всю свою жизнь. Она была практичной. Преодолев первый шок, она стала жесткой. Она встала на подъездную дорожку наших родителей и выключила мотор.

— Ты права. Ты не можешь отменить ее. Люди все время умирают, Верена, и ты из-за этого не можешь пустить под откос свою свадьбу.

Мы были лишь практичными сестренками.

— Верно, — сказала она, странно глядя на меня. — Надо рассказать родителям.

Я уставилась на дом перед нами, как будто прежде его не видела.

— Да. Пошли.

Но Верена вышла из машины первой. И это Верена рассказала родителям плохие вести твердым замогильным голосом, который так или иначе подразумевал, что любая демонстрация эмоций будет считаться дурным тоном.

Глава 3

Репетицию наметили на шесть часов, мы приехали в пресвитерианскую церковь минута в минуту. Тутси Монаан с волосами, завитыми, как у выставочного пуделя, уже разговаривала и смеялась с Дилом и его шафером. Очевидно, никто не собирался говорить о смерти доктора и его медсестры, не отойдя в уголок пошептаться. Все изо всех сил пытались сохранять мероприятие радостным, или, по крайней мере, поддерживать эмоциональный уровень выше мрачного.

Меня представили Берри Даффу, бывшему соседу Дила по комнате в колледже и по совместительству нынешнему шаферу. В конце концов, мы были единственными, кто находился в этой возрастной группе. Имелась едва невысказанная надежда, что что-то может произойти.

Берри Дафф был очень высоким, с тонкими темными волосами, большими темными глазами и лицом завидного оливкового цвета. Он занимался фермой в Миссисипи, был разведен уже примерно три года, и мне дали понять, что он — воплощение всех желаний: хороший, солидный, религиозный, разведенный и без детей. Дилу удалось втиснуть удивительное количество информации о Берри, которой он владел, в небольшой промежуток времени, а поговорив с самим Берри, я узнала и все остальное.

Берри оказался неплохим парнем, и было приятно вместе с ним ожидать музыкантов. Я

не была человеком светской беседы, но Берри, казалось, не возражал, это освежало. Он долго мялся, пытаясь завязать разговор, нашел несколько общих тем: неприязнь к кинотеатрам и любовь к силовым упражнениям, которыми он наслаждался в колледже.

Я была в белом платье с черным жакетом. В последнюю минуту моя мать настояла, что мне необходимо добавить красок помимо помады. С этим мнением я согласилась. Она повязала мне красно-золотой шарф и скрепила его золотой булавкой, которую я прихватила с собой.

— Очень хорошо выглядишь, — сказал Дил, в очередной раз проходя мимо меня. Они с Вереной, казалось, были ужасно возбуждены и изобретали поручения, чтобы побегать по небольшой церкви. Мы все толпились около алтаря, так как последнюю скамью поглотил мрак. Дверь у кафедры проповедника тихо скрипела, когда приходили и уходили. Более тяжелая входная дверь время от времени стучала, пока собирались участники свадебной вечеринки.

Наконец, в церковь прибыли все. Верена; Тутси; я; еще одна подружка невесты, Дженна Рассел; мои родители; Джес и Лу О'Ши, Джес был в качестве священника, а Лу — в качестве церковного органиста; Дил; Берри Дафф; неженатый младший брат Дила Джей; кузен Дила Мэтью Кинджери; флорист, которую наняли поставлять свадебные цветы, она была еще и свадебным директором; и, о чудо из чудес, мать Дила, Лулу. От облегчения на лице Верены, когда старуха протопала с Джеем, держа того за руку, мне захотелось отвести Лулу Кинджери в сторону и сказать ей пару ласковых.

Я наблюдала за женщиной, в то время как флорист давала наставления собранной группе. Не составило много времени прийти к выводу, что у матери Дила были проблемы с головой. Одета она была неуместно (короткое домашнее платье в цветочек с дырками, туфли на высоких каблуках с застежками с фальшивыми бриллиантами), что само по себе не являлось явным сигналом умственного расстройства, но когда добавился ансамбль ее вопросов о том, что она должна сделать («Мне тоже пройти по проходу?»), и постоянные дергания рук и глаз, определенный вывод напросился сам собой.

Круто. Значит, у семьи Дила тоже свой скелет в шкафу.

Пометка для моей семьи. По крайней мере, на меня можно было в значительной степени положиться, что я сделаю все правильно, если появлюсь. Мама Дила определенно была непредсказуемой.

Верена обращалась с миссис Кинджери с удивительным тактом и добротой. Как и мои родители. Я чувствовала себя неуютно от показного выставления совершенства моей семьи, и мне пришлось возобновить разговор с Берри Даффом, чтобы скрыть эмоции.

После еще беготни туда-сюда в последнюю минуту, началась репетиция. Пэтси Грин, флорист, собрала нас и дала нам указания. Мы заняли наши позиции, чтобы идти церемониальным шагом.

Получая подсказки прямо от Лу О'Ши, который сидел за органом, швейцар сопровождал миссис Кинджери к ее месту на первой скамье. Потом моя мать направилась к своему месту, к скамье с другой стороны.

Пока я становилась с другими подружками невесты в задней части церкви, Джес О'Ши вышел из холла в церковное святилище. Он подошел к верхней ступеньке лестницы перед алтарем, замер и улыбнулся. Дил вошел в святилище из той же самой двери, сопровождаемый Берри, который улыбнулся мне. Потом я пошла по проходу, слушая одним ухом мольбу флориста идти медленно и плавно.

Я всегда ходила плавно.

Она напомнила мне улыбаться.

Джей Кинджери вошел из холла, а Жанна начала идти по проходу. Потом друг жениха, кузен Мэтью, занял его место, и Тутси стала совершать свой длительный поход. Я дернулась от шипения Пэтси Грин мне в спину:

— Улыбайся!

Потом основная часть. Верена пошла по проходу под руку с отцом, она выглядела раскрасневшейся и счастливой. Как и папа. Дил сиял как дурак, глядя на свою невесту. Берри поднял бровь, и я почувствовала, что мой рот дернулся в ответ.

— Все прошло хорошо! — прокричала Пэтси Грин сзади. Она направилась к нам, и все мы повернулись, чтобы послушать ее комментарии. Я нисколько не удивилась, что все было на своих местах, так как почти все присутствующие были достаточно стары, чтобы принимать участие в свадебном процессе, а некоторые были главными действующими лицами пугающего числа свадеб.

Я отвлеклась и начала осматривать церковь, ту, что я посещала каждое воскресенье, когда была ребенком. Стены всегда казались недавно покрашенными и искрились белым, темно-зеленая дорожка всегда перестилалась в тон подушкам на церковных скамьях. Высокий потолок всегда заставлял меня думать о пространстве, бесконечности, всемогущем неизведанном.

Я услышала легкое покашливание и мой взгляд вернулся от бесконечности к церковным скамьям. В тени позади кто-то стоял. Мое сердце неловко заколотилось. Я и подумать не успела, как ноги понесли меня по длинной полосе зеленого ковра. Я даже не чувствовала, как они двигались.

Он встал и направился к двери.

Когда я подошла к нему, он распахнул передом мной дверь и мы вышли в холодную ночь. Одним движением он притянул меня к себе и поцеловал.

— Джек, — сказала я, когда смогла дышать. — Джек.

Я запустила руки к нему под пальто, чтобы коснуться его спины через полосатую рубашку.

Он снова поцеловал меня, сжал в объятиях, прижимая сильнее к своему телу.

— Ты рад меня видеть, — заметила я через некоторое время. Мое дыхание даже не сбилось.

— Да, — сказал он хрипло.

Я немного отодвинулась, что посмотреть на него.

— Ты надел галстук.

— Я знал, что ты будешь в платье. Должен же я выглядеть также хорошо, как и ты.

— Ты детектив-экстрасенс?

— Просто чертовски хорош.

— Хм-м-м. Что ты делаешь в Бартли?

— Ты не думаешь, что я здесь повидаться с тобой?

— Нет.

— Ты чуть не ошиблась.

— Чуть? — я почувствовала одновременно и облегчение, и разочарование.

— Да, мэм. На прошлой неделе я разобрал свой стол, чтобы приехать сюда и оказать тебе моральную поддержку, или возможно, нравственную, когда мне позвонил старый друг.

— И?

— Можно я расскажу тебе об этом позже? Скажем, в моем номере в мотеле.

— Так это твой автомобиль я видела! Давно ты уже здесь? — На мгновение я подумала: Джек явился, просто посчитав, что рано или поздно я опознаю его автомобиль в городе размера Бартли.

— Со вчерашнего дня. Или позже? Боже, ты так хорошо выглядишь, — сказал он, и его губы спустились вниз по моей шее. Пальцы откинули шарф. Несмотря на холод, мне стало тепло, ведь я тоже была рада видеть его, особенно после сегодняшних ужасов.

— Хорошо, я приду, чтобы послушать твою историю, но после репетиции обеда, — сказала я твердо. И задохнулась секунду спустя. — Нет, Джек. Это свадьба моей сестры. Я должна быть там.

— Я восхищаюсь женщиной, которая придерживается своих принципов. — Его голос был низким и грубым.

— Ты зайдешь, чтобы познакомиться с моей семьей?

— Вот почему я в костюме.

Я посмотрела на него с некоторым подозрением. Джек немного старше меня и на четыре дюйма выше. Под огнями церковной автостоянки я видела, что он как обычно зачесал назад темные волосы, собрав их в опрятный конский хвост. У него был красивый, тонкий, приметный нос, а губы тонкие и искусно вылепленные. Джек раньше работал полицейским в Мемфисе, пока не оставил службу после участия в сомнительном и кровавом скандале.

«А он умеет применять губы», — подумала я, почти опьяненная его присутствием. Только Джек мог сделать так, чтобы я была в настроении перефразировать старые песни ZZ Top.

— Пошли, сделаем все правильно, прежде чем я примусь за кое-что прямо на автостоянке, — предложил он.

Я глянула на него и отправилась назад в церковь. Так или иначе, я ожидала, что он исчезнет по дороге от двери до алтаря, но он следовал за мной по проходу, идя чуть позади, когда мы достигли скучковавшихся людей. Естественно, они все уставились на нас. Лицо мое застыло. Я очень не хотела объясняться.

А Джек подошел и встал рядом, обнял меня и сказал:

— Вы, должно быть, мать Лили! Я — Джек Лидс...

Я с интересом ждала продолжения, но Джек, обычно легко болтающий, колебался над концом предложения.

— Бойфренд Лили, — закончил он с некоторой неточностью.

— Фрида Бард, — сказала моя мать, выглядя немного ошеломленной. — Это мой муж, Джеральд.

— Мистер Бард, — сказал Джек с уважением, — рад с вами познакомиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Отец пожал руку Джеку, сияя как человек, который только что обнаружил на своем пороге Эда Макмахона и операторскую группу. Даже конский хвост и шрам на правой щеке Джека не уменьшили улыбку моего отца. Костюм Джека был дорогим, бледно-коричневая клетка подчеркивала цвет его карих глаз. Обувь отполирована. Он выглядел преуспевающим, здоровым, чисто выбритым, а я счастливой. Папе этого было достаточно, по крайней мере, в настоящий момент.

— А вы, должно быть, Верена. — Джек повернулся к моей сестре.

Когда все перестанут вести себя как олени в свете фар? Они думали, что я чертова прокаженная, так они были поражены тем, что у меня есть мужчина. Джек поцеловал Верену в лоб быстро и легко.

— Поцелуй невесту на удачу, — сказал он с той внезапной, сияющей улыбкой, которая приносила победу.

Дил быстро отошел.

— Я собираюсь присоединиться к этой семье, — сказал он Джеку. — Я — Дил Кинджери.

— Рад знакомству. — Снова пожатие рук.

И это все продолжалось, а я не говорила ни слова. Довольный Джек жал руки мужчинам и дарил женщинам улыбки чистой сексуальности. Даже миссис Кинджери, бывшая не в себе, туманно ему улыбалась.

— Ты несешь беду на копытах, я знаю это, — сказала она твердо.

Все замерли в ужасе, но Джек рассмеялся с неподдельным изумлением. Момент прошел, и я увидела, как Дил закрыл глаза от облегчения.

— Я удаляюсь, так как влез в середину вашего торжества, — сказал Джек голосом «я ни на что не намекаю». — Просто хотел познакомиться с близкими Лили.

— Пожалуйста, — сказал немедленно Дил, — нам будет очень приятно, если вы присоединитесь к нашей репетиции обеда.

Джек вежливо отказался, отметив, что это важное семейное торжество, и что фактически он приехал без предварительного уведомления.

Дил повторил свое приглашение. Социальный пинг-понг просто какой-то.

Когда к Дилу присоединилась Верена, Джек позволил себя убедить.

Он удалился и сел сзади. Я ловила каждый его шаг.

Мы прошли всю церемонию снова. Я шагала на автопилоте. Пэтси Грин снова напомнила мне улыбаться. На этот раз ее голос звучал ехиднее.

Я с трудом соображала оставшуюся часть репетиции, но не могла прийти ни к какому заключению. Правда ли Джек здесь из-за меня? Он признал, что у него была и другая причина, но сказал, что в любом случае приехал бы сюда. Если это была правда...

Но в это было слишком тяжело поверить.

Джек уже был здесь, когда доктор Лемей и Бинни Армстронг были забиты до смерти. Значит, его прибытие не могло быть связано с двойным убийством.

— Похоже, я слишком медлителен, — сказал Берри вежливо после того, как Пэтси Грин и чета О'Ши согласились, что мы выучили процедуру назубок. Мы вышли и отошли недалеко от дверей церкви.

— Мне лестно, — сказала я с искренней улыбкой. На этот раз я сказала все верно. Он улыбнулся мне в спину.

— Лили! — позвал Джек. Он придерживал пассажирскую дверь своего автомобиля. Я не могла представить, зачем.

— Извини, — сказала я Берри и направилась к автомобилю. — С каких это пор, — пробормотала я, сообразив, что мой голос разносится по холодному прозрачному воздуху, — ты счел необходимым держать для меня двери?

Джек выглядел уязвленным.

— Милая, я — твой раб. — Он подражал дельтскому акценту Берри.

— Не валяй дурака, — прошептала я. — Я так рада тебя видеть. Не порти все.

Он смутился, когда я села в автомобиль. Его рот расслабился.

— Хорошо, — сказал он и закрыл дверь.

Мы выехали с парковочного места, чтобы проследовать за другими автомобилями с автостоянки.

— Ты нашла сегодня врача, — сказал он.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Воспользовался своими связями. Ты в порядке?

— Да.

— Как много ты знаешь о Диле Кинджери? — спросил он.

Он будто ударил меня кулаком в живот. Я затихла, чтобы перевести дыхание, моя паника была очень сильной и внезапной.

— А с ним что-то не так? — спросила я наконец, мой голос звучал не столько сердито, сколько испугано. В моем сознании сразу много чего промелькнуло: Верена, улыбающаяся Дилу, долгая помолвка, отношения с дочерью Дила, над которыми Верена так упорно работала, радостное принятие Вереной сумасшедшей миссис Кинджери...

— Вероятно, что нет. Просто скажи мне.

— Он — фармацевт, вдовец, отец. Вовремя оплачивает свои счета. Мать у него сумасшедшая.

— Эта старая сплетница, которая сказала, что я опасный?

— Да. — Она была права.

— Как давно умерла его первая жена?

— Шесть или семь лет назад. Анна ее не помнит.

— А Джесс О'Ши? Проповедник?

Я посмотрела на Джека, когда мы проехали мимо уличного фонаря. Его лицо выглядело напряженным, почти сердитым. Нас таких было двое.

— Я ничего не знаю о нем. Я видела его жену и маленькую дочку. Еще у них есть сын.

— Он пришел на репетицию обеда?

— Священник так обычно и поступает. Да, я слышала, как они говорили, что наняли няню.

Мне хотелось ударить Джека, что случалось нередко.

Мы остановились на автостоянке у ресторана «Сара Мэй». Джек припарковался чуть в стороне от остальных машин.

— Поверить не могу, тебе удалось расстроить меня, ни много ни мало, за пять минут, — мой собственный голос казался далеким и отчужденным. И дрожащим.

Он всматривался в окна ресторана через ветровое стекло. Мерцающие рождественские гирлянды обрамляли окна. Их свечение пробежало по его лицу. Чертовы мерцающие гирлянды. Чувствуя, что пауза затянулась, Джек повернулся ко мне. Он взял мою левую руку.

— Лили, когда я объясню тебе, над чем работаю, ты простишь меня, — сказал он с причиняющей боль искренностью, которую я вынуждена была уважать. Он сидел, держа меня за руку, не предпринимая попытки открыть дверцу, в ожидании, что я... дальше буду ему доверять? Отпущения грехов авансом? Он будто вспорол мне грудную клетку и осветил ее.

Я резко кивнула, открыла дверцу и вышла. Мы встретились перед машиной. Он снова взял меня за руку, и мы пошли к «Саре Мэй».

Сара Которн, имя которой носила первая половина названия «Сара Мэй», показала нам отдельный зал, который Дил зарезервировал для вечеринки. Конечно все мы, кроме Джека и миссис Кинджери, бывали здесь много раз, так как это было одно из двух мест в Баркли, где можно поужинать в приватной обстановке. Я заметила, что здесь недавно появились новые ковры и обои все в тех же извечно популярных цветах бургунда и лесной зелени, а искусственная елка в углу была украшена кружевами и лентами белого и бордового цветов. Конечно же, эта елка еще и светила, увешанная маленькими яркими огоньками, и, слава Богу, они хотя бы не мигали.

Центры столов были украшены ткаными ковриками для столовых приборов и салфетками в рождественских цветах. (Это было очень шикарно для Бартли.) Для банкетов столы ставились буквой П, это не изменилось, тем не менее, когда мы все подошли к нашим местам, я поняла, что Джек повел нас к О'Шисам. Он незаметно подталкивал меня в спину, напоминая о марионетке, сидящей на колене у чревовещателя, в спине которой сокрыта руководящая рука. Джек поймал мой взгляд и убрал руку.

Дил уже стоял за стулом моей сестры, рядом с которым располагалось место его матери, поэтому в качестве мишени был доступен только Джесс О'Ши.

Джеку удалось вклиниться к О'Ши. Я находилась между этими двумя мужчинами, а справа от Джека была Лу. Через стол напротив нас сидели Пэтси Грин, за ней ухаживал один из швейцаров, и банкир, который играл в гольф с Дилом, вспомнила я.

Салаты были поданы почти сразу же, Дил попросил Джесса прочесть молитву. Конечно, Джесс был обязан сделать это. Джек наклонил голову и прикрыл глаза, но его рука нашла мою, крепко вцепившись в мои пальцы. Он поднес мою руку ко рту и поцеловал ее, я даже почувствовала его теплые губы и легкое покусывание, потом он опустил руку на колени и ослабил хватку. Когда Джес произнес «Аминь», Джек отпустил меня и разложил салфетку на своих коленях, как будто то небольшое мгновение было сном.

Я оглядела сидящих за столом, заметил ли этого кто, и единственным человеком, смотревшим на меня, оказалась моя мать. Кажется, она отчасти смущена сексуальностью жеста... а отчасти ей понравился этот эмоциональный выпад.

Я понятия не имела, на что было похоже мое лицо. Передо мной поставили салат, и я смущенно уставилась в тарелку, не видя ее. Когда официантка спросила меня, каким соусом приправить салат, я ответила ей наугад, и она добавила солидную порцию помидор с ярко-апельсиновой субстанцией.

Джек мягко начал расспрашивать Лу о ее жизни. Он был так хорош, что немногие из рядовых граждан заподозрили бы у него тайный умысел. Я попыталась не думать о природе этого умысла.

Я повернулась к Джессу, который мучился с банкой с кусочками бекона. Несмотря на приятно украшенную комнату, шлепающие в банке кусочки твердо напомнили мне, что мы в Бартли. Я протянула руку, жестом показывая «Давайте я открою».

Несколько удивленный, Джесс вручил мне банку. Я твердо взяла ее, вдохнула. Повернула крышку, выдыхая. Крышка отлетела. Я вручила ему банку.

Когда я посмотрела ему в глаза, на его лице читалось какое-то сомнительное веселье.

Сомнительное — хорошо. Веселье — не очень.

— Вы очень сильная, — отметил он.

— Да, — сказала я. Откусила кусочек салата, затем вспомнила, что Джек должен разузнать больше об этом человеке.

— Вы росли в городе крупнее, чем Бартли? — спросила я.

— О, не намного больше, — сказал он радушно. — Околона, Миссисипи. Мои родственники все еще живут там.

— А ваша жена тоже из Миссисипи?

Мне было это ненавистно.

— Да, но из Христианской Миссии. Мы встретились в колледже при Университете Миссисипи.

— А затем пошли в семинарию?

— Да, четыре года в Вестминстерской Богословской семинарии в Филадельфии. Лу и мне оставалось только уповать на Господа. Это была долгая разлука. В самом деле, после первых двух лет я больше не мог быть вдали от нее, поэтому мы поженились. Она бралась за любую работу, чтобы быть ближе ко мне, пока я работал в аспирантуре. Она играла на органе в церкви, играла на пианино на вечеринках. Даже работала в ресторане быстрого питания, благослови ее Господь. — Квадратное красивое лицо Джесса расслабилось и покраснело, когда он заговорил о своей жене. Я остро почувствовала неловкость.

Заправка для салата была густой как сметана и сладкой. Я отпихнула на край тарелки салат, наиболее покрытый приправой, и попыталась съесть то, что осталось. Не могла же я просто сидеть и выпрашивать.

— А вы, — начал он дежурный диалог, — чем занимаетесь?

Кто-то не знает историю моей жизни?

— Я работаю уборщицей, выполняю поручения людей. Украшаю рождественские елки для фирм. Делаю покупки в бакалейных магазинах для пожилых дам.

— Пятничная девушка, хотя я думаю, что «девушка» сейчас — политически некорректно. — Он вымученно улыбнулся, запудривая мозги консерваторам либеральностью.

— Да, — сказала я.

— Вы живете в Арканзасе?

— Да. — Я подтолкнула себя мысленно. — В Шекспире.

— Он немного больше Бартли?

— Да.

Он следил за мной с решительной улыбкой.

— И долго вы живете там?

— Уже больше четырех лет. Я купила дом. — Так это способствовало разговору. Что Джек хотел узнать об этом человеке?

— А чем вы занимаетесь в свободное время?

— Тренируюсь. Поднимаю тяжести и занимаюсь карате. — А теперь вот встречаюсь с Джеком. Эта мысль послала ступок жара к промежности. Я вспомнила его губы на моей руке.

— А ваш друг, мистер Лидс? Он тоже живет в Шекспире?

— Нет, Джек живет в Литл-Роке.

— У него там работа?

А Джек хотел, чтобы люди узнали, чем он занимался?

— Его работа затрагивает различные аспекты деятельности, — сказала я нейтрально. — Лу родила Люка, так ведь зовут вашего мальчика, здесь, в больнице Бартли? — Людям чрезвычайно нравится обсуждать рождение ребенка.

— Да, прямо в здешней больнице. Мы немного волновались... были некоторые осложнения, с которыми не могла справиться эта больница. Но Лу здорова, и ребенок здоров по всем признакам, вот мы и решили, что будет лучше показать нашу веру в местных жителей. И это было просто огромным опытом.

«Вам, Люку и Лу повезло», — думала я.

— А Криста? — спросила я, думая, что этот обед никогда не закончится. Мы еще даже не дошли до главного блюда. — Когда вы приехали сюда, она уже родилась? Ей, по крайней мере, лет восемь, а вы здесь только три года, правильно?

— Да, правильно. Мы переехали сюда из Филадельфии с Кристой. — Но что-то в том как он сказал это, было странным.

— Она родилась там, в одной из крупных больниц? Должно быть, роды там совершенно другой опыт.

— Вы старше Верены? — спросил он.

Ух ты. Смена темы. И неуклюжая. Любой мог сказать, что я старше Верены.

— Да.

— Вам, должно быть, тоже довелось поехать по свету в своей жизни, — заметил министр. Освещение над столом делало его русые волосы на десять оттенков темнее моих и, конечно, более натурального цвета.

— Вы пробыли в Шекспире где-то четыре года... но жили ли вы когда-либо в Бартли, после того, как закончили колледж?

— После окончания колледжа, я жила в Мемфисе, — сказала я, зная, что, возможно, освежу ему память. Кто-то должен был рассказать ему эту историю, раз он прожил здесь больше трех лет. Моя история стала уже городской легендой, точно такой же, как миссис Фонтенот, застрелившая своего женатого любовника на газоне здания суда в 1931.

— Мемфисе, — повторил он, неожиданно становясь слегка смущенным.

— Да, работала в фирме по уборке в качестве планировщика и супервайзера, — сказала я намеренно.

Это щелкнуло выключателем в его памяти. Я видела, как его приятное, вежливое лицо становится жестким, пытаюсь сдержать тревогу от промашки.

— Конечно, это было несколько лет назад, — сказала я, освобождая его от дилеммы.

— Да, давно, — на минуту он сделал сочувствующий вид, затем тактично сказал: — у меня не было возможности спросить Дила, куда они с Вереной планируют отправиться на медовый месяц.

Я пренебрежительно кивнула и повернулась к Джеку как раз в то мгновение, когда он повернулся ко мне. Наши глаза встретились, и он улыбнулся мне той самой улыбкой, которая меняла все его лицо, углубляя носогубные складки. Вместо того, чтобы скрывать и не показывать никому свое лицо, он выглядел заразительно счастливым.

Я наклонилась, так чтобы мои губы почти касались его уха.

— У меня для тебя ранний рождественский подарок, — сказала я очень тихо.

Его глаза распахнулись от догадки.

— Тебе очень понравится, — пообещала я с придыханием.

Во время остальной части обеда, каждый раз, когда Джек не был занят разговором с Лу О'Ши или очаровыванием моей матери, он бросал на меня короткие взгляды, полные домыслов.

Мы уехали вскоре после того, как убрали десертные тарелки. Джек, казалось,

разрывался между желанием поговорить с Дилом и Вереной и стремлением затащить меня в отель. Я усложнила ему выбор настолько, насколько смогла. Пока мы разговаривали с Дилом, я держала его за руку и очень нежно и мягко выводила круги на ладони большим пальцем.

После нескольких секунд он выпустил мою руку, а потом схватил ее, сжимая почти мучительно.

— До свидания, Фрида, Джеральд, — сказал он моим родителям, сначала поблагодарив Дила за приглашение. Мои мать и отец радостно сияли. — Я привезу Лили домой позже. Мы должны кое-что наверстать.

Я видела, что рот моего отца открылся, чтобы спросить, где это «наверстывание» будет происходить, но локоть матери двинул ему по ребрам — тонкий намек, что мне почти тридцать два года. Так что папа удержал улыбку, хоть и с трудом.

Махая всем и сильно улыбаясь, мы вышли за дверь и поспешили по морозному воздуху к автомобилю Джека. Едва мы закрыли двери, Джек положил пальцы под мой подбородок и повернул меня лицом к себе. Он поцеловал меня долгим, задышающимся поцелуем. Его руки начали повторно знакомиться с моей топографией.

— Остальные выйдут через минуту, — напомнила я ему.

Джек сказал что-то очень мерзкое и включил двигатель. Мы в тишине поехали в мотель, Джек держал обе руки на руле и смотрел прямо перед собой.

— Это место ужасно, — предупредил он меня, распахивая дверь. Он зашел после меня и включил свет.

Я опустила шторы, закрывая окно полностью, повернулась к нему и выскользнула из черного жакета. Он обнял меня, прежде чем я смогла вытащить вторую руку из рукава. Мы разделись в несколько этапов, прерываясь, чтобы полюбоваться друг другом. Джек это любил. Он пошарил в своем чемодане одной рукой и вытащил небольшие квадратные пакетики из фольги, но тут я рассказала о своем рождественском подарке.

Он поднял брови.

— Я поставила спираль. Тебе не нужно ничем пользоваться.

— О, Лили, — выдохнул он, закрывая глаза, чтобы насладиться моментом. Он был похож на бойскаута, которому дали вдобавок зефирку с костра. Я задумалась, когда же он найдет применение моему подарку. Потом Джек скользнул на меня, и я перестала о чем-либо волноваться.

Мы распластались на постели час спустя, наконец откинув одеяло и расправив простынь. Простынь, по крайней мере, выглядела чистой. Нога Джека лежала поверх моих, как бы оберегая.

— Зачем ты здесь? — спросила я. Джек любил поговорить после.

— Лили, — сказал он медленно, с удовольствием проговаривая это. — Я собирался приехать, чтобы увидеть тебя. Я подумал, что нужен тебе, или, по крайней мере, посмотрю, чем могу помочь. — Длинный палец двигался по моей спине, когда я лежала, прижавшись лицом к его шее. К своему ужасу, я почувствовала, как мой нос забивается, а глаза увлажняются. Я продолжала лежать, спрятав лицо. Слезы стекали по щекам, а, так как я была на боку, они скатились в ноздрю, а затем под нос. Весьма легантно.

— А затем мне позвонил Рой. Ты помнишь Роя?

Я кивнула, и он почувствовал движение моей головы.

Я вспомнила Роя Костимиглию, низкого, крепкого человека с тонкими седыми

волосами, ему было лет за пятьдесят. Его можно было встретить шесть раз улице и никогда не вспомнить, что видел его раньше. Рой был детективом, с которым Джек служил на втором году обучения.

— Мы с Роем говорили за ужином в тот вечер, когда его жена была в отъезде, он был в курсе, что я встречаюсь с женщиной родом из Бартли. Он позвонил из-за того, что ему дали расследовать один случай четырехлетней давности.

Я тайком вытерла лицо простыней.

— Какой случай? — голос уже не дрожал.

— Саммер Дон Макклесби. — Голос Джека был таким холодным и мрачным, таким я никогда его не слышала. — Ты помнишь девочку, которую похитили?

Я снова почувствовала холод.

— Я прочитала небольшую обновленную статью в газете.

— Как и большинство людей, но один из них отреагировал довольно странно. В последнем абзаце статьи упоминалось, что Рой работает на семью Макклесби последние несколько лет. Через Роя Макклесби проверяли каждую зацепку, проверяли каждый обрывок информации, каждый слух, который доходил до них за последние четыре с половиной года... с тех пор они считали, что полиция в какой-то степени отказалась от дела. Макклесби надеялись, что кто-нибудь откликнется на историю, и поэтому согласились сделать это. Они очень милые люди. Я встречался с ними. Конечно, они разошлись, когда их ребенок... пропал.

Джек поцеловал меня в щеку и обхватил руками. Он знал, что я плакала. И не собирался говорить об этом.

— Какой отклик на историю? Телефонный звонок?

— Это. — Джек сел на кровати, открыл свой портфель и вытащил два листка бумаги. На первом была копия той же статьи, которую я видела в газете с печальной фотографией Макклесби и старой фотографией ребенка в детском креслице. Макклесби выглядели так, как будто что-то прожевало и выплюнуло их: у Терезы Макклесби были особенно измученные глаза, повидавшие ад. У ее мужа, Саймона, лицо было почти напряженным, но сдержанным, рука, которая лежала на колене, была сжата в кулак.

Второй листок бумаги был снимком из местной книги памяти начальной школы, прошлогоднего выпуска; «Баннер Хартли» было напечатано вверху 23 страницы. Под заголовком увеличенный черно-белый снимок трех маленьких девочек, катающихся на горке. Та, что катилась вниз, с длинными, развевающимися волосами — Эви Осборн. Девочка, ожидающая своей очереди наверху горки, Криста О'Ши, выглядевшая намного счастливее, чем я ее видела. Ребенок, поднимающийся по лестнице, повернулся, чтобы улыбнуться камере и у меня свело дыхание.

Я прочитала заголовок: «Второклассницы наслаждаются игровым оборудованием, пожертвованным в марте «Бартли Трактор и Таир Компани» и «Чоктау Каунти Велдинг».

— Эта бумажка — вырезанная статья из газеты, — сказал Джек. — Она была в конверте с почтовым штемпелем Бартли. Кто-то в городе считает, что одна из этих маленьких девочек — Саммер Дон Макклесби.

— О, нет.

Его палец легко коснулся третьего детского лица.

— Дочь Дила? Анна Кинджери?

Я кивнула, закрыв свое лицо руками.

— Дорогая, мне приходится делать это.

— Почему тебя пригласили вместо Роя?

— Потому что Рой проявил смелость во время нападения два дня назад. Он позвонил мне со своей больничной койки.

Глава 4

— С ним все будет хорошо?

— Не знаю, — сказал Джек. Он был грустным и злым, хоть я и не была уверена, какого рода его гнев. Возможно, от собственной беспомощности.

— Годы неправильного питания и отсутствие тренировок... но главное, сердце у него было больное.

Я тоже села, обняв его. На мгновение он принял комфорт. Он положил свою голову на мое плечо, обнимая меня. Я стянула резинку с его конского хвоста, и длинные темные волосы рассыпались по моей мягкой коже. Но потом он поднял голову и посмотрел на меня, приблизив свое лицо к моему на расстояние дюйма.

— Я должен это сделать, Лили. Для Роя. Он принял меня и всему обучил. Будь кто-то другой, любое другое дело, не касающееся ребенка, я бы отказался от него, раз оно связано с кем-то из твоих близких... но я вынужден это сделать. Даже если Анна Кинджери окажется Саммер Дон Макклесби, даже если жизнь Верены будет разрушена.

Я взглянула на него в ответ. У меня на сердце была такая тяжесть, что я понятия не имела, как ее выразить.

— Если он это сделал, — сказал Джек настойчиво, прочитав мои безмолвные мысли, — ты не можешь позволить ей выйти за него замуж.

Я кивнула, все еще не отойдя от такого удара. За все те годы, что мы провели вдали друг от друга, несмотря на всю нашу отчужденность, Верена была моей сестрой, а мы были единственными людьми на земле, которые делили и будут помнить нашу общую семейную жизнь.

— Это должно быть решено до свадьбы, — сказала я.

— Два дня? Три?

Тут мне надо подумать:

— Три.

— Дерьмо.

— Чего же ты хочешь? — я отстранилась от него, и его голова тут же опустилась к моей груди, словно притягиваемая магнитом. — Джек, мы должны договорить.

— Тогда тебя следует прикрыть, — он достал свой халат из небольшого шкафа и бросил его мне. Тот самый, который он брал в поездки: тонкий, из алого шелка. Я завернулась в него.

— Не намного лучше, — сказал Джек, придирчиво оглядев меня, — но делать нечего.

Он натянул футболку и шорты. Затем поставил свой портфель на кровать. Из-за холодрыги в мрачной комнате мотеля мы оба заползли обратно под одеяло, подпирая спинами стену.

Джек надел очки-половинки, делавшие его еще более сексуальным. Я не знала, как долго он ими пользовался, но только недавно он начал надевать их передо мной. Я впервые не оценила их эффекта.

— Сначала, чтобы выяснить, кто были те маленькие девочки с фотографии, Рой нанял

тетю Бетти.

— Кого?

— Ты еще не встречалась с тетей Бетти. Она еще один ЧД², живет в Литл-Роке. Она удивительная. В свои пятьдесят красит волосы в каштановый, выглядит респектабельно. Как будто каждому приходится тетей Бетти. Ее настоящее имя Элизабет Фрай. Люди рассказывают ей самые удивительные вещи, потому что она выглядит, как... ну, их тетя! И, черт побери, эта женщина может слушать!

— Почему Рой отправил ее вместо тебя?

— Ну, как ни удивительно, но в некоторых ситуациях я не могу слиться с обстановкой так, как это делает тетя Бетти. Я хорошо справлялся на работе в Шекспире, смахивая на работника из магазина спортивных товаров, но я не похож на того, кто может обойти небольшой городок, выпрашивая о маленьких девочках, и выйти сухим из воды. Верно?

Я попыталась не рассмеяться. Это, конечно, было верно.

— Поэтому-то это идеальная работа для тети Бетти. Она узнала, кто печатает большинство школьных памятных книг в штате, пошла к ним и сказала, что она из частной школы и ищет, где можно напечатать похожие книги. Парень дал ей все образцы, чтобы показать их родительскому комитету.

Джек, казалось, хотел, чтобы я признала сообразительность тети Бетти, поэтому я кивнула.

— Затем, — продолжил он, — Бетти приезжает в Бартли, идет на встречу с директором начальной школы, показывает ей все образцы памятных книг, которые у нее есть, и говорит директору, что работает на компанию по печати, которая может дать им конкурентоспособное предложение для следующей памятной книги.

— И?

— Потом она просит посмотреть памятную книгу Бартли этого года, замечает фотографию, спрашивает директора, кто был фотографом, вдруг ее компания наймет его на дополнительную работу. Бетти посчитала, что снимок был достаточно хорош, чтобы оправдать ложь.

Я покачала головой. Бетти должна быть убедительной, представительной и спокойной. Я знала директора начальной школы, Берил Троттер, в течение пятнадцати лет, и душой она не была.

— И как ей помогла вся книга? — спросила я.

— Если бы все шло по обычному сценарию, то пришлось бы просматривать фотографии всех классов, пока не удалось бы наткнуться на нужную и затем уже узнавать их имена. Или Бетти познакомилась бы с человеком, сделавшим фотографию, и незаметно разговорилась бы с ним в неторопливой беседе, пока он не сказал бы ей, кто были эти девочки. Но получилось так, что миссис Троттер пригласила тетю Бетти выпить чашечку чая, и Бетти все узнала от неё.

— Имена девочек? Их родителей? Все?

— Да.

Это было немного пугающе.

— Таким образом мы знали имена родителей и смогли раздобыть кое-какие сведения о чете О'Ши, ведь краткая биография священника дана в нескольких профессиональных каталогах. С Дилом тоже не возникло трудностей, потому что фармацевты являются государственной ассоциацией. С Осборнами было сложнее. Тете Бетти пришлось съездить в

«Мэйкпис Фурнитур» и притвориться, будто она недавно переехала и хотела бы приобрести новенький столик. Это было рискованно. Но ей удалось разговорить Эмори, выяснить кое-какую информацию о нем, и уйти, не оставив ни адреса, ни упоминая родственников из местных, которых он мог бы пробить.

— Значит, так ты узнал имена девочек и их родителей и некоторые факты о них.

— Да. Сначала мы проработали все на компьютерах, а после я поехал.

Я совершенно растерялась. Я никогда не разговаривала с Джеком о том, чем он занимался. Никогда полностью не осознавала, что одно из качеств успешного частного детектива — это умение убедительно и без колебаний лгать. Я немного отпрянула от Джека. Он взял какие-то бумаги из своего портфеля.

— Это смоделированный на компьютере возрастной портрет Саммер Дон, так она может выглядеть сейчас, — сказал он, по-видимому, не замечая моего горя. — Конечно, у нас есть ее фотографии в младенчестве. Кто знает, насколько точен ее портрет?

Я посмотрела на рисунок. На первый взгляд все было в порядке, но это могла быть любая из девочек. Я пришла к выводу, что, исходя из рисунка, Криста О’Ши больше всего подходила на эту роль из-за пухлых щечек, таких же, как у малышки на снимке, напечатанном в газете.

— Я думала, что фотографии должны быть достаточно точными, — сказала я. — Она выглядит так безлико, потому что на момент исчезновения была совсем малышкой?

— Отчасти. Как это бывает, ни одна из фотографий Саммер Дон не годилась для этой цели. У семьи Макклесби было мало ее фотографий, в отличие от остальных их детей, потому что Саммер Дон была третьим ребенком в семье, а третьего фотографировали не так часто, как ребенка номер один и два. Снимок, который появился в газете, оказался самым лучшим из всех, что были у родителей. Они договорились забрать снимок Саммер, сделанный за неделю до ее исчезновения.

Я не хотела думать об этом. Я отложила верхнюю фотографию, чтобы посмотреть на остальные три. На второй фотографии было схожее лицо, но в обрамлении длинных, прямых волос. На третьей была представлена еще одна версия Саммер Дон с менее пухлыми щечками и короткими волнистыми волосами. На четвертой — девочка с волосами средней длины и в очках.

— Одна из ее сестер близорука, — объяснил Джек.

Восемь лет.

— У нее есть сестры? — спросила я, не повышая голос. Во всяком случае, попыталась.

— Да. Две. Одной сейчас четырнадцать, второй — шестнадцать. Подростки с постерами музыкантов, которых я ни разу не слышал, на стенах. Набитые одеждой шкафы. Мальчики. И маленькая сестренка, которую они совсем не помнят.

— У Макклесби, должно быть, водятся деньги.

Найм частного детектива на протяжении нескольких лет и оплата дополнительных услуг тети Бетти и Джека повлекли за собой большие расходы.

— Они состоятельны. Саймон Макклесби отреагировал на похищение, целиком погрузившись в работу. Он бизнес-партнер по поставке канцелярских принадлежностей, бизнес на плаву с тех пор, как произошла компьютеризация офисов. Не важно, как много у них денег, Макклесби повезло, что они обратились к Рою вместо кого-нибудь другого, кто просто вытягивал бы из них деньги. Месяцами ему нечего было им предъявить, работа не шла. Некоторые парни... и некоторые женщины... пошли бы на уловки, чтобы дополнить

дело.

Для меня было облегчением узнать, что Рой настолько честен, насколько я всегда о нем и думала, после столь очевидного восхищения Джека талантом тети Бетти умело лгать. Слава Богу, есть большое различие между ложью на работе и отношением к людям в реальной жизни.

— Что тебе известно? — все-таки страх просочился в мой голос.

— Что О'Ши удочерили девочку, по крайней мере, так говорят их соседи в Филадельфии.

Я припомнила, как слегка изменилось выражение лица Джесса О'Ши, когда я спросила его, чем отличается большая городская больница от крошечной больнички в Бартли.

— Ты был в Пенсильвании?

— Их соседями в Филадельфии были студенты духовной семинарии, такие же, как Джесс, поэтому неудивительно, что их разбросало по свету. Я задействовал свои связи во Флориде, Кентукки и Индиане. Согласно полученной от наших людей информации, семейство О'Ши договорилось удочерить малышку у сестры другой духовной семинарии. Семья получила довольно сомнительное заключение от репродуктолога в Филадельфии. Сестра была вынуждена бросить ребенка, потому что у нее диагностировали позднюю стадию СПИДа. Ее семья не приняла бы ребенка из-за убеждения, что малышка могла заразиться. И неважно, что тест показал отрицательный результат. К тому же, пара из Теннесси, та, которую я сам опрашивал, до сих пор убеждена, что малышка может быть «заражена» СПИДом, несмотря на тесты врачей.

Я покачала головой.

— Как так выходит, что люди все тебе выкладывают?

— Я убедителен, если ты не заметила. — Джек провел рукой по моей ноге и искоса посмотрел на меня. Потом он отрезвел.

— Так, почему О'Ши все еще находится в твоём списке?

— Во-первых, Криста О'Ши находится на фотографии, которую получил Рой. Во-вторых, что если это не та девочка, которую они удочерили?

— Что?

— Что, если тесты были ошибочными? Что, если тот ребенок родился со СПИДом или умер по какой-то другой причине? Что, если Лу О'Ши похитила Саммер Дон, чтобы она заняла место того ребенка? Что, если О'Ши купил ее?

— Это кажется далеким от реальности. Они жили в Филадельфии, по крайней мере, несколько месяцев после удочерения Кресты. Саммер Дон была похищена в Конвее, верно?

— Да. Но у О'Ши есть кузены, живущие в районе Конвея, кузены, которых они навещали, когда Джес закончил семинарию. Даты совпадают. Я не могу исключить их. Это теоретически возможно. Если они купили Саммер Дон у кого-то, кто похитил ее, то они знали, что это было незаконно. Они притворились, что именно этого ребенка они и удочерили.

— А что касательно Анны? — спросила я резко.

— Джуди Кинджери, первая жена Дила, была психически больна.

Я продолжала изучать снимки. Потом повернулась и уставилась на Джека.

— Автомобильная авария почти наверняка была самоубийством. — Его ясные карие глаза посмотрели на меня поверх очков для чтения.

— О, бедный Дил. — Неудивительно, что он долго встречался с Вереной. Был

предельно осторожным после того адского брака с женщиной с таким количеством проблем, а также после воспитания невменяемой матери.

— Мы не можем быть уверены, что жена не делала чего-то сумасшедшего. Возможно, она убила их собственного ребенка и украла Саммер Дон в качестве компенсации. Кинджери жили в Конвее в то время, когда девочку похитили. Возможно, Джуди Кинджери забрала Саммер Дон и рассказала Дилу какую-то невероятно убедительную историю.

— Ты говоришь... может быть так, что Дил не знал?

Джек пожал плечами.

— Это возможно, — сказал он, но не очень убедительно.

Я напряженно выдохнула.

— Ладно, Ева Осборн.

— Осборны приехали сюда из маленького городка в десяти милях от границы с Конвеем. Он работал в мебельных магазинах с тех пор, как закончил техникум. Мередит Осборн не закончила курса в колледже, выйдя за него замуж. Эмори Тед Осборн... — Джек взгляделся в страницу заметок сквозь стекла очков. — Эмори продает мебель и бытовую технику в мебельном центре «Мэйкпис». Ах да, я говорил тебе об этом, когда упомянул, что Бетти встречалась там с ним.

Мебельный центр «Мэйкпис» был самым лучшим в Бартли. Только там продавали высококлассную мебель и бытовую технику, и располагался он на городской площади, на которую постепенно перелез через два или три здания.

— У Эмори есть судимость?

Джек покачал головой.

— Ни у кого из этих людей нет судимости.

— Наверняка, есть что-то, что исключает Еву Осборн?

— Ты ее знаешь?

— Да, знаю. Осборны владеют маленьким домом, где живет моя сестра. Он стоит прямо рядом с их.

— Я ездил к ним. И даже не думал, что твоя сестра арендует у них коттедж.

— Ты знаешь, что Анна и Криста время от времени играют с ребенком Мередит Осборн? Я познакомилась с матерью и малышкой Евой, когда была у Верены пару дней назад.

— Что ты думаешь?

— У Осборнов новорожденная девочка. Миссис Осборн в целом выглядит так же, как и двадцать лет назад, кажется неплохой. Ева... ну, маленькая девочка немного пугливая. Очень тощая, как ее мать. А Эмори я не встречала.

— Он небольшого роста, тощий и блондин. Очень светлые волосы, голубые глаза, невидимые ресницы. Похоже, ему все еще не нужно бриться. Очень сдержанный. Много улыбается.

— Так где родилась Ева?

— Вот почему ее нельзя исключить. Домашние роды, — сказал Джек, поднимая брови настолько, насколько это было возможно. — Еву принимал Эмори. У него какое-то медицинское образование. Роды прошли слишком стремительно, они не успевали добраться до больницы.

— Мередит родила ребенка дома? — Хотя я знала, что исторически так сложилось, что женщины рожали детей дома гораздо чаще, чем в больницах, эта мысль заставила меня

вздрагнуть.

— Да. — Лицо Джека выражало такое же отвращение, которое испытывала я, надеясь, что Джек никогда не попадал в ловушку в лифте с беременной женщиной.

Мы остались в кровати, уютно свернувшись калачиком и чувствуя тепло наших тел, беседуя наедине. Я не могла не думать об этом, как не могла отговорить Джека от расследования, даже если и считала это правильным... что на самом деле не так. Мне было ужасно жалко страдающих родителей, которые на протяжении многих лет хотят увидеть своего ребенка, но сестру, чья жизнь может быть разрушена за три дня до свадьбы, мне тоже жалко. Кажется, нет ничего, что я могла бы сделать, чтобы повлиять на исход расследования Джека.

Это был долгий день.

Я подумала о картине, представшей в кабинете врача, о несчастье, постигшем этих двух старых «рабочих лошадок» в их кабинете.

Обхватив руками колени, я рассказала Джеку о докторе Лемее и миссис Армстронг. Он выслушал меня с большим вниманием и задал мне намного больше вопросов, чем я могла ответить.

— Думаешь, это могло быть связано с твоим расследованием? — спросила я.

— Сейчас я не вижу связи. — Он снял очки и положил их на ночной столик. — Но не кажется простым совпадением, что они убиты на этой неделе, как только я появился на сцене, и как только появилась новая зацепка в деле Макклесби. Я старался быть очень осторожным, но рано или поздно в столь маленьком городке все узнают, почему я здесь. Сейчас ты мое прикрытие, но это ненадолго, если я буду задавать не те вопросы.

Я посмотрела на часы Джека, затем соскользнула с кровати. В комнате стало холоднее, даже после того, как меня разогрел Джек. Больше всего на свете я хотела этим вечером лежать рядом с ним, но не могла.

— Я должна вернуться, — сказала я, натягивая одежду и стараясь придать ей скромный и симметричный вид, какой был ранее.

Джек тоже встал с кровати, но не так шустро.

— Полагаю, что да, — сказал он с ноткой тоски в голосе.

— Знаешь, мне надо вернуться домой сегодня вечером, — сказала я, но не резко. К тому времени он надел свои брюки. Я застегивала свой жакет, когда он снова начал меня целовать. Я попыталась отодвинуться, когда он сделал свой первый подход, а в следующую секунду обняла его.

— Я знаю, раз ты поставила спираль и мне больше не нужно использовать презерватив, это подразумевает, что я сплю только с тобой, — сказал он мне.

Это означало и что-то еще.

— Э... это также означает, что я тоже не сплю ни с кем другим, — напомнила я ему.

После многозначительного молчания он сжал меня так крепко, что я не могла дышать, и он издал что-то нечленораздельное. Внезапно я осознала: мы на секунду почувствовали одну и ту же вспышку, такую яркую, что она ослепила меня.

Потом нам пришлось отскочить друг от друга, опасаясь близости. Джек потянулся за рубашкой; я села, чтобы обуться. Я провела пальцами по волосам, застегнула пропущенную пуговицу.

Мы молчали по дороге домой, сильный мороз сковал наши кости. Когда мы свернули на подъездную дорожку, я увидела свет в затемненном углу гостиной. Джек наклонился, чтобы

быстро поцеловать меня, и я, подмигнув, выпорхнула из машины и побежала по подмороженному газону.

Я заперла за собой дверь и встала перед панорамным окном. Глядя на маленький треугольник, не затененный елкой, я увидела, как машина Джека развернулась и поехала обратно в мотель. Простыни на его постели будут пахнуть мной.

Зайдя в свою комнату, где мама оставила включенную лампу, я медленно разделась. Слишком поздно принимать душ — он мог разбудить родителей, если они еще не проснулись, чтобы убедиться, что я дома и в безопасности, как они делали это, когда я была подростком. Не было счета тем бессонным ночам, которыми я их наградила.

Мимоходом я подумала о Терезе и Саймоне Макклесби. Сколько добрых ночей они провели за эти восемь лет с момента исчезновения их дочери?

Убийство врача и медсестры, напряжение на репетиции свадьбы и шок от всего, что поведал мне Джек, не должны были дать мне уснуть. Но времяпровождение с Джеком сняло с меня напряжение. Даже без секса, подумала я с некоторой долей удивления, мне стало бы лучше. Я заползла на свою кровать, повернулась на бок, просунула руку под подушку, и сразу же уснула.

На следующий день я приняла душ и оделась, прежде чем выйти позавтракать и выпить чашечку кофе. Я сделала парочку упражнений на подъем торса и поднимание ног, чтобы не чувствовать себя развалиной остаток дня. Мои родители сидели за столом, подпирая газеты, когда я взяла кружку из шкафа.

— Доброе утро, — сказала мама с улыбкой.

Отец хмыкнул и кивнул.

— Как прошло твоё свидание прошлой ночью? — решила спросить мама, когда я подсела к ним.

— Хорошо, — сказала я. Мой тост выскочил, и я положила его на тарелку.

Папа посмотрел на меня поверх своих очков.

— Ты пришла домой довольно поздно, — отметил он.

— Да.

— Как долго ты встречаешься с этим мужчиной? Твоя мать говорит, он частный детектив? Разве это не риск в своем роде?

Я ответила на самый безопасный вопрос.

— Я встречаюсь с ним пару недель.

— Ты думаешь, у него серьезные намерения?

— Иногда.

Отец посмотрел на меня с некоторым раздражением.

— Что это сейчас означает?

— Я думаю, это означает, что она больше не хочет отвечать на вопросы, Джеральд, — сказала мама. Она потерла переносицу большим и указательным пальцами, скрывая легкую улыбку.

— Отец должен знать о мужчинах, которые встречаются с его девочкой, — сказал мой отец.

— Его девочке почти тридцать два года, — напомнила я ему, пытаюсь удержать нежность в голосе.

Он покачал головой.

— Поверить не могу. Почему это делает меня старым, черт его возьми, псом!

Мы все дружно засмеялись над этим душещипательным комментарием.

Папа собрался побриться, следуя почти неизменному утреннему распорядку. Он высунул голову обратно в дверь прямо в тот момент, как я откусила кусочек тоста.

— Можешь тоже пристроиться детективом? — спросил он, затем поспешил удалиться, до того как я рассмеялась или швырнула в него тост.

— В газете говорится, — начала моя мать, когда я закончила пить кофе, — что Дэйв Лемей и Бинни Армстронг были убиты прямо перед вашим приходом, нашла их Верена.

— Я так думаю, — сказал я после паузы.

— Ты прикасалась к ним?

— Верена прикасалась. Она же медсестра, — сказала я, напоминая маме, что я не единственная, кто присутствовал при этом ужасе.

— Верно, — медленно сказала мама, как человек, сделавший открытие, которому он был отчасти рад, а отчасти встревожен им. — Она постоянно имеет дело с такими вещами.

— С такими или еще хуже.

Как-то раз Верена описала мне в красках, как один мотоциклист протянул руку в самый неподходящий момент и пришел в больницу уже без неё. У случайно проезжающего хватило силы духа обернуть ее в одеяло, на котором сидела его собака во время поездок, и доставить ее в больницу. Я видела ужасные вещи... может быть такие же ужасные, как эти... но не думала, что спокойно бы отнеслась к этому. Верена радовалась не кризисным ситуациям, а эффективному реагированию медперсонала.

Очевидно, она рассказывала не обо всех аспектах работы медсестры, по крайней мере, нашей маме.

— Я никогда не представляла себе ее работу в таком ключе. — Моя мама погрузилась в размышления, как будто она увидела младшую дочь в другом свете.

Я за пару минут прочла комиксы, колонку Энн Ландерс, гороскопы, просмотрела зашифрованные слова и «нашла ошибку» в рисунке. Никогда не бывало времени на все это дома. И слава Богу.

— Что сегодня на повестке дня? — спросила я без особого энтузиазма. Радость от присутствия Джека в городе сошла на нет, вместо нее пришло терзающее душу беспокойство из-за подозрений Джека.

— О, во второй половине дня сбор у Грейс, но сегодня утром мы должны съездить в Корбетт и забрать пару вещей, о которых они говорили нам по телефону.

Корбетт — это сувенирный магазин самого высокого класса в этом городке. Каждая невеста, имеющая хоть малейшие притязания на хороший вкус, обращалась в Корбетт, чтобы внести в список наборы фарфоровой и серебряной посуды, а также указать ряд желаемых цветов, которые хорошо бы сочетались с будущей ванной и кухней невесты. В Корбетте также торговали малой бытовой техникой, дорогой посудой, постельным бельем и льняными столовыми скатертями. Многие невесты оставили там всеохватывающий список. Верена и я всегда называли его списком «хотелок».

Спустя два бесконечно скучных часа мы были в машине Верены, припаркованной параллельно городской площади Бартли. Старая почта уже практически развалилась с одного края, в то время как здание суда с ухоженным газоном по центру было украшено рождественскими украшениями. В отличие от Шекспира, Бартли держался за рождественскую сценку в яслях, хотя я никогда не находила пластиковые фигуры в деревянном сарае образцом духовности. Рождественское песнопение беспрерывно

доносились из динамиков, расположенных вокруг площади, все торговцы украсили свои витрины мерцающими цветными огоньками и искусственным снегом.

Можно ли испытывать религиозное благоговение перед Рождеством, если слишком измотан из-за всей этой чепухи за прошедшие три года.

Я рада была видеть, что Верена нажала на «замок» в ее связке ключей, и в машине прозвучал короткий гудок. Это означало, что ее команда получена. Естественно, мы все посмотрели на машину в этот момент — бессмысленная, но естественная реакция — и я едва не заметила бегущего человека, пока не стало поздно.

Он появился из ниоткуда и уже протянул руку, чтобы схватить мамин кошелек, который она свободно сжимала под мышкой.

С большим удовольствием я приняла упор на левую ногу, согнула правую ногу в колене, и нанесла удар ему в челюсть. В реальной жизни (в отличие от кино) высокие удары рискованны и отнимают много энергии: колено и пах — вот самые надежные цели. Но это был мой шанс использовать этот приём, и я его не упустила. Благодаря многочасовым тренировкам я нанесла точный удар в челюсть тыльной стороной стопы. Он пошатнулся. Я снова подловила его при падении, но этот порыв не был столь эффективен. Это не столько навредило ему, сколько ускорило его падение.

Ему удалось приземлиться на колени, я схватила его правую руку и резко завела назад. Он закричал и упал на тротуар, я держала его руку сзади и под углом, зная, что это очень больно. Стояла я с правой стороны, чтобы у него не получилось дотянуться до меня левой рукой, вздумай он подняться и схватить меня за лодыжку.

— Если двинешься, я сломаю тебе руку, — сказала я ему искренне.

Он поверил мне. Лежал на тротуаре, ловя ртом воздух и всхлипывая, чтобы перевести дыхание.

Я подняла взгляд и увидела мать и сестру, смотрящих не на противника, а на меня с ошеломленным изумлением, отчего лица казались глуповатыми.

— Вызовите полицию, — подсказала я им.

Верена подскочила и побежала в Корбетт. В эти дни ей приходится часто звонить в полицию. Сестры Бард в ударе.

Человек, которого я сбила, был коренастым черным. На нем было дырявое пальто, распространяющее вонь. Я предположила, что он скорее всего тот же субъект, что выхватил кошелек у Дианы Дайкеман пару дней назад.

— Отпусти меня, сука, — заговорил он, достаточно отдышавшись.

— Будь вежлив, — сказала я жестким голосом. И заломила ему руку повыше, отчего он закричал.

— О, Лили, — выдохнула моя мама. — О, дорогая. Это необходимо? — Ее голос затих, когда я посмотрела ей в глаза.

— Да, — сказала я. — Это необходимо.

Сирена зазвучала прямо позади меня. Патрульный офицер, должно быть, был за два квартала, когда получил звонок от диспетчера. Из-за нее я чуть не потеряла хватку. На автомобиле было напечатано по дуге «полицейское управление» на городском символе Бартли, какой-то сложной комбинации, включающей в себя хлопок и тракторы. Под символом большими буквами написано «Шеф».

— Что у нас тут? — спросил человек в униформе, выйдя на тротуар. У него были каштановые волосы и опрятные усы. Он был худощав, если не принимать во внимание пузо

как на пятом месяце беременности. Он смотрел на мужчину на тротуаре, которого я вцепилась.

— Привет, Лили, — он оценил ситуацию. — Что это тут у тебя?

— Чендлер? — сказала я, всматриваясь в его лицо. — Чендлер Макаду?

— Во плоти, — протянул он. — Ты поймала вора сумок?

— Кажется.

— Привет, Миз Бард, — сказал Чендлер, кивая моей матери, которая автоматически кивнула в ответ. Я посмотрела на ее шокированное лицо, думая, что ничего не могу сделать, чтобы она почувствовала себя немного лучше. Быть жертвой случайного преступления — отвратительный опыт.

Чендлер Макаду один незабываемый семестр был моим партнером по лабораторным в средней школе. Мы вместе препарировали лягушек. Я держала нож или скальпель? Не могу вспомнить. Я была глупой брезгливой девочкой, когда Чендлер посмотрел мне прямо в глаза и сказал, что я слабая и бесполезная тварь, если не могу сделать один малюсенький разрез в мертвой лягушке.

Он был прав, поняла я, и сделала что требовалось.

Это был не единственный случай, когда Чендлер Макаду посмел на меня повлиять, но единственный, когда я послушалась.

Затем Чендлер потянулся за наручниками и доведенным до автоматизма движением надел их на моего пленника, пока тот не осознал, что происходит. Я поднялась, не без учтивой помощи главы полиции Чендлера, и пока рассказывала ему о случившемся, он поставил заключенного в наручники на ноги и потащил его к полицейской машине.

Он выслушал и связался по рации.

Я следила за каждым его движением и не смогла распознать в этом человеке, главе полиции с его строгой стрижкой и холодным взглядом, того мальчика, с которым бы я напилась на «Мятежном крике».

— Как думаешь, откуда он взялся? — спросил Чендлер как бы между прочим. Верена и продавцы уговорили мою мать пройти в магазин.

— Должно быть, он был там, — решила я, указывая на переулок между Корбеттом и мебельным магазином. — Это единственное место, где он мог бы оставаться невидимым. — Это была узкая аллея, и если бы он прятался всего в нескольких футах, увидеть его не получилось бы. — Где украли сумочку у Дианы Дикмен?

Чендлер посмотрел на меня.

— Ее обокрали у аптеки Дила, за два квартала отсюда, — сказал он. — Грабитель прятался в переулке, мы не смогли выследить его. Не представляю, как мы упустили этого парня, но предполагаю, что он мог скрываться, пока мы не проверили переулок за магазином. Есть еще несколько небольших ниш и потайных отверстий, в центре города их больше, чем собак нерезаных.

Я кивнула. Центру Бартли было больше ста пятидесяти лет, за это время компании городского квартала циклично процветали и разорялись, в потайные ниши поверить я могла.

— Оставайся на месте, — сказал Чендлер и шагнул в переулок. Я вздохнула и осталась стоять. Пару раз проверила время. Он отсутствовал в течение семи минут.

— Я думаю, что он там еще и спал, — Чендлер снова появился на тротуаре. Внезапно мой приятель из средней школы оживился, в нем больше не было никакого вялого полицейского духа небольшого городка. — Я не нашел сумочку Дианы, только какие-то

картонные коробки из-под холодильника и гнездо из тряпок.

Чендлер задержал дыхание, как перед кульминационным моментом. Он нагнулся к своему автомобилю и снова воспользовался рацией.

— Я только что связался с Брайнердом, кто-то ответил на запрос по делам об убийствах, — сказал он мне после того, как выпрямился. — Пошли, посмотрим.

Я проследовала за Чендлером вниз по переулку. Мы достигли Т-образного перекрестка, где этот переулочек присоединялся к большому переулку, шедшему позади зданий к западу квартала. Там лежала коробка из-под холодильника, спрятанная в нишу за кустарниками, случайно проросшими в трещинах тротуара. Я проследила за пальцем Чендлера, чтобы увидеть длинную ржавую трубу, спрятанную за коробкой. Труба лежала в сломанном водостоке, который раньше шел от крыши мебельного магазина к сточной канаве. Лежала она там целиком, но невидимая, если не заглянуть с одного края. Труба была больше двух футов в длину и приблизительно два дюйма в диаметре, с одного конца темнее, чем с другого.

— Пятна крови? — сказал Чендлер. — Думаю, это кровь Дэйва Лемея.

Я уставилась на трубу снова и поняла.

Тот же человек, который, возможно, забил до смерти доктора и его медсестру, близко подобрался к моей матери. В течение безумной секунды я пожалела, что не ударила его ногой сильнее и чаще. Я с легкостью могла бы сломать ему руку или череп, пока прижимала его к тротуару. Осмотрела аллею. И оглянулась на профиль человека, сидевшего в машине Чендлера. Лицо было пустым. Дома никого.

— Иди в магазин, Лили, — сказал Чендлер, возможно, слишком легко читая мое лицо. — Ты нужна своей маме и Верене тоже. Мы поговорим позднее.

Я развернулась на пятках и зашагала по переулку на улицу, чтобы войти в стеклянную парадную дверь Корбетт. Колокольчик, прикрепленный к двери, зазвонил, и маленькая толпа вокруг моей матери раздвинулась, чтобы проглотить меня.

Напротив площадки невест располагался диван, где все местные невесты и женихи выбирали выставленный фарфор и серебро. Мать сидела на диване, Верена рядом с ней, объясняя, что произошло.

Другой полицейский автомобиль встал у бордюра, демонстрируя активность правоохранителей. Среди всей этой суеты, телефонных разговоров и озабоченности на лицах женщин вокруг нее, моя мать постепенно вернула свой цвет лица и хладнокровие. Удостоверившись, что мама в порядке, Верена отвела меня в сторону и пожала мне руку.

— Ну, сестричка, — сказала она.

Я пожала плечами.

— Ты все сделала хорошо.

Я чуть вновь не пожала плечами, отведя взгляд. Но вместо этого рискнула улыбнуться.

И Верена улыбнулась в ответ.

— Эй, я не очень хочу прерывать этот разговор между сестрами, — сказал Чендлер, заглядывая в дверь магазина, — но мне необходимо принять заявления от вас троих.

Таким образом мы отправились к небольшому полицейскому участку Бартли через квартал отсюда, чтобы написать заявления. То, что произошло, было так быстро и просто, вопрос нескольких секунд, не отнимавший много времени. На выходе Чендлер напомнил нам зайти в участок на следующий день, чтобы подписать их.

Чендлер кивнул мне остаться. Я послушно отстала и посмотрела на него с

любопытством. Он молчал, не поднимая глаз.

— Они когда-нибудь поймали их, Лили?

Затылок закололо и сдавило.

— Нет, — сказала я.

— Черт. — И он шагнул назад в свой крошечный офис. Экипировка, которую он носил на поясе, превращала каждый его шаг в заявление уверенности. Я глубоко вдохнула и поторопилась догнать маму и Верену.

Мы все еще должны были вернуться в магазин подарков. Женщины моей семьи не позволят небольшому происшествию, такому, как попытка ограбления, удержать их от назначенных походов. Поэтому мы вернулись в наше свадебное русло. Верена получила корзину, полную подарков, за которыми приехала, мама приняла поздравление относительно предстоящего брака Верены, меня похлопали по спине (хотя и несколько робко) за то, что остановила грабителя, и когда мой запас адреналина наконец иссяк... я снова заскучала.

Мы поехали домой, чтобы открыть подарки и переписать их. Мама и Верена рассказывали папе о нашем неожиданно захватывающем походе по магазинам, а я прошла в гостиную и уставилась в переднее окно, включив огни рождественской елки, которые, мигнув, замерли.

Я задумалась о занятии Джека.

И поймала себя на мысли о бездомном человеке, которого скрутила. Я подумала, о покрасневших глазах, щетине на его лице, неопрятности, запахе. Продолжал бы доктор Лемей сидеть за своим столом, зайдя такой человек в его офис? Не уверена.

Доктор Лемей, должно быть, умер первым. Если бы он услышал, что Бинни Армстронг говорит с неизвестным мужчиной, а потом на Бинни напали бы, его бы не застигли за столом. Он бы стал обороняться, несмотря на возраст. Он был гордым человеком, мужественным.

Если этот печальный субъект пробился в кабинет врача, когда тот был официально закрыт, доктор Лемей бы указал ему на дверь или сказал ему, чтобы тот записался на прием, или позвонил бы в полицию, или отправил бы его к врачу отделения неотложной помощи, который приезжал из Пайн-Блафф каждый день. У Дэйва Лемей было много вариантов, как поступить с бомжом.

Но он бы не остался за своим столом.

У злоумышленника была в руках труба. Он не наткнулся на нее в кабинете врача. А если злоумышленник вошел с трубой, то он намеревался убить доктора Лемея и миссис Армстронг.

Я качала головой, глядя в окно гостиной. Я не сотрудник правоохранительных органов или какой-то детектив, но кое-что не вписывалось в картину, версия о бездомном убийце просто не имела смысла. И чем больше я думала об этом, тем подозрительнее это казалось: если бездомный мужчина убил доктора Лемея и миссис Армстронг, почему он не ограбил их? Мог ли ужас за содеянное заставить его уйти, прежде чем он достиг своей цели?

Если он был невиновен, как могло орудие убийства, согласно подозрениям Чендлера Макаду, оказаться в переулке? Если этот человек был достаточно умен, чтобы спрятать сумочку Дианы Дикемен, которую почти наверняка украл именно он, почему ему не хватило ума избавиться от доказательств более тяжкого преступления?

«Я скажу, что я бы сделала», — подумала я. Если бы я хотела совершить убийство и

скинуть его на невиновного человека, я бы подкинула орудие убийства бездомному мужчине, тем более темнокожему... без местных связей, скорее всего, без алиби, на которого уже заявили в полицию.

Вот что я бы сделала.

Задняя дверь в кабинет врача была заперта, вспомнила я. Значит, убийца вошел через переднюю, как мы с Вереной. Он прошел мимо двери комнаты, в которой работала миссис Армстронг, ее это не встревожило. Бинни Армстронг лежала в дверном проеме, значит, она спокойно продолжала заниматься своими делами в маленькой лаборатории.

Значит, убийца, неся трубу, входит в офис, официально закрытый. Убийца проходит мимо Бинни Армстронг, которая остается на своем месте. Затем он входит в кабинет доктора Лемея, смотрит на старика по другую сторону громоздкого рабочего стола, говорит с ним. Хотя у убийцы в руке была длинная труба, врач по-прежнему не взволновался.

Я почувствовала мурашки на коже.

Без предупреждения, так как доктор Лемей по-прежнему сидел в кресле, которое все еще не было отодвинуто от стола, убийца поднял трубу и ударил доктора Лемея по голове и продолжал бить его, пока тот не стал кровавым месивом. Затем убийца вышел в холл, а Бинни поспешила из лаборатории на ужасные звуки, которые она услышала. Он ударил ее тоже... бил до тех пор, пока она не оказалась на грани между жизнью и смертью.

Затем он вышел через переднюю дверь и сел в свой автомобиль... но, конечно, он, должен быть весь в крови?

Я нахмурилась. Тут была загвоздка. Даже самый ангельский из белых людей не мог выйти из кабинета врача днем, весь забрызганный кровью, да еще и с окровавленной трубой.

— Лили? — прозвучал голос моей матери. — Лили?

— Да?

— Я думала, что у нас будет ранний обед, затем примем душ после полудня.

— Хорошо. — Я попыталась контролировать спазм в животе при мысли о еде.

— Обед на столе. Я звала тебя дважды.

— О. Прости. — Когда я нехотя опустила ложку в суп из говядины, то попыталась вернуться к мыслям, но они не пожелали выходить.

Мы все сидели за кухонным столом, прямо как много лет назад.

Вдруг эта сцена показалась чрезвычайно мрачной. Мы все еще были здесь, все четверо.

— Прошу прощения, мне нужно прогуляться, — сказала я, отодвигаясь от стола. Все трое посмотрели на меня, знакомая тревога сжала их рты. Но принуждение стало столь сильным, что я больше не могла играть свою роль.

Выходя из дома, я накинула пальто и надела перчатки.

Первый квартал прогулки был блаженством. А еще я была одна в замораживающем холоде, перед лицом пронизывающего ветра. Солнце светило своим водянистым зимним светом, из-за яркости сосен и кустов падуба на фоне бледно-синего неба я жмурилась. Ветви деревьев были похожи на морозные кружева. Большая коричневая собака нашего соседа лаяла и таскала цепь по всей длине двора, когда я проходила мимо, но прекратила и не доставила мне больших проблем. Я помнила, что должна кивать, когда автомобили проезжают мимо, но в Бартли это случалось не так часто даже в обеденное время.

Я повернула за угол, чтобы ветер дул мне в спину, и прошла пресвитерианскую церковь и дом пастора, где жили О'Ши. Я задумалась, позволил ли малыш Люк выспаться Лу. Но я не могла думать об О'Ши, не вспоминая о фотографии, которую Рой Костимиглия получил

по почте.

Кто бы ни послал ту фотографию, он, очевидно, знал, что девочкой была похищенная Саммер Дон Макклесби. Та особенная фотография, приложенная к той особой статье, посланная Макклесби, была предназначена, чтобы привести Роя Костимиглиу к одному заключению. Почему анонимный отправитель не сделал еще один шаг вперед и не обвел лицо ребенка в кружок? К чему двусмысленность?

Та еще задачка.

Конечно... если выяснить, кто прислал это фото... можно выяснить зачем. Возможно.

«Большой пробел в расследовании, Лили», — сказала я себе презрительно и пошла еще быстрее. Коричневый конверт для почтовой пересылки мог быть куплен в любом Уол-Марте, фотография из ежегодника, купленного сотней учащихся... хорошо, в одной копии теперь не хватает той страницы. Двадцать третьей, вспомнила я и представила тяжелый портфель Джека.

Вообще-то, это была головная боль Джека. Та самая, за решение которой Джеку платили.

Но я должна была узнать ответ, прежде чем Верена выйдет замуж за Дила Кинджери. И как бы то ни было, Джек был опытным и упорным детективом, а я в Бартли своя.

Вот поэтому-то я попыталась изобрести способ помочь Джеку разузнать какую-никакую информацию.

И ни черта не могла придумать, чем помочь.

Но может хоть что-то само приплывет в руки.

Чем упорнее и дальше я уходила, тем лучше себя чувствовала. Мне легче дышалось: клаустрофобия, вызванная семейной близостью, ослабляла свой узел.

Я посмотрела на часы и остановилась как вкопанная.

Настало время для приема гостей с преподнесением свадебных подарков.

К счастью я блуждала неподалеку, меня занесло только за четыре квартала от отчего дома. Я быстрым шагом вернулась и оказалась у парадной двери за минуту. К счастью, они оставили дверь незапертой. Я помчалась в свою спальню, вылезла из джинсов и свитера, надела черные брюки, синюю блузку, подходящую к черному жакету. Затем проверила местоположение вечеринки и помчалась к двери.

Я опоздала всего лишь на десять минут.

Это была кухонная вечеринка в доме лучшей подруги мамы, Грейс Паркс. Грейс жила на улице больших домов, и ее был одним из самых больших. Она заказывала ежедневную уборку, вспомнила я, и бросила профессиональный взгляд на дом, когда вошла.

Вы не уловили бы облегчение во взгляде Грейс, но линии, заключающие в скобки ее большой рот, расслабились, когда я вошла. Она, как заведено, обняла меня и немного болезненно похлопала по плечу, сообщив, что моя мать и сестра ожидают в гостиной. Мне всегда нравилась Грейс, которая останется блондинкой до самой своей кончины. Грейс казалась несокрушимой. Ее карие глаза всегда были густо накрашены, соблазнительная фигура никогда не обвисала (по крайней мере, на первый взгляд), она постоянно носила великолепные драгоценности.

Она мягко переместила меня на стул, который поставила прямо рядом с моей матерью и ответила на вопрос одного из собравшихся гостей, одновременно всучивая мне в руки карандаш и блокнот. На мгновение я безучастно уставилась на них, пока не поняла, что меня назначили записывать подарки и дарящих.

Я осторожно улыбнулась маме, и она улыбнулась мне в ответ. Верена посмотрела на меня в равной степени и с раздражением, и облегчением.

— Прости, — сказала я тихо.

— Прощаем, — мамин голос звучал спокойно, будто это и впрямь маловажно.

Я кивнула кучке женщин в огромной гостиной Грейс, узнавая большинство из них по вечеринке, прошедшей два дня назад. Эти люди были столь же расслаблены, как Верена, готовящаяся к свадьбе. Видимо, на эту вечеринку было приглашено больше людей; возможно, из-за того, что у Грейс настолько большой дом, она разрешила Верене расширить основной список приглашенных.

Поскольку я думала об их дочерях, я особенно выделила Мередит Осборн и Лу О'Ши. Миссис Кинджери сидела с другой стороны от Верены, что было облегчением. Но мне казалось несправедливым, что у Дила была такая действующая на нервы мать после того, как его жена оказалась достаточно сумасшедшей, чтобы совершить самоубийство. Я видела, почему его тянуло к Верене, которая, на мой взгляд, была одной из самых стабильных и уравновешенных людей, которых я когда-либо знала.

Впервые это до меня дошло. Странно, как можно знать кого-то всю свою жизнь и до сих пор не увидеть их сильные стороны и слабые места.

У этой вечеринки была кухонная тема. Всех гостей попросили включить их любимый рецепт в подарки. На торжественном открытии я принялась за дело. Мой почерк не был изящным, но понятным, и я попыталась сделать работу тщательно. Некоторые коробки были набиты мелочами, а не одним подарком типа набора полотенец. Диана Дикмен (та, у которой украли сумочку) подарила Верене набор мерных ложек и мерных чашек с небольшой шкалой и диаграммой эквивалентностей веса, и мне пришлось использовать свой навык микроскопического письма, чтобы все это уместить.

Я решила, что выполнила работу превосходно, потому что мне не приходилось ни с кем заговаривать. История о том, как я скрутила вора, по городу не разошлась, мама с Вереной избегали этой темы. Но я была вполне уверена, что этому сюжету настанет время за закусками.

Этот момент наступил, когда все подарки были открыты. Грейс Паркс исчезла на значительное время, потом появилась, и, взяв меня за локоть, попросила разлить пунш.

Мне пришло в голову, что Грейс понимала меня довольно хорошо. Я оценивающе посмотрела на нее, когда заняла свое место на одном конце ее массивного овального обеденного стола, отполированного до сверкающего блеска и разделенного пополам рождественской салфеткой-бегуном. Он был уставлен обычной едой для вечеринки: орехами, пирожными, сэндвичами, мятными конфетками, закусками.

— Ты похожа на меня, — сказала Грейс. Она пристально смотрела на меня. — Тебе больше нравится чем-то занять руки, чем сидеть и слушать.

Мне и в голову не приходило, что в каком-то смысле я была похожа на элегантную Грейс Паркс. Я кивнула и начала заполнять черпак для первого круга вокруг стола Верены, виновницы торжества.

Мне надо было только спрашивать «Пунша?», затем улыбаться и кивать.

Спустя длительное время все закончилось, мы снова положили подарки в автомобиль, щедро поблагодарили Грейс и поехали домой, чтобы разгрузиться.

После того, как я переделалась обратно в джинсы и свитер, Верена спросила меня, поеду ли я к ней домой помочь упаковать вещи. Она потихоньку перевозила свои вещи в дом Дила

с прошлого месяца, начиная с вещей, в которых нуждалась меньше всего.

Конечно, я согласилась, радуясь от перспективы того, чтобы буду занята и полезна. Мы быстро перекусили сэндвичами и поехали с несколькими остановками по пути. Дил, как сказала мне Верена, проводил время с Анной, сигнализирующей, что она была перегружена всеми свадебными волнениями.

— Я достигла точки, где все, что я могу делать у себя — это спать, — сказала она мне, надев свой свитер. — Но у меня арендный договор вплоть до конца декабря, потому что я не хочу возвращаться к родным. — Я кивнула, понимая, что как только она сделает это, они с Дилом потеряют любую частную жизнь, которая у них есть. Или Верена просто хотела гарантий, что она получила передышку от наших родителей?

— Что тебе осталось упаковать?

Верена начала открывать шкафы, показывая мне, что не успела опустошить их до настоящего времени.

Мы заехали в несколько магазинов за коробками. В центре было пусто, большинство компаний закрылись. В это время года в шесть часов полностью темнело, ночь была очень холодной. Дом казался теплым и домашним, в отличие от черноты снаружи.

Мне поручили упаковать вещи из крошечного шкафа у парадной двери, в котором хранились запасные лампочки, удлинители, батарейки и пылесос. Когда я принялась упаковывать их в крепкую коробку, Верена начала заворачивать какие-то горшки и кастрюли в газету. Какое-то время мы работали в удобной тишине.

Верена только спросила, хочу ли я немного горячего шоколада, как мы услышали, будто к дому кто-то идет.

Паника, захлестнувшая нас тем утром, заставила нас нервничать и сейчас. Мы обе подняли наши головы как оленихи, услышавшие топот ботинок охотника. Я видела, что Верена повернулась ко мне, но покачала головой, чтобы заставить ее хранить молчание.

Потом кто-то пнул входную дверь.

Верена вскрикнула.

— Кто там? — спросила я, стоя поодаль от двери.

— Джек, — прокричал он. — Впусти меня!

Я судорожно выдохнула, испуганная и взбешенная этим. Я дернула дверь, приготовившись сообщить ему, насколько меня это встряхнуло. Слова застряли в горле, когда я открыла дверь. Джек нес Мередит Осборн. Она была в крови.

Позади я слышала, как Верена подняла трубку, набирая 911. Она быстро переговорила с тем, кто ответил.

Джек осунулся от шока. Часть крови Мередит Осборна была размазана по нему. Он прерывисто дышал. Хотя она была маленькой женщиной, он нес ее как мертвый груз.

Верена взяла простыню, которую только что сложила, накрыла ею диван, и Джек с удовольствием положил маленькую женщину вниз. Опустив ее, мгновение постоял со все еще вытянутыми руками. Затем со стоном выпрямился, бессознательно поводя плечами в попытке расслабить напряженные мышцы.

Верена уже стояла на коленях около дивана, ее руки были на запястьях женщины. Она покачала головой.

— У нее есть пульс, но он... — Верена снова покачала головой. — Она лежала снаружи. — Лицо умирающей женщины было белым как мел, холод сковал ее крошечное тело, закручиваясь водоворотом в теплой комнате.

Издали донесли сирены скорой помощи.

Меридит Осборн открыла глаза и посмотрела на меня.

Кто-то ударил ее по лицу, губы были разбиты и кровоточили. Под кровью они были синими, как и ее ногти.

Она открыла рот.

— Дети, — прошептала она.

— Не беспокойся, — сказала Верена незамедлительно. — Они в порядке.

Меридит Осборн перевела взгляд с меня на Верену. Ее рот снова открылся. Она пыталась сказать Верене что-то изо всех сил.

Вместо этого она умерла.

Глава 5

Я держалась за Джека. Он держался за меня. Мы видели, как умирали люди, плохие и жестокие, люди, которым не повезло оказаться не в то время, не в том месте. Эта молодая женщина, недавно ставшая матерью, избитая и оставленная умирать на морозе, к ним не относилась.

Это Верена побежала в дом Осборнов посмотреть, там ли находятся дети, это Верена обнаружила, что дом был пуст и тих. И двадцать минут спустя это Верена караулила автомобиль с Эмори Осборном, Евой и малышкой Джейн на подъездной дорожке, чтобы встретить их новостями, которые изменят их жизни навсегда.

Долговязый детектив Брайнерд либо снова находился на дежурстве, либо еще не уходил, он с сомнением следил за мной, даже после того, как мы объяснили, что произошло.

— Что вы здесь делаете? — спросил он Джека прямо. — Я не поверю, что вы из этих мест, сэр.

— Нет, сэр, не из этих. Я здесь для того, чтобы встретиться с Лили, остановился в мотеле «Дельта». — Джек отпустил меня и встал ближе к Брайнерду.

Я смотрела в пол. Не знала, совершает ли Джек ошибку, храня в тайне свое дело о Бартли.

— Как вы узнали, что мисс Бард здесь?

— Ее автомобиль здесь, — пояснил Джек.

Что правда, то правда, мы приехали на моей машине. Мама взяла машину Верены на свадебную вечеринку, поэтому я подвезла ее в коттедж.

После прилива энергии Верена резко упала в кресле, глядя в пространство.

— Так вы остановились здесь, чтобы повидаться с мисс Бард?

— И когда я припарковал машину, мне померещился шум за домом, — сказал Джек спокойно. — Решил проверить, прежде чем потревожить Лили и Верену.

— Вы нашли миссис Осборн.

— Да. Она лежала между дальним концом дома и их гаражом.

— Она говорила с вами?

— Нет.

— Она ничего не сказала?

— Нет. Кажется, она не понимала, что я нес ее.

— Но она говорила, когда лежала на кушетке?

— Да, — сказала я.

Джек и детектив Брайнерд повернулись одновременно.

— И что она сказала? — спросил полицейский.

— Она сказала «дети».

— И это все?

— Это все.

Брайнерд выглядел задумчивым настолько, насколько мог.

Что имела в виду Мередит Осборн? Последние мысли умирающей женщины просто остановились на детях, которых она покидает? Или те слова означали большее? Ее двое детей в опасности? Или она думала об этих трех девочках на фотографии?

Кто бы ни послал фото другу Джека Рою, он запустил цепь смертельных событий.

После того, как машина скорой помощи увезла тело Мередит, я уставилась в окно, наблюдая, как полиция прочесывает задний двор, где она лежала, истекая кровью и замерзая.

Во мне все клокотало от гнева.

У смерти Мередит Осборн даже не было милосердия, чтобы стать быстрой. У Дэйва Лемея и Бинни Армстронг было только мгновение, чтобы испугаться смерти, и то было ужасное мгновение, поверьте мне. Но лежать на своем собственном заднем дворе, не имея возможности вызвать помощь, чувствуя свой собственный конец, вползающий в тебя... я закрыла глаза, чувствуя, что меня колотит. Я знала о часах страха, когда ты уверен, что смерть неминуема и неизбежна. Меня, как бы то ни было, спасли. Мередит Осборн — нет.

Джек положил руку мне на плечо.

— Я хочу уйти, — прошептала я.

Этого сделать было нельзя, мы оба знали это.

— Прости, — сказала я более спокойно, слыша в голосе холод. — Я веду себя глупо.

Джек вздохнул.

— Я бы тоже хотел уйти.

— Чем ее убили?

— Не пистолетом. Ножевое ранение, я думаю.

Я вздрогнула. Я ненавидела ножи.

— Это мы навлекли, Джек? — прошептала я.

— Нет, — сказал он. — Это началось до того, как мы приехали. Но когда я уеду, это закончится. — Когда Джек впивался зубами во что-то, он не отпускал, даже когда кусал не там.

— Завтра, — сказала я ему тихо. — Мы поговорим завтра.

— Да.

Я забрала Верену ночевать домой. Она не могла заснуть в этом доме. Она стояла и смотрела в боковое окно на освещенный задний двор, на фигуры, перемещающиеся по нему. Я попыталась вывернуться. Но отойдя от Джека, снова протянула руку, чтобы схватить его за запястье. Кажется, я не смогу отпустить его. Я посмотрела вниз на ноги, борясь с собой.

— Лили? — Под вопросительным тоном его голос был хриплым.

Я сильно прикусила губу.

— Я уйду, — сказала я, отпуская его. — Увидимся утром, в восемь. В мотеле. — Я заглянула ему в лицо.

Он кивнул.

— Запри дом, когда полиция разрешит уехать, хорошо?

Верена, казалось, не слышала нас. Она стояла как статуя у того окна, ее сумка лежала на

полу рядом.

— Конечно, — сказал он, все еще пристально глядя на меня.

— Тогда увидимся завтра, — я повернулась к нему спиной и вышла, поманив сестру за собой.

Я сделала много тяжелых вещей, но это была одной из самых трудных.

Когда мы добрались до дома родителей, на часах было девять, но по ощущениям будто настала полночь. Я не хотела никого видеть и ни с кем говорить, и все же так или иначе моим родителям нужно было сообщить, с ними нужно было поговорить. К счастью для меня, Верена вернула свое равновесие к тому времени, когда увидела мать, и хотя она немного плакала, ей удалось рассказать об ужасной смерти Мередит Осборн.

— Должна ли я просто взять и отменить свадьбу? — спросила она со слезами на глазах.

Я знала, что моя мать отговорит ее от этого. Мне было невмоготу находиться с людьми в этот момент. Я пошла в свою комнату и плотно закрыла дверь. Отец встал под дверью; я узнала его шаги.

— Ты в порядке, тыковка? — позвал он.

— Да.

— Хочешь побыть одна?

Я сжала кулаки, пока короткие ногти не впились в ладони.

— Да, пожалуйста.

— Хорошо, — он ушел, слава Богу.

Я лежала на жесткой постели, сложив руки на животе, и думала.

Я не могла представить, как разузнать больше информации о трех девочках, которые могли быть Саммер Дон. Но я была убеждена, что Мередит Осборн была убита, потому что она знала, какая девочка не была той, за кого себя выдавала. Я попыталась представить Лу О'Ши или преподобного О'Ши, нападающих на Мередит на ледяном холоде на заднем дворе, но не получалось. Еще меньше я могла представить мягкого Дила Кинджери, забивающего Мередит в тишине. Мать Дилла, конечно, была не в себе, но я никогда не видела тенденции к насилию. Миссис Кинджери казалась просто чокнутой.

Я думала о Мередит Осборн, заботящейся о Кристе О'Ши и Анне Кинджери. Она возможно, увидела или услышала то, что заставило ее подумать, что одна из девочек родилась под другой личностью?

У меня никогда не было детей, я не знала, что происходит в бюрократическом плане, когда рождается ребенок. Некоторые больницы делали небольшие слепки ножек, я видела их на стенах семьи Альтхаус, когда убиралась у них. И конечно же свидетельство о рождении. И фотографии. Многие больницы делали снимки для родителей. Для меня все младенцы в значительной степени выглядели одинаково: красные и пищащие, или коричневые и пищащие. То, что у некоторых были волосы, а у некоторых нет, было единственным очевидным различием, которое я видела.

Я узнала намного больше о бюрократических процедурах от Кэрол Алтос, что полицейские искали по отпечаткам пальцев или собирали добровольцев по объявлениям в торговом центре, и те были не слишком полезными, зачастую из-за низкой квалификации. Я не знала, так ли это было, но мне казалось разумным. Готова поспорить, что по тем же самым причинам любые существующие детские приметы Саммер Дон будут непригодны для использования.

Таким образом, отпечатки пальцев и следы не подходят. Анализ ДНК мог подтвердить

личность Саммер Дон, я была уверена, но конечно нужно было знать, кого проверять. Я не могла представить, что Джек потребовал бы, чтобы эти три девочки прошли анализ ДНК. Я видела, как он требовал, но я также могла представить все три пары родителей, встречающих его с холодом.

Я уставилась на потолок, пока не поняла, что мой ум уже прокручивал эти мысли, и это было не более продуктивно, чем когда думала об этом в первый раз.

Я вспомнила, когда раздевалась и надевала длинную ночную рубашку, что, когда Джек впервые оказался в моей постели, следующим утром я дала себе обещание: никогда ничего не просить у Джека.

Мне было трудно сдержать такое обещание.

Когда я легла на кровать, в которой спала как девственница, мне приходилось напоминать себе снова и снова, что было следствием этого обещания: не предлагать того, чего не просили.

Я слышала свою сестру в соседней комнате, она ворочалась, как и я. Я была уверена, что ей было больно, и уверена, что она страдала вдвойне, так как эта кровь и ужас происходили в то время, которое, как предполагалось, было самым счастливым в ее жизни.

Я чувствовала себя беспомощной.

Это было самое раздражающее чувство в мире.

Я проснулась и вышла из дома на следующее утро до того, как мои родители зашевелились. Я не могла ждать восьми часов. Я поднялась, наскоро приняла душ, влезла в повседневную одежду, не особо беспокоясь, сколько раз я ее надевала, главное, что она была теплой.

Я завела автомобиль и с некоторыми затруднениями поехала по морозным улицам. У мотеля стояло еще несколько машин, я тихо постучалась Джеку в дверь.

Он открыл ее через секунду, и я шагнула внутрь. Джек быстро закрыл за мной дверь, без рубашки и дрожа от порыва холодного воздуха, ворвавшегося со мной.

Что я собиралась сделать, так это сесть на неудобный, покрытый винилом стул, один из двух имеющихся. Джек сел бы на другой, и мы бы обсудили его планы и то, как я могла бы помочь.

Однако в ту минуту, когда закрылась дверь, мы набросились друг на друга как голодные волки. Когда я коснулась его, мои руки радовались всему, с чем они столкнулись. Поцеловав, я тут же захотела его. Я настолько сильно дрожала от желания, что не могла справиться со своей одеждой, и он стянул мою толстовку через голову и сдернул вниз джинсы и нижнее белье, помогая мне выйти из них и таща меня к кровати в еще не остывшее гнездышко.

Позже мы лежали, обхватив друг друга руками. Мне было все равно, что левая рука онемела, он, казалось, не возражал, чтобы его правая нога лежала не совсем удобно.

Он на ухо шептал мое имя. Я убрала его волосы от лица, спутанные и распущенные. Провела пальцами по щетине на его подбородке. У меня на губах были наготове слова, который я не скажу. Я сжала зубы и продолжила гладить его. Та глупая, хрупкая, смехотворная опухоль в моей груди должна была остаться под контролем.

Его руки тоже были заняты, и через несколько минут мы снова занимались любовью, но не так отчаянно. Я ничего не хотела так сильно, как остаться в этой жалкой кровати в номере мотеля, пока Джек был в ней.

Я оделась (снова) после еще одного душа на скорую руку.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила я, услышав нежелание в своем

голосе.

— Выяснить, которая из девочек недавно виделась с доктором Лемеем.

— И я подумала, что это имело какое-то отношение. В конце концов, бомж сидел в тюрьме, когда Мередит Осборн убили.

— Ее, в отличие от доктора и его медсестры, не забили. — Джек зачесывал волосы назад в конский хвост. Теперь он с любопытством посмотрел на меня. Он надел длинную рубашку-поло в ржаво-коричневую полоску, и шрам, сбегаящий по щеке к челюсти, показался светлее из-за контраста. Он продел пояс через петли на штанах хаки. — Возможно, это был другой убийца.

— Хм-м-м, — сказала я скептически. — Внезапно Бартли заполонили жестокие убийства. А ты пытаешься найти пропавшего ребенка. Это просто совпадение.

Он посмотрел на меня взглядом, означающим, что он обдумывает эту мысль: то был косой взгляд, глаза блеснули, оценивая мое настроение.

— Имя бездомного — Кристофер Дэрби Симс.

— Ладно, я буду кусаться. Откуда ты это знаешь?

— У меня есть здесь связи в полицейском управлении.

Я тревожно задумалась, был ли это один из старых приятелей Джека, или Джек подразумевал, что подкупил полицейского. Или возможны оба варианта.

— Так эти связи могут показать записи врача?

— Я не могу просить так много. Прощупываю почву. Ты все еще брезгаешь лягушками? — спросил Джек, слегка улыбаясь уголками рта.

— Чендлер Макадо.

Джек поднял уголок занавески, всмотрелся в холодный день и удручающий двор мотеля.

— Вчера я зашел в полицейский участок. Как только упомянул твое имя и довольно толсто намекнул, что мы с тобой достаточно близки, Чендлер разговорился со мной. Он поведал мне захватывающие истории о ваших подростковых годах. — Он старался улыбаться не слишком широко.

Пока Чендлер не рассказал ему о более поздних.

— Я не могу даже вспомнить, какой я была тогда. — И я говорила буквальную правду. — Я могу вспомнить какие-то затеи, в которых мы участвовали, — сказала я, слегка улыбаясь. — Но ни за что в жизни не могу вспомнить, что я тогда чувствовала. Думаю, слишком много воды утекло. — Похоже на просмотр немого фильм про свою жизнь, не слыша звука или ничего не чувствуя. Я пожала плечами. Что было, то прошло.

— Я запомнил некоторые истории, — предупредил меня Джек. — И когда ты меньше всего ожидаешь...

Я затянула шнурки, по-прежнему улыбаясь, и поцеловала Джека на прощание.

— Позвони мне, когда что-нибудь узнаешь или захочешь, чтобы я помогла, — сказала я ему. Я почувствовала, что улыбка снова появилась у меня на губах. — Я хочу, чтобы это закончилось.

Джек кивнул.

— Я тоже этого хочу, — это слышалось в его голосе. — И потом я больше никогда не хочу видеть Терезу и Саймона Маклесби.

Я посмотрела на него, читая по лицу. Прикоснулась к щеке.

— У тебя получится.

— Да, я должен сделать это, — его голос был мрачным и пустым.

— Какая программа на утро? — спросила я.

— Я помогаю Дилу переложить пол на чердаке.

— Что?

— Я оказался в аптеке вчера после обеда, мы разговорились, и он рассказал мне, чем собирается заняться утром, как бы ни было холодно. Он хочет завершить эту работу до свадьбы. Поэтому я сказал, что ничем не занят, так как ты полностью погружена в свадебные планы, и что буду рад помочь ему.

— А заодно и задать пару вопросов?

— Возможно. — Джек улыбнулся мне в ответ той очаровательной улыбкой, выманивающей информацию у граждан.

Я поехала домой, пытаюсь вспомнить свой путь через лабиринт.

Моя семья проснулась, Верена все еще дрожала, но ей было намного лучше. Пока меня не было, они провели собрание и решили довести свадьбу до конца независимо от происходящего. Я была рада, что пропустила его и решение приняли без меня. Если бы Верена отложила свадьбу, времени на расследование стало бы больше, но у меня имелось беспокойство, которое я не могла разделить с Джеком.

Я боялась, что если убийца доктора Лемей, миссис Армстронг и Мередит Осборн был одним и тем же человеком, то этот преступник не в себе. А человек, отчаянно пытающийся скрыть преступление, вероятно, убьет самое сильное связующее между собой и преступлением.

В этом случае Саммер Дон Макклесби.

С одной стороны, вероятным не казалось, что кто бы то ни было пошел на такие чрезвычайные меры, чтобы скрыть изначальное преступление — похищение, даже рассматривая убийство девочки. Но с другой стороны, это казалось даже очевидным.

Я не знала ничего, что могло помочь раскрыть это преступление. Что же я умею делать? Я знала, как убирать и как бороться.

Я также знала, где люди скорее всего спрячут вещи. Уборка, конечно, научила меня этому. Предметы могли лежать где угодно (хотя у меня был на примете список мест, где я бы проверила сначала, особенно когда работодатели просили, чтобы я не разыскивала тщательно какие-то потери), но спрятанные... это был другой разговор.

Так? Спросила я себя саркастично. Как это мне поможет?

— Сможешь, милая? — сказала моя мать.

— Что? — спросила я, мой голос был резким и отрывистым. Она застала меня врасплох.

— Прости, — сказала мама, ее голос ясно давал понять, что я должна была ответить на ее вопрос. — Я спросила, ты не возражаешь против того, чтобы сходить к Верене и закончить собирать вещи?

Я не знала, почему меня просили сделать это. Верена была слишком напугана, чтобы справиться сама? И это, как предполагалось, совсем не коснулось меня? Возможно, я витала в облаках, в то время как они обстоятельно раскладывали это на составляющие.

Верене, похоже, необходимы сон и отдых. И это незадолго до самого счастливого дня в жизни.

— Конечно, — сказала я. — А что насчет свадебного платья?

— О, мой Бог! — воскликнула мама. — Мы должны были забрать его сразу! — Бледное лицо мамы зарумянилось. Как-никак, свадебное платье находилось в опасности в той квартире. Оживленная этой внезапной срочностью, мама выставила меня в автомобиль и

привела себя в порядок в рекордно короткие сроки.

Она последовала за мной к дому Верены и забрала платье лично, занося его в машину, как корону и скипетр королевской особы.

Я осталась одна в доме Верены со странным тревожным чувством. Будто я тайно копаюсь у нее в ящиках. Я пожала плечами. Я приехала сюда выполнить работу. Эта мысль была совершенно обычной, очень надежной, после всего, что мы видели в последнее время.

Я пересчитала коробки, уже лежащие у меня в багажнике и помеченные черным маркером Верены.

— Марта Стюарт, это — я, — пробормотала я и закрыла другую коробку, поставив у ближайшего шкафа. Шкаф с раздвижными дверями в крошечном зале Верены был почти пуст. Там лежал только комплект постельного белья и полотенца. Я предположила, что Верена уже вывезла остальное.

Как только я взяла первую стопку, стараясь не трясти простыни и сворачивая их, раздался стук в дверь. Я посмотрела в глазок на двери. Стучащий оказался блондином небольшого роста, красивым, с покрасневшими голубыми глазами. Он выглядел мягким и грустным. Я была уверена, что догадалась, кто это.

— Эмори Осборн, — сказал он, когда я открыла дверь. Я пожала ему руку. Он был из того сорта людей, которые мягко, бесхарактерно пожимают руку женщине, как будто боятся, что если пожмут со всей мужской силой, то сломают ей тонкие пальцы. По ощущениям как рукопожатие с тестом. У Эмори Осборна и Джесса О’Ши было что-то общее.

— Заходите, — сказала я. В конце концов, он владел домом.

Эмори Осборн шагнул через порог. Вдовец ростом где-то пять футов и семь дюймов [прим. пер. примерно 170 см], не намного выше меня. Очень красивый, голубоглазый. У него была самая безупречная кожа, которую я когда-либо видела у человека. В данный момент она порозовела от холода.

— Соболезную вашей потере, — сказала я ему.

Он посмотрел прямо на меня.

— Вчера вечером вы были в коттедже?

— Да, была.

— Вы видели ее?

— Да.

— Она была жива.

Я заерзала на месте.

— Да, — ответила я неохотно.

— Что она сказала?

— Она спрашивала о детях.

— О детях?

— Это все.

Он закрыл глаза, и на один ужасный момент я подумала, что он собирается плакать.

— Садитесь, — сказала я резко. Я направила его в ближайшее кресло, которое, должно быть, Верена очень любила, судя по тому, как оно стояло.

— Давайте я принесу вам горячего шоколада. — Я пошла в кухню, не дожидаясь ответа. Он остался с прошлой ночи, когда его мне предлагала Верена. Вот и он, на стойке, лежит вместе с двумя кружками. К счастью, микроволновая печь тут имелась, так что я была в состоянии вскипятить в ней воды. Я высыпала порошок. Не лучшего качества, но напиток

получался горячим и сладким, а по виду Осборна можно сказать, что он нуждался в сахаре и тепле.

— Где дети? — спросила я, когда поставила свою кружку на маленький дубовый стол.

— Они с прихожанами, — голос у него был роскошным, но не то чтобы сильно.

— Так что я могу для вас сделать? — вроде бы он не собирается добавить что-то еще, пока я не подтолкну его.

— Я бы хотел увидеть, где она умерла.

Это было практически невыносимо.

— Там, на кушетке, — сказала я резко.

Он уставился на меня.

— Но там нет никаких пятен.

— Верена расстелила там простыню. — Это было странным. Затылок начало покалывать. Я не собиралась сидеть с ним колено к колену, поэтому села на пуфик, стоящий рядом с креслом, и показала, где была голова Мередит, а где лежали ее ноги.

— Прежде, чем ваш друг положил Мередит вниз?

— Да. — Я вскочила, чтобы вытащить простыню из кладовки. Уступив почти непреодолимому принуждению, я сложила ее, как и остальные. Ну и черт с мелкими чувствами Верены.

— А он?

— Мой друг. — Я могла услышать, что мой голос стал более плоским и более твердым.

— Боюсь, вы сердитесь на меня, — сказал он устало. И тут же расплакался, слезы скатились по его щекам. Он на автомате вытер их потасканным носовым платком.

— Вы не должны проходить через это. — Мой тон все еще не был тем тоном, которым хорошая женщина будет разговаривать с вдовцом. Я подразумевала, что он не должен проводить меня через это.

— Я чувствую, что Бог оставил меня и детей. Я убит горем, — тут я подумала, что никогда не слышала, как кто-нибудь произносил эту фразу вслух, — и моя вера покинула меня, — закончил он, не переводя дыхание. Он уткнулся лицом в руки.

О, мужик. Я не хотела этого слышать. Я не хотела быть здесь.

Через незанавешенное окно я видела, что позади моего автомобиля на узкой подъездной дорожке припарковался другой. Джес О'Ши вышел из него и подошел к двери, опустив голову. Священник просто человек, имеющий дело с отсутствием веры и недавней тяжелой утратой. Я открыла дверь, прежде чем он постучал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Джесс, — даже я расслышала явное облегчение в своем голосом. — Здесь Эмори Осборн, и он действительно, действительно... — я отступила, значительно кивая, неспособная точно передать, в каком состоянии был Эмори Осборн.

Джес О'Ши, казалось, принял мою беспомощность. Он обошел меня и направился к мужчине, занимая мое место на пуфике. Он взял руки Эмори в свои.

Я попыталась заблокировать два мужских голоса, продолжая работу по упаковке, несмотря на чувство, что должна была уйти на время разговора Эмори со своим священником. Но у Эмори был выбор, он мог уйти к себе, если хотел полную приватность. Раз уж я практически смотрела на него, он знал, что я тут, и пришел сюда так или иначе...

Джесс и Эмори теперь молились вместе, пылкое выражение лица Эмори — единственное, что я видела. Спина Джесса была согнута, а руки были сжаты перед лицом.

Две светловолосые головы были близко друг к другу.

Затем пришел Дил и увидел этих двух мужчин, молящихся передо мной, в то время как я пыталась не обращать внимания. Он выглядел пораженным и не слишком счастливым от представившейся картины.

Все три отца в одной комнате. За исключением того, что один из них вообще не был настоящим отцом, а вором, который украл свое отцовство.

Дил повернулся ко мне, на его лице читался вопрос. Я пожала плечами.

— Где Верена? — прошептал он.

— У родителей, — прошептала я. — Съезди туда. Вам двоим нужно поговорить о грядущем. И разве ты не должен встретить дома Джека? — Я легко ткнула его в руку, и он сделал шаг назад, выравнивая свое положение. Возможно, я толкнула его немного сильнее, чем планировала.

После того, как Дил покорно сел в свой автомобиль и уехал, я закончила упаковывать вещи и увидела, что собрала все оставшиеся вещи из бельевого шкафа. Я проверила шкаф в ванной. Там лежало всего несколько вещей, которые я также упаковала.

Когда я обернулась, Джесс О'Ши был прямо позади меня. Мои руки немедленно напряглись, и сжались в кулаки.

— Извините, я испугал вас? — спросил он, с кажущейся невинностью. Да.

— Думаю, Эмори чувствует себя немного лучше. Мы пойдем к нему домой. Спасибо, что утешили его.

Я не смогла вспомнить, чем утешила его; должно быть, это просто благодарность. Я уклончиво хмыкнула.

— Я так рад, что вы вернулись, чтобы помириться с семьей, — сказал Джесс порывисто. — Я знаю, для них это много значит.

Какое ему дело? Я подняла брови.

Он покраснел, когда я ничего не ответила.

— Я предполагаю, что это профессиональное — ободрять людей, — сказал он наконец. — Приношу свои извинения.

Я кивнула.

— Как Криста? — спросила я.

— Она в порядке, — сказал он с удивлением. — Немного трудно объяснить, что мать ее подруги ушла, она, кажется, пока не поняла этого. А ведь это может быть благословением, знаете ли. Мы заберем Еву, пока Эмори не придет в себя. Может быть, и малыша тоже, если Лу решит, что в состоянии с ним справиться.

— Кажется, Лу говорила мне, что она возила Кристу к доктору на прошлой неделе? — спросила я.

Если Джесс и заметил контраст между моим молчанием на его наблюдения о моей семье и готовностью болтать о его ребенке, то не прокомментировал это. Родители всегда полагают, что другие люди столь же очарованы их детьми, как и они сами.

— Нет, — сказал он, очевидно ища это событие в памяти. — Криста даже не простудилась, мы начали ставить ей уколы от аллергии прошлым летом. — Его лицо озарилось. — До этого мы ходили к доктору Лемею каждую неделю, кажется так! Мой Бог, сейчас гораздо лучше. Лу сама делает уколы Кристе.

Я кивнула и начала открывать шкафы в кухне. Джесс понял намек и ушел, надевая свое тяжелое пальто во дворе. Очевидно, он не собирался засиживаться у Эмори.

После того, как он уехал, я написала записку в блокноте, который нашла под телефоном Верены. Я запрыгнула в свой автомобиль и поехала в мотель. Как я ожидала, автомобиля Джека там не было. Я села на корточках перед его номером и засунула записку под дверь.

Там было написано: Криста О'Ши не ходила к доктору последние дни.

Подписи я не оставила. Кто еще оставил бы записку Джеку?

На обратном пути к Верене я проехала по переулкам, чтобы собрать побольше коробок. Особенно заинтересовалась переулком за магазином подарков и мебельным.

Там было чисто для переулка, я даже нашла несколько очень приличных коробок, прежде чем приступила к поискам. Там стоял мусорный контейнер; я была уверена, что полиция прошерстила его, так как там было подозрительно пусто. Коробка, послужившая приютом Кристоферу Симсу, пропала, возможно, тоже была изъята полицией.

Я осмотрела переулок в обоих направлениях. С одной стороны Мэйн-Стрит, любой едущий на восток сможет мельком взглянуть на переулок и увидеть того, кто бы ни находился в нем, если тот человек не сидел в нише, где была расположена коробка Симса.

В южном направлении тихая улочка с предприятиями малого бизнеса в старых зданиях и нескольких оставшихся домов, которые все еще занимали семьи. На той улице, Мейкон, виделся довольно большой пешеходный поток; место для парковки было сильно ограничено, таким образом, в центре города покупатели всегда искали место в пределах пешей досягаемости.

Конечно, легко можно увидеть Кристофера Дарби Симса, если он сидел на корточках в этом переулке. Было заманчиво извлечь выгоду из присутствия бездомного черного парня в Бартли. Никаких проблем с тем, чтобы ускользнуть через переулок, скажем, с длинной окровавленной трубой. Положить ее позади удобной коробки.

Задняя дверь мебельного магазина открылась. Вышла женщина примерно моего возраста, она с опаской посмотрела на меня.

— Привет, — крикнула она. Она явно ждала от меня отчета, почему я здесь.

— Я собираю коробки для переезда моей сестры, — сказал я ей, указывая на машину с открытым багажником.

— О, — сказала она, облегчение было написано у нее на лице большими жирными буквами. — Не хочу показаться подозрительной, но у нас были... Лили?

— Мод? Мэри Мод? — Я недоверчиво смотрела на нее.

Она порывисто спустилась вниз и обняла меня. Я пошатнулась под ее весом. Мэри Мод по-прежнему была красивой и всегда будет, но стала намного полнее, чем в школе. Я заставила себя обнять ее в ответ.

— Мэри Мод Пламмер, — сказала я неуверенно, осторожно погладив ее пухлое плечо.

— Ну, я была Мэри Мод Баумгартнер в течение пяти лет, а сейчас я снова Пламмер, — сказала она мне, слегка фыркая. Мэри Мод всегда была эмоциональной. У меня сжалось сердце. Много воспоминаний об этой женщине.

— Ты ни разу не звонила мне, — сказала она, глядя на меня. Она имела в виду после насилия. Я никогда не могла сбежать от этого здесь.

— Я никогда никому не звонила, — сказала я. Следовало сказать Мэри Мод правду. — И не сталкивалась. Это было слишком тяжелое время для меня.

Ее глаза наполнились слезами.

— Но я всегда любила тебя.

У нее всегда было право на искренность, как бы неудобно это ни было. Поэтому ли я ни

разу не звонила Мэри Мод после своего плохого периода? Мы отпустили друг друга, шагнув назад.

Я вспомнила другую важную правду.

— Я тоже люблю тебя, — сказал я. — Но я не могла выдержать нахождение среди людей, всегда вспоминающих о том, что произошло со мной. Я не могла сделать этого.

Она кивнула. Ее рыжие волосы, почти до плеч, откинута назад, в ушах висят тяжелые золотые серьги.

— Думаю, это я понять могу. Все эти годы я прощала тебя за отказ от моего утешения.

— Мы в порядке?

— Да, — сказала она, улыбаясь мне. — Теперь мы в порядке.

Мы рассмеялись, отчасти от радости, отчасти от смущения.

— Так ты собираешь коробки для Верены?

— Да. Она вывозит вещи из коттеджа. Свадьба послезавтра. А после вчерашнего убийства...

— Ох, верно, убийство произошло рядом с тем местом, где Верена снимала жилье! Ты знаешь, муж той женщины, Эмори, работает со мной. — И Мэри Мод указала на дверь, из которой она вышла. — Он самый милый парень.

Он, конечно, знал о Кристофере Симсе в переулке в дальнем конце магазина.

— Так ты знала, что этот парень, уличный воришка, жил здесь в переулке?

— Ну, мы мельком видели его. Последние два дня, до того как полиция поймала его. Подожди... Боже Мой, Лили, это ты скрутила его?

Я кивнула.

— Ничего себе, детка, что ты с собой сделала? — Она посмотрела на меня сверху вниз.

— Брала уроки каратэ несколько лет, отработывала движения.

— Ничего себе! Ты такая храбрая!

— Значит, ты знала, что Симс был здесь?

— Хм? О, да. Но мы не были уверены, что делать с этим. У нас никогда не было с этим проблем, и мы пытались решить, что делать с точки зрения безопасности, а что — с точки зрения христианства. Трудно, когда эти мировоззрения не совпадают! Мы заставили Джесса О'Ши поговорить с женщиной, выяснить, надо ли ему билет на автобус домой? Болеет ли он? Или голоден?

Так Джесс встречался с бомжем.

— Что сказал Джесс?

— Что этот парень, Симс, сказал ему, что ему очень даже неплохо живется тут, он получал подачки от каких-то людей, знаешь, это афроамериканское сообщество, и он просто собирался остаться в переулке, пока Господь не велит ему уйти куда-то в другое место.

— Куда-то, где больше сумочек?

— Может быть. — Мэри Мод рассмеялась. — Я слышала, что Диана положительно описала его. Он сказал Диане в полицейском участке, что был ангелом и пытался указать ей на опасность обладания слишком многими мирскими благами.

— Оригинально.

— Да, за выдумку ему набросим очков.

— Он говорил об убийствах? — раз уж у Мэри Мод доступ к местным сплетням, я подумала, что я могу надавить на нее.

— Нет. Это ли не странно? Он же не сошел с ума, признаваться в более тяжких

преступлениях, и еще он говорил, что он никогда не видел трубы, пока полиция не нашла ее за его коробкой, где он спал.

Я заметила, что Мэри Мод вышла без пальто, она дрожала в своей дорогой белой блузке и свитере с вышитыми рождественскими украшениями. Наше воссоединение состоялось под свое собственное звуковое сопровождение: громкоговорители, помещенные вокруг площади, продолжали извергать рождественскую музыку.

— Как ты выдерживаешь это? — спросила я, кивая головой в сторону шума на площади.

— Гимны? О, через некоторое время ты просто подстраиваешься, — сказала она устало. — Они выбивают из меня дух.

— Так вот из-за чего вор стал невменяемым. — Предположила я, и она рассмеялась. Мэри Мод всегда смеялась легко, очаровательно, лишая возможности, по крайней мере, не улыбаться вместе с ней.

Она обняла меня снова и взяла обещание позвонить ей, когда я вернусь в город после свадьбы, и опрометью бросилась обратно в магазин, трясаясь от холода. Я смотрела ей вслед. Затем бросила пару коробок в машину и аккуратно выехала из переулка.

Свернув из переулка на боковую улицу Мейкон, я проехала мимо аптеки Дила.

У меня было о чем подумать.

Я отдала бы всё, что угодно за свою боксерскую грушу.

Я вернулась к дому Верены и упаковала все, что смогла найти. Каждые полчаса или около того, я выпрямлялась и смотрела из окна. В доме Осборнов было много посетителей: женщины, несущие, главным образом, еду. Эмори время от времени появлялся во дворе, беспокойно расхаживая, и пару раз плакал. Один раз он уехал на своей машине и вернулся меньше чем через час. Но не стучался в двери к Верене, к моему большому облегчению.

Я тщательно свернула оставшуюся одежду и уложила в чемоданы, не имея представления о том, что она планировала на медовый месяц. Большая часть ее одежды уже была у Дила.

Наконец, к трем часам все вещи Верены были упакованы. Я перетащила все коробки в свой автомобиль, за исключением небольшого зеркала у парадной двери, которое просто не влезало. Оставалась мебель, но это уже не моя проблема.

Я принялась за уборку.

Уборка пошла на удивление споро. Верену лентяйкой не назовешь, но и навязчивой домоправительницей она тоже не была, поэтому тут было чем заняться. Я наслаждалась перерывом в общении с моей семьей и одиночеством.

Когда я пылесосила, то услышала тяжелый стук в дверь. Меня подбросило. Я не слышала, чтобы тормозил автомобиль, но тогда и гул автомобиля тоже не слышала бы.

Я открыла дверь. За ней стоял Джек, и он был зол.

— Что? — спросила я.

Он прошел мимо меня.

— В мою комнату в мотеле влезли. — Он был в ярости. — Кто-то влез через окно в ванной. Я опросил народ. Никто ничего не видел.

— Что-нибудь взяли?

— Нет. Кто бы это ни был, он рылся везде, даже сломал замок на моем портфеле.

Тугой комок сжался в моем животе.

— Ты нашел мою записку?

— Что? — Он уставился на меня, гнев уступил место чему-то еще.

— Я оставила тебе записку. — Я резко села на пуфик. — Я оставила тебе записку, — повторила я глупо. — О Кристе О’Ши.

— Ты подписалась?

— Нет.

— Что там было написано?

— Что она не ходила к врачу уже несколько недель.

Глаза Джека глаза метались от вещи к вещи в чистой комнате, когда обдумывал мои слова.

— Ты звонил в полицию? — спросила я.

— Они уже были там, когда я приехал. Мистер Патель, менеджер, позвонил. Он увидел, что окно разбито, когда пошел выносить мусор за здание.

— Что ты сказал им?

— Правду. Что мои вещи выпотрошили, но ничего не украли. Я не оставлял деньги в моей комнате. Я никогда так не делаю. И не перевозю ценные вещи с собой.

Джек чувствовал себя злым и больным, потому что его пространство, хотя и временное, подверглось вторжению, в его вещах копались. Я понимала его чувства слишком хорошо. Но Джек никогда не говорил бы об этом в таких терминах, потому что он был мужчиной.

— Теперь кто-то точно знает, почему я нахожусь в Бартли. — Его раскрыли, что нарушило все практические соображения.

— А еще он знает, что у меня есть сообщник, — продолжил он.

Это был его способ разложить все по полочкам.

Вдруг я встала, подошла к окну. Во мне потрескивала беспокойная энергия. Назревали проблемы, и каждый нерв в моем теле попросил меня сесть в машину и поехать домой в Шекспир.

Но я не могла уехать. Моя семья удерживала меня здесь.

Нет, это было не совсем верно. Я могла заставить себя бросить семью, если бы почувствовала угрозу. Здесь меня держал Джек.

С пустотой голове я сжала руку в кулак и двинула бы ей в окно, если бы Джек не поймал мою руку.

Я резко остановилась и повернулась к нему, сходя с ума от встряски чувств, которым не знала названия. Вместо того, чтобы ударить, я обняла его рукой за шею и жестко притянула к себе. Напряжение и стресс сделали меня почти невыносимой.

Джек, по понятным причинам, удивился, попытался что-то сказать, но тут же замолчал. Он отпустил руку, которую держал и аккуратно обнял меня. Мы молча стояли, казалось, очень долгое время.

— Итак, — сказал он, — ты хочешь поговорить о том, что тебя расстроило? У тебя закончилось терпение находиться в доме у родителей? Твоя сестра сводит тебя с ума? Или... ты узнала что-то еще о ее женихе?

Я отодвинулась от него и начала расхаживать по комнате.

— У меня есть пара идей.

Его темные брови взлетели. Я должна была держать рот на замке. Я не хотела начинать весь этот разговор: я сказала бы ему, что вторгнусь в дома, он сказал бы мне, что это его работа и тому подобное. Почему бы не пропустить все это?

— Лили, я буду на тебя злиться, — с уверенностью предупредил Джек.

— Ты не можешь сделать то, что могу я. Ну и какой твой следующий шаг? — я бросила

ему вызов. — Можешь что-то предложить?

Конечно же, он уже выглядел сердитым. Он засунул руки в карманы своей кожаной куртки и осмотрелся вокруг в поисках чего-то удобного для удара. Ничего не найдя, он тоже принялся расхаживать. Мы исходили комнату как воины с мечами, ожидающие повода от противника.

— Выпроси у шефа полиции разрешение посмотреть на записи на доктора Лемея, — предложил он вызывающе.

— Этому не бывать. — Я знала Чендлера: он даст разрешение только в определенных рамках.

— Найди одежду убийцы на момент, когда он убивал доктора, медсестру и Мередит Осборн.

Значит, Джек решил, как и я, что убийца чем-то прикрывал одежду.

— Дома я не найду.

— Думаешь?

— Точно знаю, что нет. Когда люди скрывают такое, они хотят, чтобы оно лежало близко, но не в доме.

— Думаешь, под навесом, в гараже?

Я кивнула.

— Или в автомобиле. Ты знаешь не хуже меня, что это загонит тебя в ужасное положение с точки зрения закона. Есть еще предложения, прежде чем ты вломишься?

— Надеялся расспросить Дила. Он хороший парень, но о первом браке речи не ведет. По крайней мере, на его чердаке теперь есть хорошо настеленный пол. — Джек коротко усмехнулся. — Я думал о том, чтобы повторно опросить пару, жившую по соседству с Мередит и Эмори, когда у них был первый ребенок, — сказал Джек неохотно. — Я обдумывал то, что они рассказали, и пришел к выводу, что в их рассказе есть пробел.

— Где они живут?

— В захолустном городишке к северу от Литл-Рока, где Осборны жили до того, как переехали сюда. Ну, ты знаешь... недалеко от Конвея.

— Какой пробел?

— Не такой уж большой... женщина сказала какую-то бессмыслицу. Мередит призналась ей, что домашние роды были самым печальным днем ее жизни.

Это могло быть важным, или просто не чем иным, как излишними женскими, перенесшей первые роды.

— Второй ребенок родился в больнице, — отметила я. — Я так предполагаю; кто-то упомянул бы это раньше, если бы у нее была Джейн Джей Лилит дома. — Но я напредила себе проверить эту информацию.

— Почему Мередит должна была умереть? — сказал Джек. — Почему Мередит? — Он говорил не со мной. Он в замешательстве смотрел в окно, его руки все еще были в карманах. Его профиль выглядел строгим и пугающим. Мысленно отрезав его конский хвост, я увидела, что он похож на полицейского. Я не побоялась бы избиений, арестуй он меня, но нужно быть дураком, чтобы попытаться от него убежать.

— Ее ребенок сидел рядом с двумя другими девочками на фотографии, — предположила я.

Джек кивнул.

— Таким образом, она знала их всех. У нее была возможность, рано или поздно, увидеть

каждую девочку голой. Но у ребенка Маклесби не было примет.

— Так кто, как ты думаешь, послал тебе эту фотографию?

— Я думаю, это была Мередит Осборн. — Он отвернулся от окна, чтобы смотреть непосредственно на меня. — Я думаю, что она послала ее, потому что хотела исправить какую-то большую несправедливость. Вот почему ее убили.

— Что ты действительно делал в ту ночь, когда она умерла?

— Я ехал, чтобы задать ей пару вопросов, — сказал он. — Проезжал мимо «Гриля Бартли» и увидел там ее мужа с детьми. Ребенок был в креслице, а он и Ева болтали. Решил раз Мередит будет одна дома, я могу узнать побольше о фотографии.

— Зачем?

— Рой снял отпечатки пальцев с фото и конверта. На фотографии не оказалось ни одного, ее протерли, но один остался на ленте, которой запечатывали конверт. Это был четкий отпечаток, очень маленький. Ты говорила мне, какой миниатюрной была Мередит. Ты замечала, насколько у нее были крошечные руки?

Я никогда об этом не задумывалась.

— Я надеялся снять ее отпечатки для сравнения. Планировал позвонить в дверь, сказать, что я — детектив и приехал в город по работе, а также добавить, что я твой друг. Собирался отдать ей фото, попросить идентифицировать его. Когда она сказала бы, что не знает, я бы положил фото в сумку и позже проверил бы отпечатки пальцев.

Если я загляну Осборнам домой, то могу найти что-то, на чем имелись отпечатки ее пальцев. Проверить, вырвана ли страница из памятной книги Евы.

— Но я не хочу, чтобы ты ввязывалась в это. Ты видела, как она умерла, — сказал Джек жестко. Я резко подняла голову. Он стоял прямо передо мной.

— Я могу догадаться, когда ты что-то задумываешь; ты сильно сжимаешь челюсти, — продолжил он. — Что задумала, Лили?

— Уборку.

— Уборку чего?

— Уборку дома Осборнов и Кинджери.

Он задумался.

— Это не твое дело.

— Я хочу, чтобы на Рождество мы отсюда уехали.

— Я тоже, — сказал он пылко.

— Ну, тогда решено, — сказала я, подводя итог нашей беседы.

— Я неясно выразился?

— Мы договорились, что управимся с этим делом до Рождества.

Джек мрачно глянул на меня.

— Так, я уезжаю отсюда, — сказал он резко. — Позвоню тебе. Не делай ничего, что может подвергнуть тебя опасности.

— Езжай осторожно. — Он чмокнул меня в щеку, подозрительно глянул, и неспешно вышел. Я наблюдала через незанавешенное окно, как Джек пристегнулся и выехал с подъездной дорожки.

Затем направилась к вдовцу и предложила обратиться у него в доме.

Глава 6

Раньше Эмори был очень сильным и красивым, теперь же опухшие красные глаза

походили на кроличьи. Эти глаза с трудом узнали меня. Он был целиком озабочен, его грызло изнутри.

— Э, да? Чем ты хочешь помочь? — спросил он меня, голос звучал отстраненно.

— Я пришла, чтобы убраться у вас дома.

— Что?

— Я занимаюсь уборкой. Могу предложить свои услуги на время этой беды.

Он все еще был в замешательстве. Я была недовольна собой, сдерживать нетерпение было трудно.

— Моя сестра... — он запнулся. — Она завтра приедет.

— Тогда вам лучше убраться до ее приезда.

Он тупо смотрел на меня. Я смотрела за него. Позади него, в темном зале из открытого дверного проема показалась Ева. Она была похожа на маленького призрака самой себя.

— Мисс Лили, — сказала она. — Спасибо, что пришли.

Она повторила то, что ее отец весь день говорил посетителям, мое сердце сжалось от ее попытки подражать взрослым. Я задумалась, чем Ева занималась дома, когда я решила, что она находилась у семейства О'Ши.

Эмори наконец посторонился, чтобы я могла войти, но, казалось, он еще не определился. Я взглянула на часы, давая ему знать, насколько ценно мое время. Это вывело его из летаргии.

— Весьма любезно с вашей стороны, мисс... Бард, — сказал он. — Если вам что-нибудь нужно...?

— Надеюсь, Ева сможет показать мне, где необходимое. — Я не психолог. Я не знаю, как вести себя с детьми. Лучше занять руки.

— Это было бы хорошо, — сказал Эмори неопределенно. — Так, я буду... — и он просто пошел прочь. — О, Ева, — сказал он через плечо, — помни о кампанейских манерах. Остайся с мисс Бард.

Ева выглядела немного обиженной, но ответила:

— Да, папа.

Девочка и я внимательно посмотрели друг на друга.

— Где малышка? — спросила я.

— Она у семьи О'Ши. Я тоже была там какое-то время, но папа сказал, что я должна прийти домой.

— Ну, тогда хорошо. Где у вас кухня?

Ее губы изогнулись в недоверчивой улыбке. Конечно, все знали, где кухня! Но Ева была вежливой, и она повела меня в дальний конец дома и направо.

— Где все чистящие средства? — я поставила сумочку на кухонный стол, вылезла из пальто и повесила его на спинку кухонного стула.

Ева открыла шкаф. Я увидела, что корзина для белья полна одежды.

— Возможно, тебе лучше показать мне дом прежде, чем я начну.

Так девочка показала мне свой дом. Он был большим, старым, с высокими потолками, обшит темными деревянными панелями, а полы нуждались в доработке. Я заметила выключатель подогрева полов. Давно таких не видела. Рождественская елка, украшенная религиозными символами, стояла в гостиной, единственной общей комнате семьи. Диван и кресла с коричневыми пледами, всё, включая журнальный столик, сделано из клена. Чисто, но безвкусно.

Эмори сидел в кресле, держа в руках кружку с остывшим кофе. Что он остыл, я поняла потому, что чашка была наполовину пуста. С тех пор, как он собирался выпить, прошло время. Он не отреагировал, когда мы прошли через комнату. Я задумалась, может и его обмахнуть от пыли, как другую мебель.

Хозяйская спальня была опрятной, но мебель нуждалась в полировке. Комната Евы... кровать была застелена, а вот пол усеивали Барби и раскраски. Детская была самой аккуратной комнатой, ведь ребенок еще не мог ходить. Ведро с грязными подгузниками не мешало бы опорожнить. Ванную — отмыть полностью. Кухня была не так уж плоха.

— Где простыни? — спросила я.

— Мамины там, — Ева указала на двойной шкаф в хозяйской спальне.

Я сняла грязные простыни с двуспальной кровати и отправила их в стирку. Вернувшись в спальню, открыла дверь шкафа.

— Вот мамин табурет, — сказала Ева услужливо. — Он всегда был ей нужен, чтобы взять вещи с верхней полки.

Я как минимум на шесть дюймов выше Мередит Осборн и легко могу дотянуться до полки. Но если захочу посмотреть, что лежит за простынями, табурет будет кстати.

Я подошла, подняла стопку простыней и осмотрела содержимое полки. Еще одно одеяло, ящик с пометкой «для обуви», дешевая металлическая коробка для записей и важных документов. Затем под грудой сумок я обнаружила коробку с пометкой «Ева». Расстелив чистые простыни на кровати, я послала Еву за тряпкой для пыли и полиролью.

Я опустила коробку и открыла ее. Сжав зубы, заставила себя посмотреть на содержимое. Чувство, что я подсматриваю, давило на меня.

В коробке лежали выцветшие открытки с надписью «Добро пожаловать, малышка», такие посылают родственники и друзья, чтобы поздравить пару с рождением ребенка. Я бегло просмотрела их. Они были безобидными. Кроме того, в коробке была маленькая погремушка и одежда для новорожденного. Она была мягкой, вязаной, на желтом фоне красовались зеленые жирафики, с обычными кнопками для смены подгузников и длинными рукавами. Сложена аккуратно. Возможно, Еву в этом принесли домой из больницы. Но Ева родилась дома, вспомнила я. Ну, тогда, это самая любимая у Мередит детская одежда Евы. Наша мама все еще хранила что-то из одежды, моей и Верены, в мансарде.

Я закрыла коробку и запихнула ее обратно. К возвращению Евы я разровняла одеяло в цветочек, другое же было свернуто и лежало в ногах.

Вместе мы отполировали и вытерли пыль. Ева, естественно, не занималась ничем сложным, она ведь скорбящий восьмилетний ребенок. У меня были жесткие правила насчет работы по дому, не привыкла я работать с кем-то, но мне это удалось.

Я забеспокоилась, что Ева чистит вещи своей матери, но Ева, казалось, делала это как ни в чем не бывало, и я подумала, поняла ли она, что ее мама больше не вернется.

В ходе уборки я убедилась, что обследовала каждый закоулок. Быстренько пробежалась по комодам и ящикам в тумбочках, осмотрела все, что можно осмотреть в спальне: под кроватью, за углами шкафа, за спинками и боковыми панелями почти всех предметов мебели. Позже, занявшись стиркой, даже мельком увидела то, что было в ящиках. Самые обычные вещи, насколько я могла судить.

В ящике столика были сложены медицинские счета, связанные с беременностью Мередит. На первый взгляд, столик был тяжелым. Я понадеялась, что у мебельного магазина имелась служба доставки.

— Тряси банку, Ева, — напомнила я ей, и она встряхнула желтую банку аэрозольной полироли для мебели. — Теперь распыляй.

Она осторожно направила струйку полироли на пустую столешницу. Я протерла тряпочкой пару раз, затем положила на стол письмо, полную кружку ручек и карандашей и коробочку со штемпелями и этикетками с обратным адресом на прежние места. Когда Ева попросила извинить ее за отлучку ванную, я стиснула зубы и сделала нечто такое, что вызвало у меня отвращение: взяла расческу Мередит Осборн, на которой, разумно было предположить, могли остаться отпечатки ее пальцев, завернула в полиэтиленовый пакет, прошла в кухню и сунула в свою сумочку.

Я вернулась в спальню Осборнов, утрясла пачку бумаг, чтобы краешек получился ровным и опрятным, когда вошла Ева.

— Это мамины счета, — сказала она важно. — Мы всегда оплачиваем наши счета.

— Конечно. — Я собрала чистящие средства и вручила некоторые из них Еве. — Здесь мы закончили.

Когда мы принялись за работу в комнате Евы, девочка заскучала, видимо, новизна от помощи испарилась.

— Где вы вчера обедали? — спросила я невзначай.

— Ходили в ресторан. Я взяла молочный коктейль. Джейн всё проспала. Было здорово.

— Папа был с вами, — отметила я.

— Да, он хотел дать маме отдохнуть, — сказала Ева одобрительно. Потом ей вспомнилось окончание той ночи, я видела, что ее удовольствие от молочного коктейля исчезло. Нельзя больше задавать ей вопросы о прошлой ночи.

— Почему бы тебе не найти последний школьный альбом и не показать мне своих друзей? — предложила я, достав чистые простыни из шкафчика и начав перестилать ее односпальную кровать.

— О, конечно! — сказала Ева с восторгом. Она начала рыться в низком книжном шкафу, в котором было много детских книг и безделушек. Никакого порядка там не было, и я не слишком удивилась, когда Ева сказала мне, что не может найти последний альбом. Она принесла другой альбом двухлетней давности, и мы прекрасно провели время, она называла мне имя каждого ребенка. От меня требовалось только улыбаться и кивать и время от времени говорить: «Действительно?» Как бы невзначай я пробежалась по ее книгам самостоятельно. Прошлогоднего альбома не было.

Ева заметно расслабилась, разглядывая фотографии ее друзей и знакомых.

— Ты ходила к врачу на прошлой неделе? — спросила я невпопад.

— Зачем вы спрашиваете?

Меня поставили в тупик. Мне и в голову не приходило, что ребенок спросит меня, зачем мне это.

— Стало интересно, к какому врачу ты ходишь.

— К доктору Лемею. — Ее карие глаза казались огромными, когда она подумала о своем ответе. — Он тоже умер, — сказала она устало, как будто весь мир вокруг нее умирал. Для Евы, наверное, так все и было.

Я не могла придумать естественный, безболезненный способ спросить еще раз, не могла же расстраивать девочку еще больше. К моему удивлению, Ева добровольно добавила:

— Со мной ходила мама.

— Да? — Я попыталась говорить максимально уклончиво.

— Да. Ей нравился доктор Лемей и мисс Бинни.

Я кивнула, поднимая стопку раскрасок и складывая их ровно.

— Было больно, но скоро закончилось, — сказала Ева, явно кого-то цитируя.

— Что закончилось?

— Они взяли мою кровь, — сказала Ева важно.

— Гадость.

— Да, это больно, — сказала девчушка, философски качая головой, как женщина среднего возраста. — Боль причиняют всегда, но ты должен справиться с нею.

Я кивнула. Как-то слишком философски для третьеклассницы.

— Я похудела, и мама подумала, что что-то не так, — пояснила Ева.

— И что было не так?

— Я не знаю. — Ева смотрела вниз на свои ноги. — Она никогда не говорила.

Я кивнула, будто это дело обычное. Но то, что Ева рассказала мне, взволновало меня, насторожило. А что, если у ребенка проблемы со здоровьем? Отец ведь знал о визите к крови? А что, если у Евы анемия или еще что похуже.

Она выглядела достаточно здоровой, как по мне, но тут я не самый компетентный человек. Ева была худенькой и бледной, да, но не чрезмерно. Волосы сияли, зубы выглядели здоровыми и чистыми, от нее хорошо пахло, она словно не испытывала неловкости и смотрела мне в глаза: будь что не так — есть и причина волноваться. Так почему же я не расслабилась?

Далее я перешла в комнату малышки, Ева следовала за мной по пятам. Время от времени звонил дверной звонок, и я слышала, как Эмори плетется через весь дом, чтобы открыть, но посетители долго не задерживались. Трудно стоять и болтать, столкнувшись с неприкрытым горем.

После того, как закончила с детской и ванной комнатой, я вошла в кухню, чтобы найти просроченные продукты, которые были у Эмори. Он стоял там с пластиковой бульонницей в руках, завернутой в розовую упаковку, популярную у местных. Я открыла холодильник и оценила ситуацию.

— Хм-м-м, — я начала вытаскивать все. Эмори поставил миску и стал помогать. Мелочевка и остатки отправились в мусор, посуда, в которой они были — в раковину, затем я вытерла нижнюю полку, заляпанную чем-то.

— У вас есть список? — спросила я Эмори.

Он, казалось, вышел из транса.

— Список? — спросил он, как если бы никогда не слышал этого слова.

— Необходимо вести список тех, кто в какой тарелке принес еду. У вас есть листок бумаги под рукой? — сестре Эмори нужно приехать сюда как можно скорее.

— Папа, у меня есть тетради в спальне! — Ева побежала за ними.

— Думаю, я знал об этом, но позабыл, — сказал Эмори. Он моргал красными глазами, будто бы очнувшись. Когда Ева влетела в кухню с несколькими листками бумаги, он обнял ее. Она выбралась из его объятий.

— Мы должны начать список, папа! — Она посмотрела на него сурово.

Я подумала, что Еве хватит объятий на две жизни вперед.

Она начала список сама корявым и своеобразным почерком. Я сказала ей, как это делать, и она взгромоздилась на табурете у стола, кропотливо занося продовольственные приношения в одну колонку, приносящих в другую и примечание, когда возвратить посуду.

Пробужденный нашей деятельностью Эмори стал звонить с телефона на кухне. По обрывкам разговора я выяснила, что он звонил в отделение полиции узнать, когда можно забрать тело Мередит со вскрытия в Литл-Роке, потом договаривался о музыке на похоронную службу, проверял работу, стараясь двигать жизнь вперед. Он начал составлять свой собственный список мелким неразборчивым подчерком. Это был список дел перед похоронами, тихо поделился он. Я была рада видеть, что он стряхнул оцепенение.

Уже смеркалось, поэтому я ускорила темпы работы, подмела, помыла пол и вытерла кухонные стойки. Я отобрала несколько блюд на ужин Эмори и Евы, оставив их на столе с инструкцией по разогреву. Эмори все еще говорил по телефону, поэтому я просто вышла из комнаты с Евой, следующей за мной. Я надела пальто, вытащила ремешок из сумочки.

— Ты сможешь прийти снова, Лили? — спросила Ева. — Ты знаешь, как все делать.

Я посмотрела на нее. Я предала этого ребенка, злоупотребила доверием ее отца. От восхищения Евы мне было больно.

— Нет, я не смогу прийти завтра, — сказала я так мягко, как только могла. — У Верены послезавтра свадьба, и мне надо многое сделать. Но я постараюсь снова с тобой увидеться.

— Ладно. — Она приняла это по-военному покорно, что, я начинала понимать, было типично для Евы Осборн. — И спасибо за помощь сегодня, — сказала Ева после того, как несколько раз сглотнула. Достаточно сильная для хозяйки дома.

— Я подумала, что в уборке будет больше пользы, чем в избытке еды.

— Ты была права, — сказала она рассудительно. — Дом выглядит более милым.

— Увидимся, — я наклонилась обнять ее. Чувствуя себя ужасно неловко. — Позаботься о себе. — Какая глупость говорить это ребенку, бичевала я себя, но не знала, что еще сказать.

Эмори придержал парадную дверь. Я испытала желание побрюзжать, ведь почти разобралась во всем и без разговоров с ним.

— Я не могу в полной мере отблагодарить вас за это, — его искренность была болезненной и нежелательной.

— Это ничего.

— Нет, нет, — настаивал он. — Это так много значит для нас. — Он снова собирался заплакать.

О, черт.

— До свидания, — сказала я ему твердо и вышла.

Мельком взглянув на часы снова на подходе к автомобилю, я поняла, что никак не могу объяснить родным, где была и что делала.

Преуменьшая мою вину, родители подумают, что я сделала замечательную христианскую вещь, выручила Эмори Осборна в его час невзгод. Пусть думают лучше обо мне, когда я меньше всего этого заслуживаю.

Я очень старалась отвести вине маленький уголок в моем сердце. На тех условиях, что у Осборнов теперь чистый дом, в котором можно принимать посетителей. И у меня отрицательный отчет для Джека. Я не обнаружила ничего заслуживающего внимания, за исключением поездки Евы к доктору. Хотя украла расческу.

Когда Верена появилась из своей комнаты, такая же заплаканная, как Эмори, я осуществила вторую часть своего плана.

— У меня уборочное настроение, — сказала я ей. — Как насчет того, чтобы убраться в доме Дила, чтобы вы уютно провели первое совместное Рождество? — Верена и Дил не

поедут в медовый месяц до окончания праздников, чтобы не бросать Анну.

Так или иначе, моя миссия состояла в том, чтобы спасти Верену от горя и не чувствовать себя виноватой после того, как я сказала Эмори, что собираюсь навести порядок в его доме. Но во рту был кислый привкус, и я решила, что это было отвращение к самой себе.

— Спасибо, — Верена была искренне удивлена. — Я постоянно об этом думала. Ты уверена?

— Ты знаешь, что мне нужно чем-то заняться, — сказала я честно.

— Да благословит Господь твое сердце, — сказала мне Верена, с состраданием обнимая меня. Так или иначе, нежелательное сочувствие сестры укрепило мое решение.

Затем раздался звонок в дверь, это пришли друзья моих родителей, только что вернувшиеся из поездки за елочными украшениями в Пиджен Фордж. Они были довольны своей поездкой и привезли подарок для Дила и Верены. Поприветствовав их, я ускользнула в свою комнату. Приняла обжигающий душ и стала ждать звонка от Джека.

Он не позвонил. Телефон трезвонил весь вечер: звонки от друзей, уточняющих свадебные планы; Дил, спрашивающий Верену; кредитные компании, желающие продлить новые карты для моих родителей; и члены церкви, устраивающие поминальную трапезу для семьи Осборн после приезда родственников Мередит.

Но не Джек.

Это было мелочно для меня, но я хотела посмотреть на фотографии Саммер Дон восьмилетней давности. Я хотела задать Джеку кое-какие вопросы. Хотела осмотреть его портфель. Сделать все, чтобы выяснить, что беспокоит меня.

Примерно в восемь тридцать я позвонила Чендлеру Макадо.

— Давай прокатимся, — предложила я.

Чендлер въехал на подъездную дорожку моих родителей на собственном джипе. Он был одет в теплую фланелевую рубашку в бело-красную клетку, камуфляжную куртку, джинсы, и кроссовки «Найк».

Мать открыла дверь прежде, чем я смогла до нее добраться.

— Чендлер, — сказала она, ее голос звучал немного удивленно. — Собираешься опросить по поводу того, что случилось в прошедшие несколько дней?

— Нет, мэм. Я здесь за Лили. — У него на голове была кепка «Арканзаские путешественники», сползшая, когда он кивнул мне. Я надела пальто.

— Как в старые добрые времена, — сказала мама с улыбкой.

— Увидимся, мам, — я застегнула старую красную куртку.

— Ладно, дорогая. Хорошо вам провести время.

Мне понравился джип. Чендлер держал машину вылизанной, я это одобряла. Джек был склонен разбрасывать документы по всему автомобилю.

— Так куда мы направляемся? — спросил Чендлер.

— Слишком холодно, а мы слишком стары для «Пруда Франкеля». Как на счет «Сердца Дельты»?

— Давай в «Сердце».

Когда мы домчались до домашней закуской, в которую ходили на протяжении средней школы, я уже прослушала половину истории о двух разводах Чендлера, о сынишке, которым он так гордился (от Синди, жены номер два), и о действующей женщине в его жизни — Тутси Монаан, в моем списке подружек невест Верены она стояла на последнем

месте.

Когда мы поглядели на устрашающее меню, почти не изменившееся с тех времен, когда мне было шестнадцать лет, за исключением цен, и сделали официантке заказ (гамбургер со всем на свете и картошкой фри для Чендлера, карамельный молочный коктейль для меня), Чендлер смерил меня острым, «давай перейдем к делу» взглядом.

— Так в чем же дело у этого парня, которого ты подцепила?

— Джека.

— Я знаю его чертово имя. Что у него здесь за дела?

Чендлер и я уставились друг на друга. Я глубоко вздохнула.

— Он разыскивает... — Я замерла. Как я могла это сделать? Где моя лояльная ложь?

Чендлер махнул рукой, говоря продолжить.

Чендлер уже растрепал Джеку кое-что, влияющее на его привязанность ко мне. Но реальное физическое усилие — открыть рот и рассказать ему, что здесь делает Джек — сделать было почти невозможно. Я закрыла глаза на секунду, глубоко вздохнула.

— Пропавшего человека.

Он обдумал это.

— Ладно, рассказывай.

Я заколебалась.

— Это не моя просьба.

— Чего ты хочешь от меня, Лили?

Лицо Чендлера моментально постарело.

«О, Боже», — я ненавидела это.

— Скажи мне, что твои люди делали, когда Мередит Осборн была убита. Я не знаю, имеет ли это какое-то отношение к работе Джека, Чендлер, это правда. Я была в доме всего в нескольких футах от нее, и будь что-то неладно, я знаю, как драться. — Я не подозревала, насколько это беспокоило меня, пока не высказалась. — Я не успела пошевелить даже пальцем, чтобы помочь ей. Просто расскажи мне об этом вечере.

Он мог сделать это, не нарушая никаких законов, поняла я.

— Что делали мои люди. Что произошло с Мередит. — Чендлер раздумывал, его глаза сосредоточились на солонке с желтоватыми кристалликами соли.

Я не знала, что затаила дыхание, пока Чендлер не заговорил. Он сложил маленькие руки перед собой, и его лицо приобрело жесткое выражение, видимо, профессиональный отпечаток.

— Миссис Осборн умерла, насколько я могу сказать при зрительном осмотре, от множественных колотых ран на груди, — начал он. — Ее ударили по лицу, возможно, чтобы она упала на землю и колоть ножом было бы легче. Нападение произошло на заднем дворе. Оно заняло всего минуту или две. Она не смогла передвинуться больше чем на ярд после того, как ей нанесли удар. Раны были очень тяжелыми. Плюс, температура была ниже нуля, и на ней не было пальто.

— Но она действительно передвинулась на тот ярд.

— Да.

— К домику Верены.

— Да.

Мой рот сжался в жесткую линию, а глаза сузились — это мой друг Маршалл как-то назвал «собрать морду в кулачок».

— Тип ножа?

— Вроде кухонный, но мы должны подождать вскрытия, чтобы в этом убедиться.

Других признаков не обнаружили.

— Вы ходили в дом Осборнов?

— Конечно. Надо было проверить, был ли там убийца, задняя дверь оказалась не заперта.

— Выходит, некто шумел или позвал Мередит из дома...

Он пожал плечами.

— Что-то вроде того, мы предполагаем. Она не испугалась. Иначе осталась бы в доме и заперла черный ход. Позвонила бы нам. Телефон работал, я проверил. Вместо этого она вышла на улицу.

Невысказанное неизбежное заключение повисло между нами: Мередит увидела кого-то во дворе, кого она знала и кому доверяла.

— Когда, по словам Эмори, он уехал?

— Около семи. С двумя дочерьми. Хотел дать своей жене некоторое время для себя, сказал он. Ей пришлось нелегко с рождением ребенка, она не восстановилась и так далее.

Я подняла брови.

— Да, официантка подтверждает, что Эмори появился в ресторане приблизительно пять минут спустя. Минут сорок пять Эмори и Ева ужинали, а затем проснулся ребенок, и Эмори дал ей бутылочку, она срыгнула на целых девять ярдов. Они покинули ресторан в пятнадцать минут девятого. Эмори нужно было заехать в магазин, он взял девочек с собой, они купили витамины и другое барахло... что дает нам приблизительно восемь пятьдесят или девять часов.

— Потом он приходит домой.

— Потом он приходит домой, — согласился Чендлер. — Он был сражен на повал. Побелел как полотно.

— Вы уже обыскали дом?

— Да, пришлось. Не нашли никаких доказательств, что кто-то из семьи к этому причастен. Ничего подозрительного. Ни взлома, ни угрожающих сообщений на автоответчике, ни признаков борьбы... полный ноль.

— Чендлер... — я колебалась. Но не могла придумать никакого другого способа узнать. — Ты обыскивал его машину?

Чендлер поерзал.

— Нет. Думаешь было нужно?

— Ты спрашивал Еву, останавливался ли ее папа за домом?

— Я сделал все от меня зависящее, чтобы спросить ее об этом. Мне пришлось быть очень осторожным, как я уже говорил, мне не хотелось, чтобы девочка думала, что мы считаем виновным ее отца. Ей всего восемь! — Чендлер посмотрел на меня сердито, как будто это было моих рук дело.

— Что она сказала? — спросила я, стараясь говорить очень тихо и ровно.

— Она сказала, что они ходили в ресторан. Точка. Затем в магазин. Точка.

Я кивнула, отводя взгляд.

— Где был Джесс О'Ши? — спросила я.

Я буквально чувствовала жар свирепого взгляда Чендлера, хоть и смотрела на прилавок с обитыми краями.

— Дэйв спросил Эмори, в какую церковь он ходит, и когда он сказал, что в пресвитерианскую, мы позвонили Джессу, — медленно произнес Чендлер. — Лу сказала, что он в своем офисе, консультирует паству.

— Ты перезвонил ему?

— Да.

— Получил ответ?

— Да. Но он сказал, что не может приехать прямо сейчас.

Я задумалась, приезжал ли Джес на самом деле в дом Осборнов той ночью. Я не могла вспомнить, была ли сцена между ним и Эмори на следующий день первой встречей или продолжением диалога, начатого ночью. Я была так смущена, что пыталась пропускать мимо ушей их разговор.

— Он назвал причину?

— Я просто предположил, что он должен закончить разговор с кем бы то ни было.

Выходило так, что Джесс был вдали от дома, и полиция не опросила, что он делал во время убийства. Причин, почему они должны были это узнать, с их точки зрения не было.

Верена говорила мне, что Дил собирался провести вечер дома с Анной. Я не считала что Дил был таким отцом, который оставит Анну в доме одну, но он мог что-нибудь придумать. Я задумалась, могу ли задать вопросы, не обеспокоив Верену.

— Лили, если чья-то безопасность под угрозой, или у тебя есть вообще предположения, кто убил ту бедную женщину, ты по закону обязана сказать мне. С точки зрения морали — тоже.

Я заглянула в круглые карие глаза Чендлера. Я знала этого человека всю мою жизнь, мы были с ним друзьями, до и после. Когда я оказалась дома в Бартли после моего захватывающего избавления от преступника и преследования СМИ, Чендлер был постоянным гостем в нашем доме. Он пробивался ко мне, мы перекусывали, катались по округе, проводили время вместе, чтобы я могла сбежать от своей семьи и их любви, которая меня просто душила.

В то время, семь лет назад, у нас был ужасно неловкий вечер в большом пикапе, который Чендлер тогда водил. Но я была уверена, что мы оба сделали все возможное, чтобы не помнить этого.

— Я не знаю личности каждого, кто находится в опасности, — сказала я осторожно. — Я не знаю, кто убил Мередит. — Что было абсолютной правдой.

— Ты должна рассказать мне все, что знаешь, — его голос был низким и целеустремленным, пугающим, как змеиная погремушка.

Мои руки, лежащие на потертой серо-розовой поверхности стола, сжались в крепкие кулаки. Каблуки уперлись в деревянный пол кабинки, давая мне уверенность. Чендлер удивленно взглянул на меня и отодвинулся.

— Что у тебя на уме? — спросил он резко и отставил пустую тарелку в сторону, не спуская с меня глаз, освобождая свое собственное поле для действий.

На этот раз я старалась объяснить. Но не могла. Я сделала пару глубоких вдохов и заставила себя расслабиться.

— Ты любишь этого мужчину, — сказал он.

Я собиралась помотать головой, отрицая. Но вместо этого сказала:

— Да.

— Вот это да.

Я резко кивнула.

— И он... он принимает то... что случилось с тобой?

— Он не возражает против шрамов, — сказала я тоном легким и ровным, как меняющееся полотно сна.

Чендлер покраснел. Он отвел взгляд, разглядывая рисунок на столешнице.

— Все нормально, — едва не прошептала я.

— Он... он хоть понимает, как ему повезло? — спросил Чендлер, не способный придумать, как по-другому спросить, любит ли меня Джек.

— Я не знаю.

— Лили, если хочешь, чтобы я серьезно поговорил с этим шутком, дай знать. — И он действительно это имел в виду. Я смотрела на Чендлера новыми глазами. Этот человек пойдет на унижительный разговор и не подумает дважды.

— Ты заставишь его опуститься на одно колено и поклясться бросить всех других? — я слегка улыбнулась, ничего не смогла поделаться.

— Чертовски верно.

И это он правда имел в виду.

— Какой же ты отличный парень, — сказала я. Вся агрессия сдулась, как будто я была воздушным шаром с тоненьким проколом. — Ты говорил с Джеком, не так ли?

— Он бывший полицейский, и неважно, как его карьера закончилась, — и Чендлер неловко покраснел. Джек покинул полицию Мемфиса не совсем при похвальных обстоятельствах, — Джек Лидс — хороший детектив и произвел несколько арестов. Я звонил полицейским Мемфиса, переговорил с другом, разузнал о нем.

Интересно. Чендлер узнал о приезде Джека раньше меня и проверил его.

— На самом деле, единственное, что этот парень знал о Джеке — что он встречается с непонятной уборщицей, — сказал Чендлер с усмешкой.

Я улыбнулась в ответ. Все напряжение ушло, мы снова были старыми друзьями. Не спрашивая, Чендлер заплатил за мой коктейль и свой обед, и я выскользнула из кабинки в пальто.

Чендлер высадил меня у дома и поцеловал в щеку. Мы не сказали ни слова о Мередит Осборн, докторе Лемее и Джеке. Чендлер отступил только потому, что он был должен мне: в прошлый раз у нас был ужасный вечер. Не важно, по какой причине, но я была благодарна. Если бы Чендлер думал, что я что-то скрывала, что способствовало бы разгадке убийств, произошедших в городе, который он поклялся защищать, он бы навалился на меня как тонна кирпичей.

Хоть мы и были старыми друзьями, но оба несли бремя взрослых обязанностей.

Джек так и не позвонил.

Той ночью я не могла заснуть, руки жестко лежали по бокам. Я наблюдала за лучами лунного света, ложащимися на потолок моей старой комнаты. Это была квинтэссенция всех скверных ночей, которые у меня были за прошлые семь лет; из-за того, что я находилась дома у родителей, я не могла обратиться к своим обычным методам спасения и облегчения. Наконец я встала, села на стул в углу комнаты и включила лампу.

Я закончила свою биографию. К счастью я привезла некоторые книги в мягкой обложке от Верены, предвидя такую ночь... не думаю, что взяла бы их, будь у меня выбор. Первая книга была о том, как вести себя с пасынками, вторая — исторический роман. На обложке был изображен парень с удивительным телосложением. Я уставилась на его голую,

безволосую грудь с огромными грудными мышцами, задаваясь вопросом, похожа ли мускулатура моего сенсея на эту.

Маловероятно, что разумный боец будет носить свою рубашку так, чтобы она на полпути спала с его плеча, очень уж неудобно и непрактично, и, что было еще глупее, его подруга примет решение обнять его, когда он сидит на лошади. Я вычислила его вес, под каким углом он склонился и прилагаемые усилия. Я учла сильный ветер, сдувающий ее волосы и веер, и решила, что лорд Роберт Думори планирует рухнуть на землю к ногам Филлипетты Данмор, вывихнув плечо в процессе... если повезет. Я покачала головой.

Я изучала текст, узнавая больше, чем я когда-либо хотела знать, о том, как быть новой матерью растущему не родному ребенку. Эта книга в мягкой обложке демонстрировала серьезные признаки того, что ее читали и перечитывали. Я надеялась, что от нее Верене больше пользы, чем от приключений мисс Данмор с Красавчиком. Я бы отдала все что угодно за хорошие толстые биографии.

Сон сморил меня на половине книги, я все еще сидела на стуле, а лампа горела, когда я проснулась в семь от шумевших членов семьи.

Я чувствовала себя опустошенной, слишком уставшей, чтобы двигаться.

Я сделала несколько отжиманий, попробовала подъемы ноги. Мышцы казались вялыми и слабыми, как будто я оправлялась после серьезной операции. Я медленно натянула свитер. Этим утром я должна была наводить чистоту в доме Дила. Но вместо того, чтобы встать и отправиться в ванную, я откинулась на стуле, уткнувшись лицом в руки.

Из-за вовлеченности в историю с детским похищением это казалось очень неправильным, очень неприятным, но для пользы моей семьи я и не могла представить, что еще могу сделать. Со вздохом чистой усталости я встала и открыла дверь спальни, чтобы повторно войти в жизнь своей семьи.

Я словно погрузила пальцы ног в тихий водоем, только чтобы понять, что внизу омут.

Мама и Верена распланировали каждый час последнего дня перед свадьбой. Мама собиралась пойти к местной швее за платьем, которое она планировала надеть завтра: его необходимо было подшить. Еще она собиралась заглянуть к поставщику продуктов, чтобы пробежаться по последним приготовлениям для приема. Она и Верена должны были взять Анну на вечеринку по случаю дня рождения ее друга, а затем забрать ее расшитое платье, которое они заказали по магазинному каталогу Пенни после некоторой задержки. (Из-за того, что Анна подросла, платье, купленное за месяцы до этого, теперь слишком обтягивало плечи, поэтому Верена пролистала каталоги для быстрой замены.) И Верена, и моя мама были убеждены, что Анна должна примерить платье немедленно.

Список поручений становился все более и более длинным. Я выдохлась после первых нескольких пунктов. Дил высадил дочь, чтобы уехать по делам с Вереной и мамой, и мы с Анной остались вместе за кухонным столом в странном мире, находящемся в центре бури.

— Так всегда женятся, тетя Лили? — спросила Анна устало.

— Нет. Можно просто тайно туда протопать.

— Как антилопа?

— Как антилопа, только там ты быстро топаешь. Когда тайно сбегают, мужчина и женщина садятся в автомобиль и уезжают жениться туда, где никто их не знает. Потом они приходят домой и рассказывают их семьям.

— Думаю, я так сделаю, — сказала Анна мне.

— Нет. Пусть у тебя будет большая свадьба. Заставь их за все это поплатиться, —

посоветовала я.

Анна улыбнулась.

— Я приглашу весь город, — сказала она. — И Литл-Рок тоже!

— Вперед. — Кивнула я одобрительно.

— Может быть даже весь мир.

— Так даже лучше.

— Тетя Лили, а у тебя есть парень?

— Да.

— А он пишет тебе записки? — Анна поморщилась, понимая, что задала глупый вопрос, но ответ ей хотелось узнать во чтобы то ни стало.

— Он звонит мне по телефону. Иногда.

— А он... — Анна порылась в своем мозгу, припоминая, что эдакого могут делать взрослые парни. — Он посылает тебе цветы и конфеты?

— Пока нет.

— Что он делает, чтобы показать, что он тебя любит?

Я не могла поделиться этим с восьмилетней девочкой.

— Он меня обнимает.

— Эм-м-м. Он тебя целует?

— Да, иногда.

— Бобби Мицер меня поцеловал, — сказала Анна шепотом.

— Не шутишь? Тебе это понравилось?

— Ну-у-у-уу.

— Может быть, он просто не тот парень, — сказала я, и мы улыбнулись друг другу.

Потом мама и Верена сказали Анне, что им пора и поинтересовались, почему она до сих пор сидит за столом, уж не провели ли мы за ним весь день.

— Ты справишься у Дила самостоятельно, да? — спросила Верена с тревогой. Она отвезла Анну вместе с подарком на вечеринку и вернулась. — Тебе не нужно этого делать, если ты не хочешь.

— Справлюсь, — мой голос был плоским и холодным. Мне понравилось разговаривать с Анной, но теперь я снова чувствовала себя опустошенной.

Мать пристально следила за мной.

— Тебе не очень хорошо спалось, — сказала она. — Дурные сны? — Она, Верена и отец уставились на меня с беспокойством.

— Я в полном порядке, — я попыталась быть вежливой, ненавидя их за то, что они снова думали о моем мытарстве. Испытывала ли я к себе отвратительную жалость? Скорее просто была *дома*.

Впервые мне пришло в голову, что если бы я была в состоянии дольше оставаться здесь после нападения, если бы я пережила его, они, возможно, уже привыкли бы ко мне снова и увидели бы мою жизнь как продолжение, а не ломаную линию. Но я чувствовала себя обязанной уйти, и их четкие последние воспоминания обо мне были как о женщине со всевозможными болячками, которой снились кошмары во время бодрствования и во время сна.

— Теперь я пойду убираться. — Я натянула пальто.

— Дил на работе, у него инвентаризация, — сказала Верена. — Не знаю, как долго она продлится. Мы заберем Анну и отвезем ее к Пенни сразу же после вечеринки. Потом

вернемся сюда. — Я кивнула и пошла за своей сумочкой.

Мать и Верена все еще выстраивали планы на день, когда я вышла за двери. Мой отец разгадывал кроссворд, слегка улыбаясь, когда ловил обрывки их обсуждения. Он не ненавидел это свадебное безумство, как большинство мужчин, и даже не притворялся. Ему это нравилось. Он прекрасно проводил время, беспокоясь о стоимости приема, о том, надо ли сходить в церковь одолжить еще один стол для всё еще поступающих подарков, надо ли написать от имени Верены благодарственные записки.

Проходя мимо, я коснулась плеча отца, он потянулся и схватил меня за руку. Через секунду он мягко похлопал ее и позволил мне уйти.

Дил владел непримечательными тремя спальнями, тремя ванными в стиле ранчо в новейшем районе Бартли. Верена дала мне ключ. Все еще казалось странным найти запертую дверь в крохотном городе. Пока я была маленькой, никто ничего не запирали.

По дороге к дому Дила я увидела другую бездомную, это была белая женщина. У нее были седые волосы и цепкий взгляд. Она проехала мимо на древнем велосипеде, нагруженном всякими странными вещами, связанными нейлоновой веревкой.

Ранее вечером друзья моих родителей говорили о бандитской деятельности в средней школе Бартли. Банды! В Дельте Арканзаса! В унылом, провинциальном, захудалом Бартли.

Предполагаю, в каком-то уголке своего разума я ожидала, что Бартли останется неизменным потоками мира, сохранит свою безопасность и уверенность небольшого городка. Дом изменился. Я приезжаю сюда снова, но его характер постоянно меняется.

Мне уже осточертели проблемы и я сама. Пора вернуться к работе.

Я люблю начинать работу с обзора предстоящих дел. Свежевыкрашенный и устланный коврами дом Дила был довольно чист и незатейлив, но, как и у Осборнов, носил в себе следы недавнего запустения. Не одна Верена подверглась затянувшейся свадебной лихорадке.

Здесь у меня не было помощника, подсказывающего мне, где что лежит. Стало интересно, могла ли Анна быть столь же полезной помощницей, как Ева позавчера.

Это напомнило мне о цели моего предложения помочь с уборкой. Я обыскала комнату Анны на предмет школьного альбома, пока ничего не мешало. В поисках дневника я прибралась в комнате, в которой царил суший беспорядок. Я забросила грязную одежду в корзину, стопку бумаги для школы и давно забытые куклы положила в чистую коробку с пометкой «Куклы и одежда для кукол».

Школьный альбом я обнаружила под кроватью. Двадцать третьей страницы в нем не хватало.

Я присела на корточки, меня словно ударили в живот.

— Нет, — сказала я вслух, от меня не ускользнули нотки отчаяния в собственном голосе.

После нескольких минут обдумывания я закинула школьный альбом Анны в ящик маленького стола и продолжила уборку. Ничего поделывать я не могла.

Я столкнулась с тем фактом, что страница, с большой долей вероятности, была отправлена Рою Костимиглиа и перешла к Джеку из школьного альбома Анны. Но я осадилась себя: это не означает, что Анна была Саммер Дон Макклесби.

Книга в доме Дила повышала вероятность того, что кто-то помимо Мередит Осборн мог отправить страницу по почте Рою Костимиглии. По крайней мере, именно это я и думала. Но мне было жаль, что я нашла ее здесь, а не где-нибудь еще.

Если Анна была тем похищенным ребенком, то Дила могло рвать на части от желания

согласовать все с семьей Саммер и желания сохранить свою любимую дочь. Что, если его жена с неустойчивой психикой похитила ребенка Маклесби, а Дил сейчас узнал это? Он воспитывал Анну как родную в течение восьми лет.

И если первая жена Дила похитила Саммер Дон, то что же произошло с их биологическим ребенком?

Когда я поставила обувь Анны на полку в шкаф, то увидела знакомую синюю обложку, выглядывающую из-за пары резиновых ботинок. Я нахмурилась и присела на корточки, выживая ее оттуда. Я вытащила книгу и перевернула ее, чтобы прочитать надпись на обложке.

Это была другая копия памятного альбома.

Я открыла ее, очень надеясь, что Анна написала свое имя в ней. Его не было.

— Вот дерьмо, — выругалась я вслух. Когда я была подростком, у нас тоже были школьные альбомы или памятные книги, или как вам еще заблагорассудится их назвать, и первое, что мы делали, это вписывали в них свои имена.

Одна из этих книг должна принадлежать Анне. Вдруг основное предположение Джека было правильным, что человек, который отправил страницы из памятного альбома Рою Костимиглиа не полный сумасшедший, к тому же другая книга принадлежала либо Еве, либо Кристе, и кто-то очень близкий к одной из них прислал фотографию. Кто-то из их дома. Один из родителей.

Дил использовал третью спальню в качестве кабинета. В рамке висела фотография Дила, держащего ребенка, которым, как я предположила, была Анна. Снимок, очевидно, был сделан в палате. Но для меня все младенцы выглядели более или менее одинаково. Дил смотрел на младенца с такой любовью. Возможно, это была Анна, а возможно, это был другой ребенок. Малышку запеленали в одеяльце.

Я убирала, чистила и задавалась вопросами. Я приводила в порядок, чистила, пылесосила, полировала и мыла шваброй, и деятельность приводила меня в чувство. Но я ничего не решила.

Когда я вошла в комнату Анны еще раз, чтобы вернуть Барби, найденную в кухне, то посмотрела более внимательно на оформленную коллекцию снимков Анны. На одной из них была женщина, должно быть, первая жена Дила, мать Анны. Она была симпатичная, как Верена; и как у Верены у нее были каштановые волосы и голубые глаза. Кроме этого, ничем другим она не была похожа на мою сестру. Я смотрела на фотографию, пытаюсь прочесть женский характер в этом сходстве. Виделось ли что-то напряженное, что-то отчаянное, в том, как она сидела, стиснув руки с маленькой собачкой на коленях? Ее улыбка была напряженной, неискренней?

Я покачала головой. Ни за что не задумалась бы над фотографией, если бы не знала, что женщина в конечном счете покончила с собой. Много отчаяния и так хорошо скрыто. У Дила была сумасшедшая мать, и он женился на сумасшедшей женщине. Я испугалась, что он увидел что-то в глубине Верене, о чем мы не подозревали, какую-то внутреннюю слабость, которая привлекла его. Но Верена казалась нормальной и сильной, а у меня есть встроенный счетчик Гейгера на ненормальность в других.

Странно было видеть одежду Верены в половине шкафа Дила, ее фарфор. Она по-настоящему переехала в дом Дила. Сколько Верена потеряет, если Анна окажется не его дочерью, конечно, будет скандал, а все скандалы заканчиваются... освещением в СМИ, неудержимым и накрывающим с головой. Я вздрогнула, понимая, как это может повлиять на

жизнь.

Свадьба близко. Еще один день.

Очень неохотно я вернулась в кабинет Дила и открыла шкаф для хранения документов. Надела пару свежих резиновых перчаток и на мгновение застыла. Это показывает, насколько виноватой я себя чувствую.

Но это должно быть сделано.

Дил был аккуратным человеком, и я быстро нашла файл с простой пометкой «Анна, годик». На каждый год жизни свой документ, содержащий рисунки, фотографии и страницы с перечислением, что забавного она сделала или сказала. Файлы школьного возраста были забиты до отказа табелями и баллами за тесты.

Первый год Анны был самым важным. Файл содержал свидетельство о рождении Анны, справку ее прививок, детский альбом, и какие-то негативы в белом конверте с пометкой «Рождение ребенка». Почерк Дилу не принадлежал. Там не было вещи, удостоверявшей бы личность Анны. Ни группы крови, ни записи о приметах. В свидетельстве из больницы имелись следы Анны, сделанные черными чернилами. Надо спросить Джека, были ли у Маклесби подобные отпечатки. Если контур ноги Саммер Дон отличается от ноги Анны, это ведь что-нибудь да значит?

Тупик. Тупик.

И тут я вспомнила негативы с пометкой «Фотографии рождения». Где лежат альбомы с семейными фотографиями?

Я нашла их в шкафу в гостиной и благословила Дила за то, что он был таким организованным. Они были помечены по годам.

Я взяла папку с пометкой «Год рождения Анны». Там были фотографии: красный младенец в руках доктора, испачканных кровью и другими жидкостями, рот открыт в вопле; теперь ребенка держит радостный Дил в маске; круглая попка ребенка повернута к камере, по-видимому, его взяла медсестра. В углу было лицо, принадлежащее женщине на фотографии из комнаты Анны. Ее мать, Джуди.

И на попе ребенка была большая коричневая родинка.

Это доказательство, не так ли? Это бесспорно карточка из родильной палаты, это бесспорно ребенок, родившийся у Дила и его жены, Джуди. И этим ребенком с третьей фотографии, качаемым в руках женщины на фото из комнаты Анны, была абсолютно точно настоящая Анна Кинджери.

Восторг, что я нашла что-то определенное, помог мне преодолеть муки вины, когда я достала ключевую фотографию из альбома. Она легла в мой кошелек после того, как я вернула фотоальбом на его прежнее место.

Я закончила уборку, осмотрела дом, сочла его чистым. Убрала мусор в баки, убралась перед фасадом дома и на крыльце. Закончив, я вернулась в дом, чтобы убрать метлу.

Дил стоял в кухне.

У него в руках была груда почты, он перетасовывал ее. Когда метла ударила об пол, Дил резко поднял глаза.

— Привет, Лили, рад видеть тебя, — сказал он. Он улыбнулся мне, его мягкое и легко забывающееся лицо лучилось доброжелательностью. — Эй, я испугал тебя? Я думал, ты слышала, когда я заехал в гараж.

Он, должно быть, заехал с черного хода, пока я подметала у дома.

Все еще напряженная, я нагнулась за метлой, довольная тем, что моего лица не видно,

пока я не приду в себя.

— Видел Верену в центре, — сказал он, когда я выпрямилась и убрала метлу в шкаф. —

Я не могу поверить после всех этих ожиданий, что завтра день нашей свадьбы.

Я отжала тряпку и рассеянно и аккуратно повесила ее над раковиной.

— Лили, ты не повернешься, чтобы посмотреть на меня?

Я повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Лили, знаю, мы никогда не были близки, но у меня не было сестры, и я надеялся, что ты станешь ею.

Меня выбило из колеи. Эмоциональные просьбы не лучший способ заставить дружеские отношения появиться.

— Ты не знаешь, как тяжело это было для Верены.

Я подняла брови.

— Прошу прощения?

— Быть твоей сестрой.

Я сделала глубокий вдох. Затем махнула рукой, как бы говоря «Объясни?»

— Она убьет меня, если узнает, что я сказал это. — Он покачал головой от своей собственной смелости. — Она никогда не чувствовала себя красивой, как ты, умной, как ты.

Это теперь неважно. Это не имело значения уже практически десятилетие.

— Верена, — начала я, мой голос звучал зло, — взрослая женщина. Мы не подростки.

— Когда ты — младшая сестра, очевидно у тебя есть багаж, который ты всегда несешь с собой. Верена думает именно так. Она всегда чувствовала себя так, даже когда ты сбежала. С твоими родителями. С твоими учителями. С твоими друзьями.

Что это за дерьмо? Я холодно посмотрела на Дила.

— И когда тебя изнасиловали...

Он еще получит за то, что вот так просто произнес это слово.

— ... и все внимание было сосредоточено на тебе, то, что ты хотела от него избавиться, в какой-то мере принесло Верене... удовлетворение.

От чего почувствовала себя виноватой.

— И, конечно же, она стала чувствовать себя виноватой за некоторое возмездие в виде твоей боли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты, кажется, не рада быть здесь. На свадьбе. В городе. Кажется, ты не рада за свою сестру.

Мне была непонятна связь между этими явлениями. Я должна вилять хвостом от того, что Верена выходит замуж... потому что она чувствовала себя виноватой, когда меня изнасиловали? У меня не было открытой враждебности по отношению к Дилу Кинджери, поэтому я старалась не обращать внимания на его домыслы.

Я покачала головой. Никаких связей мне тут не видно.

— Поскольку Верена хочет выйти за тебя замуж, я рада за нее, — сказала я осторожно. Я не собиралась извиняться за то, кем я была и кем стала.

Дил посмотрел на меня. Он вздохнул.

— Ну, все пройдет хорошо настолько, насколько только сможет, я думаю, — сказал он с жесткой улыбкой.

Полагаю, да.

— А как насчет тебя? — спросила я. — Ты женился на одной сумасшедшей. Твоя мать

не совсем предсказуема. Я надеюсь, ты не видишь ничего подобного в Верене.

Он запрокинул голову и расхохотался.

— Если ты во что-то вцепишься, Лили, то не отпустишь, — сказал он, трясая головой. Он не считал это привлекательным. — Ты говоришь мало, но твои заявления не в бровь, а в глаз. Я думаю, твои родители хотели спросить меня об этом в течение последних двух лет.

Я ждала.

— Нет, — сказал он вполне серьезно. — Я не вижу ничего подобного в Верене. Не именно поэтому я встречаюсь с ней так долго. Поэтому наша связь навеки. Я должен быть уверен. Ради меня и особенно ради Анны. Я думаю, Верена — самая здоровая женщина которую я когда-либо встречал.

— Твоя жена когда-либо угрожала причинить Анне боль?

Он побледнел как лист. Никогда не видела, чтобы кто-то бледнел настолько быстро.

— Что? — пробормотал он.

— Перед тем, как она покончила с собой, она угрожала сделать Анне больно?

Я была коброй, а он — мышью.

— Что ты слышала? — выдохнул он.

— Просто предположение. Она пыталась причинить Анне боль?

— Пожалуйста, уходи, — выдавил он наконец. — Лили, пожалуйста, уходи.

С этим я справилась не очень хорошо. Какой мастерский допрос! По крайней мере, размышляла я, Дил и я были одинаково неприятны друг другу, хотя у меня могло бы быть преимущество, так как я говорила о чем — то новом, чем-то, что не стало обменной валютой сплетен в Бартли, судя по реакции Дила.

Готова поспорить, меня не пригласят поехать в отпуск с Дилом и Вереной.

Первая жена Дила вполне была способна, по крайней мере, по оценке Дила, нанести вред своему ребенку. И страница 23 отсутствовала в памятном альбоме, принадлежавшем Анне.

Я осознала смысл выражения «пасть духом». И попыталась утешить себя мыслью о родимом пятне Анны. По крайней мере, я узнала об одном обстоятельстве.

Когда я выехала с подъездной дорожки Дила, то поняла, что не хочу домой.

Я принялась бесцельно кружить, — в молодости это полагалось всем подросткам, — не зная, куда движусь, пока не припарковалась на городской площади.

Я вошла в мебельный магазин, колокольчик которого звякнул, когда дверь закрылась. Мэри Мод Пламмер печатала что-то на компьютере за высоким прилавком посреди магазина. Очки для чтения громоздились на кончике ее носа, на лице читались сосредоточенность и деловитость, ни тени улыбки.

— Я могу вам помочь? — спросила она, а затем оторвала глаза от монитора. — О, Лили! — радостно сказала она, ее выражение лица полностью изменилось.

— Пошли, прокатимся, — предложила я. — Я на машине.

— А мама разрешила тебе ее взять? — Мэри Мод захихикала. Она оглядела пустой магазин. — Может быть, смогу! Эмори, — прокричала она. Из теней позади главного зала появился Эмори Осборн, худой и бледный как призрак.

— Привет, мисс Бард, — сказал он, его голос был тонким.

— Эмори, можешь присмотреть за магазином, пока я на обеде? — просила Мэри Мод мягким и серьезным голосом, каким разговаривают с маленькими детьми. — Джерри и Сэм должны вернуться с минуты на минуту.

— Конечно, — сказал Эмори. Он выглядел так, как будто ветер унесет его прочь.

— Спасибо. — Мэри Мод схватила свою сумочку с полки под прилавком.

Когда мы отошли подальше, чтобы Эмори не мог нас услышать, Мэри Мод пробормотала:

— Он не должен был приходить сегодня. Но приехала его сестра, она хозяйничает дома, наверное, ему просто больше нечего было делать.

Мы вышли через парадную дверь, как две прогульщицы. Я заметила, как деловито и ухоженно Мэри Мод смотрелась в своем зимнем белом костюме, определенный и нежелательный контраст по сравнению с моим свитером.

— Наводила порядок в доме Дила, — внезапно созналась я. Не могла припомнить, когда в последний раз извинялась за одежду.

— Этим ты теперь зарабатываешь на жизнь? — спросила Мэри Мод, пристегнувшись.

— Да, — сказала я категорично.

— Детка, ты когда-нибудь думала, что я в конечном итоге буду продавать мебель, а ты — убираться.

Мы одновременно покачали головами.

— Держу пари, ты отлично справляешься с тем, чем занимаешься, — сказала Мэри, как ни в чем не бывало.

Я была удивлена и странно тронута.

— Держу пари, что ты продаешь много мебели, — предположила я, и была еще больше удивлена понять, что действительно имела это в виду.

— Вполне прилично, — ее голос звучал бесцеремонно. Она посмотрела на меня и ее лицо смягчилось в улыбке. — Знаешь, Лили, иногда я просто не могу поверить, что мы выросли!

У меня никогда не было с этим проблем.

— Иногда я не могу вспомнить, что когда-то была подростком, — сказала я.

— Но мы здесь, живы-здоровы, одинокие, но не без надежды, рядом семья и друзья, — сказал Мэри Мод почти нараспев.

Я подняла брови.

— Надо практиковаться подсчитывать положительное все время, — объяснила она, и я рассмеялась. — Видишь, это не больно.

Мы пообедали в фаст-фуде, украшенном мишурой, гирляндами и искусственным снегом. Санта Клаус-робот кивал и махал из пластмассовых салазок.

Некоторое время мы просто привыкали друг к другу. Говорили о людях, которых обе знали, где они сейчас, сколько раз они были женаты и на ком. Мэри Мод коснулась своего развода и ребенка, которого она потеряла. Мы не должны были говорить о моем прошлом, оно было слишком хорошо известно. Но Мэри задала мне несколько вопросов о Шекспире, о моей повседневной жизни, и к моему удовольствию, мне было легко ответить.

Она тоже спросила, встретила ли я кого-то особенного.

— Да, — сказала я, стараясь не смотреть вниз, на свои руки. — Мужчину из Литл-Рока. Джека Лидса.

— О, тот парень с хвостиком, который приходил на репетицию свадьбы?

— Да, — сказала я, даже не пытаясь на сей раз скрыть это. — Откуда ты знаешь? — И зачем спросила, знаю ведь, как в Бартли разносятся новости?

— Лу О'Ши заходила вчера. Они с Джессом покупали запасную кровать для Кристи на

Рождество.

— Они кажутся хорошей парой.

— Да, так и есть, — согласилась Мэри Мод, опуская картошку фри в кетчуп. Она расстелила бумажную салфетку, чтобы сохранить свой белый костюм в нетронutom состоянии. — Им приходится нелегко из-за Кристи с тех пор как появился Люк.

— Впервые слышу. Ты считаешь, что она теперь чувствует себя нелюбимой, когда появился малыш?

— Я предполагаю, они были откровенным с ней о том, что она приемная, и сообщили, что они полюбили ее, когда забрали. Возможно, она чувствует, что Люк действительно их, а она — нет.

Я сказала, что не знала, что О'Ши удочерили Кристу.

— Лу больше рассказывала, чем Джесс, — прокомментировала Мэри Мод. — Лу всегда больше рассказывала, чем ее муж, но я предполагаю, что у него было больше практики в хранении тайн, он же священник и все в этом духе.

Священники должны хранить множество секретов. Об этом я не подумала раньше. Я встала, чтобы взять еще чаю и еще одну салфетку для Мэри Мод.

— Лу рассказала мне о мужчине, с которым ты встречаешься, он выглядит ничего, — сказала Мэри Мод лукаво, возвращая разговор к самой интересной теме.

Мне бы и в голову никогда не пришло, что кто-то такой традиционный, как Лу О'Ши, сочтет его таким.

— Да.

— Он мил с тобой? — В голосе Мэри Мод звучала тоска.

Сегодня все хотели узнать о Джеке. Сперва Анна, теперь Мэри Мод. Свадьбы, должно быть, выбивают женщин из колеи.

— Мил, — я примерила определение на Джека, чтобы посмотреть, как оно соответствует ему. — Нет. Он не мил.

Брови Мэри Мод удивленно поползли вверх.

— Не мил! Что ж! Он богат?

— Нет, — ответила я без колебаний.

— Тогда почему ты встречаешься с ним? — Вдруг на ее щеках появился румянец, она выглядела одновременно восторженной и смущенной. — Он?

— Да, — сказала я ей, стараясь не подавать своих чувств.

— О, девочка, — сказала Мэри Мод, качая головой и хихикая.

— Эмори сейчас одинокий, — заметила я, пытаюсь повернуть разговор в сторону от меня в русло, которое может дать информацию.

Она не стала тратить время на демонстрацию отвращения.

— Никогда, даже через миллион лет, — сказала Мэри Мод мне, съев последнюю палочку картошки.

— Почему ты так уверена в этом?

— Кроме того факта, что это значит принять новорожденного ребенка, восьмилетнюю девочку и самого мужчину? Я никогда не встречала никого настолько же трудно читаемого как Эмори. Он вежлив на протяжении всего дня, никогда не сквернословит, он... да, он... милый. Старые леди просто обожают его. Но Эмори не простой человек, он не соответствует моим ожиданиям.

— О?

— Нет, вряд ли он гей, — сказала Мэри Мод торопливо. — Вот мы как-то наблюдали у магазина за парадом в честь праздника урожая в прошлом сентябре, все королевы красоты ехали на кабриолетах. Помнишь, мы тоже так ездили?

Я полностью забыла об этом. Поэтому парад в Шекспире так сильно задел мои чувства?

— А Эмори просто было не интересно. Представляешь? Можно сказать, когда человек ценит женщин. А он — нет. Он наслаждался платформами и оркестром. Ему нравятся девчушки, знаешь, конкурс маленькая мисс Пампкин Патч, он поделился со мной, что даже думал о том, чтобы отправить Еву туда, но его жене не понравилась идея. Но те девочки постарше в платьях с блестками и поддерживающими лифчиками говорят не в пользу Эмори. Нет, приходится оглядываться за пределами мебельного магазина, чтобы найти кого-то в настоящее время.

Я издала неопределенный звук.

— Теперь, помнишь, мы говорили о Лу и Джессе О’Ши. Они смотрели на парад наискосок от того угла, где я стояла, и уж поверь мне, дорогая! Джесс может наслаждаться взрослыми женщинами!

— Но он не...

— О, Боже, нет! Он предан Лу. Но он не слепой. — Мэри Мод посмотрела на часы. — Ох, детка! Я должна вернуться.

Мы бросили мусор в ведро и вышли, продолжая разговаривать. Точнее, Мэри Мод говорила, а я слушала, но я была на это согласна. Когда я высадила ее у мебельного магазина, то быстро обняла ее.

Мне некуда было пойти кроме дома родителей.

И попала я прямоком в еще один кризис. Обед пар в честь Верены и Дила, который был перенесен, по крайней мере, дважды, снова подвергся опасности. Няня ребенка, Криста, ее маленький брат Люк и Анна заразились гриппом.

Согласно Верене, которая сидела за кухонным столом с раскрытой крошечной телефонной книгой Бартли, она и Лу обзвонили всех знакомых няnek в Бартли, и все они были или жертвами гриппа или уже ушли на рождественскую вечеринку, которую устраивала методистская церковь.

Вот кризис так кризис, в котором у меня не было другой роли, кроме того, как сочувствующей. А еще нужно было решить несколько проблем, и я знала, что должна сделать.

У Джека передо мной должок за все мои старания.

Я похлопала Верену по плечу.

— Я займусь этим, — сказала я ей.

— Чем? — Она была на полпути от вспышки гнева нашей матери.

— Я займусь этим, — повторила я.

— Ты... будешь нянькой?

— Я и говорю. — Меня разозлил неприкрытый скептицизм в голосе сестры.

— Ты уже сидела с детьми?

— Тебе нужна няня или нет?

— Да, это было бы замечательно, но... ты уверена, что хочешь? Ты никогда не... я имею в виду, ты всегда говорила, что дети... не для тебя.

— Я могу.

— Хорошо! Это было бы просто отлично, — сказала Верена решительно, очевидно

понимая, что она не должна показывать сомнения, как бы себя не чувствовала.

Вообще-то я сидела с четырьмя детьми Алтосов однажды, когда Джей Алтос попал в автокатастрофу и Кэрол собиралась в больницу. Все бабушки и дедушки были за городом. Кэрол сходила с ума и была испуганной, паникующей матерью и женой к тому времени, когда я ответила на ее телефонный звонок.

Так я узнала, как поменять подгузники и искупать ребенка, а самый старший мальчик Алтосов показал мне, как подогреть бутылочку. Мэри Поппинс из меня не вышло, но все дети будут живыми, накормленными и чистыми к тому времени, когда родители вернутся домой.

Верена сообщила по телефону Лу О'Ши радостные новости.

— Она рада сделать это, — говорила Верена, все еще пытаясь не казаться пораженной. — Так во сколько Лили приезжать, что? К шести? Дети будут накормлены? О, хорошо. Будут Анна, Криста, твой малыш... о, действительно? О, черт возьми. Давай спрошу у нее.

Верена прикрыла рукой трубку. Она прилагала огромное усилие, чтобы выглядеть веселой и беззаботной.

— Лили, Лу говорит, что они согласились взять и детей Осборна. Тогда они думали, что Шелли будет со своим другом. — Шелли заболела гриппом.

Я сделала глубокий, очистительный вздох, как на уроках каратэ, прежде чем заговорить.

— Без проблем.

— Ты уверена?

Я ограничилась кивком.

— Она говорит, что это не проблема, — сказала Верена весело в телефон. — Верно, часа на три часа самое большее, даже на два, мы будем всего за несколько кварталов.

Похоже, Лу немного обеспокоена перспективой оставить меня присматривать за таким количеством детей.

В дверь позвонили, мама поторопилась в гостиную, чтобы открыть дверь. Я слышала, как она говорила:

— Здравствуйте, еще раз! — с каким-то дутым энтузиазмом, что предупредило меня. Конечно, она провела Джека в кухню с удовольствием, с гордостью, как будто она перехватила его, только он уже был готов уйти.

Я оказалась на ногах и пошла к нему, прежде чем даже поняла, что двигаюсь. Его руки скользнули мне на талию, он поцеловал меня, но осторожно, потому мои родители выглядывали из-за плеча.

— Ну-с, молодой человек, приятно видеть вас снова. Мы уж начали думать, что не увидим вас до того, как вы покинете город. — Мой отец был грубовато-радушным.

Джек был одет в сине-зеленую фланелевую рубашку и синие джинсы, его густые волосы была гладко зачесаны назад и собраны на затылке эластичной лентой. Я похлопала его по плечу и осторожно отошла в сторонку.

— Я видел мощную батарею подарков в гостиной, — сказал Джек моему отцу. — Похоже, что у вас свадьба. — Он улыбнулся, у его тонких губ появились обольстительные ямочки. Мать, отец и Верена рассмеялись, как и я очарованные его улыбкой.

— Откровенно говоря, — продолжил Джек, — я надеялся, что это будет уместно.

— Да, спасибо, — сказала Верена, удивленно принимая маленькую коробку, которую Джек вытащил из кармана своего жакета.

Когда я повернулась, чтобы посмотреть на подарок, который открывала Верена, рука Джека обхватила меня за талию и прижала мою спину к его груди. Я почувствовала, что уголки моего рта потянулись вверх, и опустила взгляд на свои руки, скрещенные на груди. Я сделала глубокий вдох, приложила усилие, чтобы сосредоточиться на коробке, которая была у Верены в руках.

Она приподняла крышку. Извлекла с подкладки старинный серебряный нож для пирога с прекрасной гравировкой. Когда Верена достала его, я увидела прикрепленный ярлычок «V K 1889».

— Он красивый, — Верена была восхищенная и слегка ошеломленная. — Однако где вы нашли его?

— Чистая удача, — сказал Джек. Слишком сильно прижимая мой зад. — Просто оказался в магазине старинных вещей, и он попался мне на глаза.

Я видела, как в голове моей матери закрутились колесики. Она думала, что это серьезный подарок. Такой подарок говорил, что Джек планировал встречаться со мной и дальше, так как он показывал сильное желание понравиться моей семье. Лицо моего отца озарилось (слишком неприкрыто), когда та же самая мысль дошла до него.

Я чувствовала, что наблюдаю за разворачивающимся племенным ритуалом.

— Я должна поставить его куда-нибудь на видное место, чтобы все его видели, — сказала Верена Джеку, явно желая донести, что она действительно очень рада.

— Я рад, что тебе нравится, — отозвался он.

Не успела я и глазом моргнуть, как Джека Лидса усадили за кухонный стол с бутербродом с сыром и миской супа, а Верена и моя мама принялись его обихаживать.

После того, как он поел, мама и Верена практически выгнали нас из кухни, не давая мне помочь с тарелками. Они были изумлены, когда Джек предложил помыть посуду и выставили его с глупыми улыбками, что к тому времени, когда я забралась в автомобиль Джека, мне раздирало между смехом и раздражением.

— Думаю, они одобряют меня, — сказал Джек с невозмутимым видом.

— Ну, ты дышишь.

Он рассмеялся, но резко остановился и посмотрел на меня с выражением лица, которое я не могла расшифровать. Он завел двигатель.

— Куда мы едем? Я должна быть в доме пастора к шести, — напомнила я ему. Мама и Верена немедленно сказали Джеку, что я добровольно предложила присмотреть за детьми.

— Мы должны поговорить, — сказал он. На пути в мотель мы молчали, Джек был мрачный и немногословный, а я тревожно понимала, что не на одной с ним волне.

Когда мы повернули за угол пресвитерианского дома пастора, я подумала о Кристе, Анне и Еве.

Внезапно вспомнилось, как я проводила ночи с другими девочками, когда была еще маленькой. Я вспомнила, как несла целый чемодан вещей для ночевки и чего-то еще, во мы могли бы поиграть, или посмотреть, или посплетничать.

Включая памятный альбом.

Глава 7

Джек сменил номер, потому что менеджер мотеля чинил разбитое окно в ванной там, где он раньше снимал.

Я уже была на грани, когда мы вошли. Джек сел на одно из покрытых винилом кресел.

Я, ошестинившись, села на краешек другого и стала осторожно за ним следить.

— Я видел тебя вчера вечером, — сказал он без обиняков.

— Где?

Он вздохнул.

— С твоим старым другом.

Я затаила дыхание, борясь со вспыхнувшей яростью. И схватилась за подлокотники черного оранжевого кресла.

— Ты вернулся в город пораньше и не позвонил мне. Специально, чтобы шпионить за мной?

Он напрягся на крохотном кресле, сжимая кулаки.

— Конечно, нет, Лили! Я скучал по тебе, сначала закончил дела, а потом ехал весь день, чтобы вернуться сюда. Затем увидел тебя в закуской с копом.

— Мы целовались, Джек?

— Нет.

— Мы держались за руки, Джек?

— Нет.

— Я влюбленно на него смотрела, Джек?

— Нет.

— Он выглядел счастливым, Джек?

— Нет. — Джек наклонил голову и потер лоб кончиками пальцев.

— Позволь мне рассказать о том, что случилось в последний раз, когда я пошла на свидание с Чендлером Макадо, Джек. — Я наклонилась так, чтобы он либо прямо смотрел мне в глаза, либо трусливо отвел взгляд. — Это случилось семь лет назад, в не самое лучшее время, когда я на пару месяцев вернулась в Бартли. Мы с Чендлером пошли в кино, а затем поехали к озеру, как любили это делать детьми.

Карие глаза Джека замерли, он внимательно слушал. Я знала это.

— И вот когда мы оказались в озере, Чендлер захотел поцеловать меня, а я хотела почувствовать себя снова настоящей женщиной, поэтому позволила ему. Я даже наслаждалась этим... немного. А затем поцелуи зашли дальше, он стянул мою футболку. Хочешь знать, что произошло дальше, Джек? Чендлер заплакал. Шрамы тогда были еще свежими, красными. Он заплакал, когда увидел мое тело. Тогда за семь лет я видела Чендлера последний раз.

Тяжелая тишина повисла в холодной комнате мотеля.

— Прости меня, — сказал Джек наконец. Он был абсолютно искренен, никакого намека на простую вежливость. — Прости меня.

— Джек, ты никогда не сомневался, что я от тебя что-то скрываю.

— Разве? — он выглядел разозлившимся и в то же время изумленным.

— Ты сделал Верене подарок даже не обсудив это вчера со мной. Ты знал все время, мы не... расходимся. — Я почти чуть не использовала фразу «расставались», но это казалось слишком ребяческим.

Внезапно лицо Джека застыло, как будто он совершил какое-то открытие.

Он посмотрел на меня.

— Как он мог плакать? — спросил меня Джек. — Ты такая красивая.

Я продолжала молчать, но по другой причине. Джек никогда не говорил ничего даже отдаленно похожего на это.

— Не жалею меня, — попросила я мягко.

— Лили, ты сказала, что я никогда не сомневался относительно тебя. Теперь я говорю, что жалость — последняя вещь, которую я испытываю к тебе.

Он прижимался к моей спине. Могу сказать, он не спал. У меня было в запасе еще часа полтора по моим подсчетам.

Мне не хотелось думать о Саммер Дон. Мне не хотелось думать о мертвецах, застилающих путь к ее возвращению.

Мне захотелось прикоснуться к Джеку. Хотелось запустить пальцы в его волосы. Хотелось понять его мысли.

Но он был человеком, выполняющим свою работу, ему больше всего на свете хотелось вернуть Саммер Дон ее родителям. Пока он обнимал меня и время от времени целовал в шею, его мысли были далеко от меня, и взгляд, должно быть, тоже.

Я неохотно начала рассказывать ему о находках: два памятных альбома, один полный и один без страницы в комнате Анны Кинджери; тот же альбом отсутствовал у Евы Осборн. Я рассказала ему, что Ева Осборн недавно была у врача, насчет Анны я уверена не была. Я рассказала ему о матери Анны... о женщине, которую мы считали матерью Анны. Вытащила пластмассовую расческу и фотографию с рождения Анны из кошелька и положила их у портфеля Джека.

Закончив рассказ, повернулась к нему лицом. Не знаю, что он увидел в моем лице, но он произнес шепотом:

— Черт побери, — и отвел взгляд.

— Ты что-нибудь нашел? — спросила я, чтобы убрать то выражение с его лица.

— Как я сказал, моя поездка в значительной степени провалилась, — сказал он мне, но расстроен этим он не был. Наверное из-за того, что частные детективы сталкиваются с большим количеством тупиков. — Но рано этим утром я прогулялся в полицейский участок, взял Чендлеру и парню по имени Роджер кофе с пончиками. Так как я раньше был полицейским, они хотели доказать, что полицейские заштатного городка тоже могут быть столь же проницательными, как городские копы, довольно предсказуемо.

Я убрала его волосы с лица и кивнула, показывая, что внимательно его слушаю. Я не хотела рассказывать, что они ничего не сказали бы, если бы Чендлер не проверил его и не поговорил со мной.

— Они сказали мне, что доктора и медсестру убили именно трубой, оставленной в переулке. Отпечатков Кристофера Симса на ней не было. Ржавую поверхность трубы вытерли. Кто бы ни пытался почистить ее, у него это не очень хорошо получилось. Он оставил один след, не соответствующий Симсу. Он все еще находится за решеткой за кражу сумок, но я не думаю, что его обвинят в убийстве в ближайшее время.

— Он сообщил что-нибудь дельное?

— Не совсем. Он сказал полиции, что в его новом доме, который, как я понимаю, означает переулок позади магазинов, у него было много посетителей. То местоположение в переулке близко к каждому отцу. Джес О'Ши навестил Симса в качестве священника, мебельный магазин, в котором работает Эмори, имеет выход в тот переулок, а аптека Кинджери находится через квартал.

— Я заметила это.

— Конечно, заметила, — сказал он и нагнулся, чтобы поцеловать меня. Мои руки обвили его шею, и поцелуй продлился дольше, чем он планировал. — Я снова хочу тебя, —

сказал он мне, его голос звучал низко и грубо.

— Я и это заметила. — Я мягко прижалась к нему. — Но завтра свадьба. Дай мне рассказать о сегодняшнем вечере. Я иду присматривать за детьми: Евой, малышом, Кристой, Люком и Анной в доме О'Ши, возможно я смогу изучить детей, или что-нибудь в том доме.

— А куда идут их родители?

— На ужин. Это мероприятие для пар, я рада не пойти из него.

— Кого они подобрали тебе в пару? — спросил Джек.

Впервые я поняла, что создала хозяйке некоторые проблемы.

— Не знаю, — призналась я. — Думаю, друга Дила, Берри Даффа.

— Он часто бывал с твоими родными?

— Нет, думаю, что он поехал прямо домой после репетиции обеда. Он вернется в город сегодня, если я правильно помню, остановится на ночь. Может даже в этом мотеле.

— Он восхищался тобой.

— Несомненно, я — девушка мечты каждого, — я была не в состоянии смягчить резкость.

— Он тебе понравился?

Что, черт побери, это было?

— Он довольно милый.

— Ты могла бы быть с ним, — его светло-карие глаза смотрели на меня. Он не моргал. — Он бы не втягивал тебя в подобные вещи.

— Хм-м-м, — выдала я глубокомысленно, — Берри — ужасно милый... и у него есть своя собственная ферма. Верена говорила мне, какой у него красивый дом. Он даже входит в экскурсию.

На секунду лицо Джека застыло как на фотографии. Затем он набросился на меня. Схватил за плечи и навалился сверху.

— Дразнишь меня, уборщица?

— О чем ты думаешь, детектив?

— Я думаю, что возьму тебя, где захочу, — он обрушил на меня свои губы.

— Джек, — попросила я чуть погодя, — Я должна сказать тебе кое-что.

— Что?

— Никогда не держи меня в подчинительной позиции.

Джек немедленно скатился прочь, подняв руки.

— Просто ты такая приятная, — сказал он. — И... иногда я думаю, не перегнул ли палку, и не сбежишь ли ты. — Он посмотрел в сторону, затем обратно на меня. — Что, черт возьми, это значит? — удивляясь сам себе, он покачал головой.

Я точно знала, что он имел в виду.

— Я должна вернуться домой, — сказала я. — Буду у О'Ши приблизительно в пять тридцать. — Я качнулась и села к нему спиной, вытаскивая свою одежду из кучи у кровати.

Спиной я почувствовала его поглаживание. Вздрыгнула.

— Что ты собираешься делать? — сказала я ему через плечо, когда нагнулась, чтобы достать лифчик.

— О, у меня есть идея или две, — небрежно бросил он и застегнул мне лифчик.

Джек собирался сделать что-то незаконное.

— Какие, например? — я натянула рубашку через голову.

— О... я мог бы заглянуть в кабинет врача сегодня вечером.

— Кто тебя впустил? Ты ведь не думаешь о взломе?

— Я думаю, что это не будет проблемой, — заверил он меня.

— Ты ведь знаешь, что все обнаруженное нельзя будет использовать в качестве реальных доказательств, — сказала я недоверчиво. — Я смотрела достаточно передач по телевизору, поэтому знаю.

— А ты можешь придумать другой способ узнать их группы крови?

— Группы крови? Ты вроде бы говорил, что у Саммер Дон не узнавали группу крови? И действительно ли ты уверен, что данные будут храниться в офисе доктора Лемея?

— Все три семьи ходили к нему.

— Но сколько детей сдавали кровь?

— Ты сказала, что у Евы брали кровь. Если я могу исключить по крайней мере одну из них, уже хорошо, — заспорил он. — Я понял, что у нее может быть одна из двух групп. По сути, это обсуждалось с Чендлером на твоём уроке по биологии в средней школе, он напомнил мне об этом.

— Какая группа крови может быть у Саммер Дон?

— У ее мамы — вторая, у отца — первая. Значит, у Саммер Дон будет либо первая, либо вторая. — Джек сверился со страницей отсканированного отчета.

— Таким образом, если у Анны и Евы третья или четвертая группа крови, то они не могут быть Саммер Дон. Это должна быть Криста.

— Верно.

— Я надеюсь, что это не Анна, — я немедленно пожалела, что произнесла это вслух на грани отчаяния.

— Я тоже надеюсь ради твоей сестры, — сказал Джек оживленно, и я еще больше пожалела, что заговорила. Он уловил мой страх, напоминая мне, что должен закончить свою работу. Я ненавидела напоминания. — Вот твой носок.

— Джек, а что если у них всех первая и вторая группа? — я взяла у него носок и натянула его. И уже принялась за обувь, прежде чем он ответил.

— Не знаю. Буду раздумывать, — сказал он без какой-либо надежды в голосе. — Возможно, так не пойдет. Я позвоню тете Бетти и посмотрю, есть ли у нее идеи. Я буду то приходить, то уходить, если понадобится. Что-то должно произойти сегодня вечером.

Прежде чем покинуть родительский дом и поехать к чете О'Ши, я позвонила в Шекспир, поговорить с моей подругой Керри Траш. Как я и предполагала, она все еще была на работе, проводив своего последнего пациента пару минут назад.

— Как дела?

— Прекрасно, — сказала она с удивлением в голосе. — Буду рада, когда закончится сезон гриппа.

— Дом в порядке? — Керри согласилась зайти несколько раз, удостовериться, что почтальон не приносит мне почту. Вряд ли это обременительная работа — она встречалась с Клодом Фридрихом, жившим по соседству. Я бы попросила и Клода, если бы он все еще не хромал из-за травмы ноги.

— Лили, твой дом в порядке, — сказала Керри с благодушным терпением. — Как поживаешь?

— Хорошо, — ответила я неохотно.

— Что ж, будем рады, когда ты вернешься домой. О, ты захочешь это знать! Старый мистер Уинтроп вчера умер у себя дома. У него был серьезный сердечный приступ за

обеденным столом. Арнита сказала, что он внезапно упал в батат. Она позвонила в девять-один-один, но было слишком поздно.

Я считала, что вся семья Уинтропов, должно быть, вздохнула с облегчением оттого, что старый тиран умер, но произнести это было бы неприлично.

— Семья через многое прошла в этом году, — прокомментировала Керри, несколько не испуганная моим отсутствием ответа.

— Я видела Бобо перед отъездом.

— Его джип проехал мимо твоего дома дважды вчера вечером.

— Хм-м-м.

— У него большой запал.

Я откашлялась.

— Что ж, он встретит девочку своего возраста, которая не погонится за тем, что он — Уинтроп. Ему всего девятнадцать лет.

— Верно. — Керри казалась удивленной. — Кроме того, у тебя есть свой собственный член. — Так Керри называла Джека. Она думала, что это забавно. Вот и сейчас она определенно улыбалась на другом конце линии. — Как твоя семья?

— Эта свадьба сводит всех с ума.

— Кстати о Джеке, ты с ним созванивалась?

— Он, э-э-э, здесь.

— Здесь? В Бартли? — Керри была поражена и впечатлена.

— По работе, — сказала я поспешно. — У него тут работа.

— Ну да. Как случайно!

— Правда, — сказала я предостерегающе. — Он работает.

— Так ты его еще не видела.

— О, ну... я вижусь с ним временами.

— Он заходил в дом?

— Да. Заходил.

— Встретился с твоими родителями.

— Ну да, встретился.

— Ла-адно, — протянула она, как будто подтвердила свою догадку. — Он возвращается с тобой в Шекспир?

— Да.

— На Рождество?

— Да.

— Так держать, Лили!

— Посмотрим, — заявила я скептически. — А ты? Ты будешь там?

— Да, я занимаюсь готовкой, а Клод приедет ко мне. Я собиралась поехать к родным, несмотря на то, что поездка долгая, но когда узнала, что Клод остается один, то сказала им, что увидимся весной.

— Быстро движешься.

— Ничто не остановит нас, верно? Ему сорок, мне — за тридцать.

Я сказала:

— Нет смысла медлить.

— Чертовски верно! — голос Кэрри стал приглушенным, когда она сказала медсестре позвать кого-то и передать результаты тестов. Потом ее голос стал более ясным. — Так

когда ты возвращаешься домой?

— После свадьбы, — я была тверда. — Я не смогу выдержать еще несколько минут.

Она рассмеялась:

— Тогда увидимся, Лили.

— Хорошо. Спасибо, что приглядываешь за моим домом.

— Нет проблем.

Мы попрощались и повесили трубки, обе раздумывая о своем.

Как по мне, отношения Керри с шефом полиции Клодом Фридрихом процветали. Я надеялась, что они продлятся. Мне нравились они оба в течение многих месяцев, прежде чем они наконец обратили внимание друг на друга.

Я задумалась, что Бобо чувствовал относительно смерти его бабушки. Уверена, он чувствовал горе, смешанное с облегчением. Теперь у Бобо и его родителей на какое-то время воцарится мир. Может они повторно наймут меня.

Я заставила себя вернуться в настоящее. Подходило время сидеть с детьми. Я буду в доме О'Ши; смогу поискать, как в доме Кинджери и Осборна. Я посмотрела в зеркало в ванной, расчесала волосы и припудрила лицо, только сейчас заметив, какой несчастной я выглядела.

Я не могла себе помочь.

В своей комнате я надела рождественский тренировочный костюм, тот, который надевала на парад. Решила, что благодаря яркому цвету покажусь детям дружелюбнее. Я съела миску оставшегося фруктового салата, все, что нашла в холодильнике, ведь все остальные в доме ушли на ужин.

Друг Дила Берри Дафф позвонил в дверь, когда я мыла посуду, и я впустила его. Он улыбнулся мне.

— Выглядишь оживленной, — отметил он.

— Я буду сидеть с детьми.

Его лицо вытянулось.

— О, я надеялся поговорить с тобой на ужине.

— Очередная чрезвычайная ситуация. Няня заболела гриппом, а они не смогли найти другую.

— Надеюсь, все пройдет гладко, — с сомнением пожелал Берри. — У меня есть дети, то еще наказание на вечер.

— Сколько им? — спросила я вежливо.

— Одному девять, второй — в десятом классе... ну... Дэниелу сейчас пятнадцать. Они хорошие дети. Я редко вижу с ними.

Я вспомнила, что детей забрала жена.

— Они живут рядом, чтобы ты регулярно с ними виделся?

— В любые выходные, — он выглядел грустным и сердитым. — Ничего хорошего в том, чтобы быть далеко и не видеть, как они растут каждый день. — Он сел на один из кухонных стульев, а я вернулась к раковине, чтобы закончить вытирать тарелки.

— Но ты знаешь, где они, — заметила я, даже удивляясь себе. — Ты знаешь, что они в безопасности. Ты можешь поднять трубку и позвонить им.

Берри уставился на меня в понятном удивлении.

— Это правда, — медленно проговорил он, понимая это. — Уверен, могло быть и хуже. Ты о том, что моя жена сбежала бы с ними, ушла в подполье, как делают некоторые супруги,

чтобы уберечь детей от другого родителя? Это было бы ужасно. Тогда я просто сошел бы с ума. — Берри обдумал это. — Я сделал бы что угодно, лишь бы вернуть их, — закончил он. Он посмотрел на меня. — Боже мой, малышка, как мы только коснулись этой угнетающей темы? Это, как предполагается, счастливый дом! Завтра свадьба!

— Да, завтра свадьба. — Я должна быть решительной. Такую проблему не решишь с наскока. Я озадачила Берри, похлопала его по плечу, прежде чем надела пальто и попрощалась с родителями.

Я размышляла над тем, что забыла сказать Джеку что-то маленькое, но важное. Но у меня не получалось заставить эту мысль всплыть на поверхность сознания.

В пресвитерианском доме О'Ши пространства хватало с лихвой, ведь простроен он был в расчете на пастора, отца пятерых детей. Правда, произошло это в 1938. Сейчас дом пастора представлял собой долговую яму и нуждался в полной замене проводки, как сказала мне Лу спустя пять минут после моего прихода. Я могла лишь согласиться с ее нареканиями, потому что длинная и узкая планировка жилой площади создавала определенные трудности в ее обстановке мебелью, и это только цветочки. Хотя здесь был камин, украшенный к Рождеству, забитый дымоход нуждался в серьезной починке.

Жена проповедника была одета в серовато-зеленый костюм и черные замшевые лодочки. Ее темные волосы были аккуратно убраны в прическу паж, широкий нос аккуратно скрыт косметикой. Лу очевидно изнывала от нетерпения покинуть дом без детей, но так же было ясно, что ее немного волновало оставление их на мое попечение. Она прилагала все усилия, чтобы не показать беспокойство, но в третий раз, когда она указала на список экстренных номеров прямо в телефоне, очень резкий ответ балансировал на кончике моего языка, готовый сорваться в любой момент.

Вместо этого я, разумеется, сделала очистительный вдох и кивнула. Возможно, я мрачно поджала губы, потому что Лу дважды показала на номера и многократно извинилась. Пытаясь заставить себя перестать, она нагнулась, чтобы включить рождественскую елку, занявшую почти четверть комнаты.

Гирлянда замигала.

Я стиснула зубы, пытаясь сдержаться от высказываний, которые Лу несомненно сочла бы недопустимыми.

Дом пастора, как и любой другой, шел на поводу у торговых корпораций, украшенный к празднику длинными пластмассовыми леденцами по обе стороны от неработающего очага, где обычно стояли принадлежности для растопки. Серебряная гирлянда висела на углах каминной доски, Лу навешала туда сосулек.

Напротив очага было центральное окно, перед которым стояло дерево. Однако под деревом вместо подарков располагался вертеп: деревянная конюшня с пастухами, Иосифом, Марией, верблюдами, коровами и младенцем Иисусом в яслях.

В комнату шагнул красивый Джесс, одетый в темный костюм, оживляемый необычным рождественским жилетом. Он нес ребенка Мередит Осборн, Джейн, и та не была этому рада.

Настало время подтвердить свою значимость. Я мысленно подтолкнула себя, чтобы протянуть руки, и он положил вопящую Джейн в них.

— Ей нужно дать бутылочку? — прокричала я.

— Нет, — проревел Джесс, — я уже покормил ее.

Затем ей нужно срыгнуть. После еды идет срыгивание, потом смена подгузника, потом сон. Это я знала о младенцах. Я прислонила к плечу Джейн и правой рукой мягко похлопала

ее. Маленькое красное личико... она была такой крошечной. Тут и там на гладкой головке у Джейн были светловолосые пучки. Она гневно зажмурилась, но как только я придала ей вертикальное положение, кричать стала меньше. Маленькие глазки открылись и туманно посмотрели на меня.

— Привет, — сказала я, чувствуя, что должна поговорить с ней.

В комнате собирались остальные дети. Маленький брат Кристи Люк был толстым бутузом, похожим на цементный блок, столь же квадратным и тяжелым, что топал, а не шел. Он был темноволосым, как Лу, но у него будет тяжелая челюсть и внешность своего отца.

Самая удивительная отрывка вырвалась из ребенка. Ее тело расслабилось на моем плече, которое внезапно стало сырым.

— О, милая, — сказала Лу. — О, Лили...

— Нужно было расстелить подгузник на плече. — Совет Джесса немного опоздал.

Я посмотрела непосредственно в глаза ребенку, и она издала один из коротких детских звуков. Ее крошечные ручки цеплялись за воздух.

— Я подержу ее, пока вы моетесь, — добровольно вызвалась Ева, в то время как Криста сказала:

— Фу-у-у! Посмотри на белую гадость на плече мисс Лили!

— Садись в кресло, — попросила я Еву.

Ева устроилась на самом близком кресле, скрестив ноги. Я посадила сестру Евы на колени и проверила, что Ева держит ребенка правильно. Она держала правильно.

Сопровождаемая стадом детей, я пошла в ванную, вытащила мочалку из бельевого шкафа и намочила ее, чтобы стереть худшую из жидкостей с плеча. Не хотелось дышать этим запахом всю ночь. Криста непрерывно комментировала, Анна разрывалась между тем, чтобы посочувствовать будущей тете и осыпать грубостями ребенка, как Криста. Люк просто смотрел, держась за левое ухо левой рукой и хватая волосы на макушке правой, так он смахивал на человека, получающего сигналы с другой планеты.

Я поняла, что Люк, вероятно, тоже все еще носил подгузники.

О'Ши выкрикнули прощание, сбегая из полного дома детей, а я бросила губку в грязную корзину с одеждой и поглядела на часы. Пришло время переодеть Джейн.

Я посадила Люка в дальнем конце гостиной перед телевизором смотреть рождественский мультфильм и общаться с Марсом. Он принял решение сидеть рядом с рождественской елкой. Мигание, казалось, ему не мешало.

Девочки проследовали за мной в комнату ребенка. Ева молчала, потому что ребенок был ее сестрой, Криста надеялась увидеть каки и прокомментировать их, а Анна все еще выжидала, откуда дует ветер.

Схватив свежий подгузник, я положила ребенка на пеленальный стол и воспроизвела трудоемкий и сложный процесс расстегивания старого со спящей Джейн. Мысленно вспоминая, как переодевала ребенка Алтаусов, я расстегнула заклепки на старом подгузнике, подняла ножки Джейн, убрала грязный подгузник, вытащила салфетку из коробки со столика, вытерла Джейн и надела новый. Я закрепила переднюю часть между ее крошечными ножками, потянула липучки и закрыла их, и снова положила ребенка в кроватку, всего раз ошибившись.

Три девочки решили, что это скучно. Я проследила, как они строем направились в в комнату Кристи. Внешне они были похожи, и все же так отличались. Всем было по восемь лет, плюс-минус несколько месяцев; все были практически одного роста с разницей в пару

дьюймов; у них были каштановые волосы и карие глаза. Но волосы Евы были длиннее и выглядели, как будто на ней опробовали щипцы для завивки, она была худой и бледной. Криста была угловатой с кожей посмуглее, у нее были короткие, густые, более темные волосы и более решительное поведение. Челюсть выдавалась вперед, как будто она выпячивала подбородок. У Анны были светло-каштановые волосы до плеч, среднее телосложение и улыбка наготове.

Одна из этих трех девочек не являлась тем, кем себя считала. Ее родители не были ей родителями. И дом был не ее; она принадлежала другому месту. Она не была самым старшим ребенком в семье, наоборот. Все в ее жизни было ложью.

Я задумалась, чем занимается Джек. Я надеялась, что бы он ни делал, он не попадетя.

Я отнесла ребенка в гостиную. Люк все еще был поглощен телевизором, но полуобернулся, когда я вошла, и попросил у меня поесть.

С повышенным вниманием, как и полагается при наблюдении за детьми, я поместила Джейн в ее детское кресло, закрепила ремень и застегнула застёжки, чтобы не дать ей упасть, и взяла из кавардака на кухне банан для Люка.

— Я хочу чипсы. Мне не нравятся бананы.

Я мягко выдохнула.

— Если ты съешь банан, то я принесу тебе чуть-чуть чипсов, — сказала я так дипломатично, как только могла. — После ужина. Я накрою на стол всего через минуту.

— Мисс Лили! — прокричала Ева. — Идите, посмотрите на нас!

Игнорируя продолжающиеся жалобы Люка на бананы, я отправилась из зала в комнату Кристи, судя по табличкам на двери, требовавшим, чтобы Люк не заходил.

Невозможно сотворить то, что девочки сделали с собой за такое короткое время. И Криста, и Анна измазались косметикой и нарядились в тюлевые юбки, украшенные шляпы и высокие каблуки. Ева сидела на кровати Кристи и выглядела скромнее, а косметики на ней не было.

Я посмотрела на аляповатые лица Кристи и Анны и ужаснулась, прежде чем поняла: раз все это было в комнате Кристи, значит, ей разрешалось.

— Вы выглядите очаровательно... — сказала я, понятия не имея, какой тут ответ приемлемый.

— Я — самая красивая! — настойчиво произнесла Криста.

Если основанием для выбора была тяжелая косметика, с Кристой не поспоришь.

— Почему вы не краситесь, мисс Лили? — спросила Ева.

Девочки столпились около меня, изучая мое лицо.

— У нее есть тушь, — решила Анна.

— Что-то красное? Помада? — Криста всматривалась в мои щеки.

— Тени для век, — торжествующе сказала Ева.

— Больше не всегда лучше, — мое замечание осталось без внимания.

— Если бы вы больше красились, то стали бы красивее, тетя Лили, — сказала Анна удивленно.

— Спасибо, Анна. Я лучше пойду, посмотрю, как ребенок.

Люк расстегнул спящего ребенка и вытянул ее крошечные ножки. Он склонился над ней с острыми маникюрными ножницами.

— Люк, что ты делаешь? — выдавила я.

— Собираюсь помочь вам, — сказал он радостно. — Подстричь ногти Джейн.

Я вздрогнула.

— Я ценю твое желание помочь. Но ты должен подождать папу Джейн, чтобы тот сказал, надо ей подстригать ногти или нет. — Мне это показалось достаточно дипломатичным.

Люк был настроен категорично: длинные ногти Джейн представляют угрозу ее жизни и должны быть обрезаны немедленно.

Меня этот ребенок начинал раздражать.

— Послушай, — сказала я спокойно, резко наклоняясь к нему.

Люк закрыл ножницы. Он выглядел испуганным.

Неплохо.

— Не трогай ребенка, если я не прошу тебя об этом, — я-то решила, что тон был ровным, но Люк понял его по-своему. Он опустил ножницы. Я взяла их и для собственного спокойствия запихнула в карман штанов, откуда он не мог достать их.

Я забрала Джейн с детским креслом с собой в кухню, чтобы приготовить еду. Лу оставила консервированную пасту, которой я не стала бы кормить свою собаку, будь она у меня. Я разогрела ее, пытаясь не дышать, разложила еду в миски, затем порезала желе и разложила его по тарелкам, добавив кусочки яблока, которые уже приготовила Лу. Затем налила молока.

Дети вбежали и стремглав расселись по стульям за минуту, когда я позвала их, даже Люк. Без указаний они все склонили головы и произнесли в унисон молитву: «Спасибо, Боже». На полпути к холодильнику меня застали врасплох.

Следующие пятьдесят минут были... пыткой.

Я понимаю, что ближе к рождественским праздникам дети входят в азарт. Я понимаю, что дети в группах более возбудимы, чем дети по отдельности. Я слышала, что наличие няньки вместо родительского наблюдения позволяет детям расширять свои рамки, или скорее рамки их няньки. Но я должна была сделать несколько глубоких вдохов, когда дети принялись сеять разрушение во время ужина. Я уселась на табурет, Джейн сидела рядом за столом. Она, по крайней мере, спала. Спящего ребенка можно считать прекрасным.

Когда я вытерла выплеснутый томатный соус, положила нарезанные яблоки в миску Люка, помешала Кристе ткнуть Анну ложкой, я постепенно узнала, что Ева была тише других. Она прикладывала видимое усилие, чтобы участвовать в веселье.

Конечно, ее мать только что умерла.

Я не спускала осторожного взгляда с Евы.

Не имея возможности разведки, я надеялась лишь пережить этот вечер. Я думала, что улучу момент поискать семейные записи. Это было настолько невозможно, что мне пришлось в голову, что я уеду такой же неосведомленной, как и приехала.

Криста позаботилась о проблеме за меня.

Потянувшись за крекерами, которые я поставила в центре стола, она уронила свой стакан с молоком, каскадом пролившийся со стола на колени Анне. Анна завопила, назвала Кристу рукожопом и бросила на меня испуганный взгляд. Это слово не было одобрено в семье Кинджери, и так как я была почти ее тетей, я послала Анне обязательный строгий взгляд.

— У тебя здесь есть штаны, в которые можно переодеться? — спросила я.

— Да, мэм, — сказала Анна подавлено.

— Криста, ты вытрешь молоко этим полотенцем, пока я отведу Анну переодеться. Надо

постирать штаны в машинке.

Я забрала ребенка с креслом и отнесла ее с собой в зал, пытаясь не трясти ее. Анна бежала впереди меня, желая переодеться и вернуться к друзьям.

Похоже, Анне неудобно было переодеваться в моем присутствии, но мы немного поладили тем утром, и она не хотела задевать мое самолюбие, прося меня выйти. Бог знает, как я ненавидела вторгаться в частную жизнь, но я должна была сделать это. Найдя безопасное место для Джейн, я оглядела комнату, в то время как Анна развязала свою обувь и снимала носки, штаны и колготки. Я стояла к ней спиной, но лицом к зеркалу, поэтому, когда она сняла колготки, стоя спиной ко мне, я смогла ясно увидеть темно-коричневую родинку на ее бедре.

Я даже прислонилась к стене. Меня накрыло волной облегчения. Родинка Анны подразумевала, что Анна была ребенком на фотографии с матерью и Дилом, их родным ребенком, а не Саммер Дон Макклесби.

Хоть что-то меня утешило.

Я взяла влажную одежду и повела переодевшуюся Анну закончить ужин.

Я собиралась забрать Джейн, когда вошла Ева. Она держала руки за спиной, опустив глаза на свою обувь. Что-то в этой позе заставило меня сильно разволноваться.

— Мисс Лили, помните тот день, когда вы приехали в наш дом для уборки? — спросила она, как будто прошли недели с того дня.

Я застыла как вкопанная. Вот я открываю ту коробку с полки...

— Подожди. Я хочу поговорить с тобой. Подожди одну минутку.

Ближайший телефон, по которому можно вести приватный разговор, находился в спальне напротив.

Я нашла в телефонной книге номер мотеля Джека. Пожалуйста, пусть он будет там, пожалуйста, пусть он будет там...

Мистер Патель соединил меня с комнатой Джека. Джек ответил на втором гудке.

— Джек, открой свой портфель.

На другом конце послышался шум.

— Так, сделал.

— Фотография ребенка.

— Саммер Дон? Та, которая была в газете?

— Да, та. Во что она одета?

— В костюмчик.

— Джек, как он выглядит?

— Э, длинные руки и ноги, кнопки...

— Какой рисунок?

— О. Похоже на каких-то зверят.

Я сделала глубокий-преглубокий вдох.

— Джек, на каких зверят?

— На жирафов, — произнес он после недоуменной заминки.

— О, Боже, — я едва расслышала саму себя.

Ева вошла в спальню. Она забрала ребенка и принесла с собой. Я смотрела на ее белос лицо, будучи уверенной, что и сама выдаю себя с головой.

— Мисс Лили, — ее голос был мягким и немного печальным. — Мой папа у двери. Он приехал, чтобы забрать нас.

— Он здесь, — сказала я в телефон и повесила трубку.

Я встала на колени перед Евой.

— Что ты собиралась сказать мне? Я была неправа, когда ушла, чтобы позвонить, когда ты хотела поговорить со мной. Скажите мне сейчас.

От моего напора она занервничала, я видела, но обратно слова не заберешь. По крайней мере, она знала, что я относилась к ней серьезно.

— Он уже здесь... я должна пойти домой.

— Нет, ты должна мне сказать, — я настаивала со всей мягкостью, но непреклонно.

— Вы — сильная, — медленно проговорила она. Она не смотрела мне в глаза. — Мой папа сказал, что мама была слабой. Но вы — нет.

— Я — сильная. — Я сказала это с такой уверенностью, как будто могла упаковать это заявление.

— Вы можете... вы можете сказать ему, что мы с Джейн должны провести ночь здесь, как и планировалось? Чтобы он не забирал нас домой?

Она намеревалась сказать мне что-то еще.

Я задалась вопросом, сколько у меня времени, прежде чем Эмори придет, чтобы узнать, что нас задержало.

— Почему ты не хочешь идти домой? — спросила я, как будто у нас было все время мира.

— Может, если ему на самом деле нужно, чтобы я пошла с ним, то Джейн останется здесь с вами? — внезапно у нее на глазах задрожали слезы. — Она такая маленькая.

— Он ее не получит.

Ева выглядела почти успокоенной.

— Ты не хочешь идти.

— Пожалуйста, нет, — прошептала она.

— Тогда он и тебя не получит.

Сообщить отцу, что ему дадут забрать своих детей, не так-то просто. Я надеялась, что Джек обнаружил зацепку, или Эмори сделает одно неверное движение.

Он сделает это. Его нужно спровоцировать.

Хватит сдерживаться.

— Остайся здесь, — сказала я Еве. — Может быть страшно, но я не позволю никому забрать тебя и Джейн из этого дома.

Ева вдруг испугалась того, что она развязала, подсознательно понимая, что монстр уже вылез из шкафа и ничто не заставит его вернуться туда. Она взяла свою жизнь и жизнь своей сестры в собственные руки в возрасте зрелых восьми лет. Я уверена, она хотела забрать свои слова обратно и не обращаться ни к кому.

— Теперь ты не одна. Все пройдет.

Она выглядела успокоенной, а затем сделала то, отчего я вздрогнула: взяла ребенка в переноске и поставила в угол спальни, задвинула за стул с высокой спинкой, и сама присела рядом.

— Накиньте халат преподобного О'Ши на стул, — предложил тоненький голос. — Может быть, он не найдет нас.

Я почувствовала, что мое тело как будто сжимается. Я взяла синий велюровый халат, который Джесс оставил поперек кровати, и накинула его на спинку стула.

— Вернусь через минуту, — сказала я и спустилась в гостиную, все еще держа

испачканную одежду Анны в руке. Проходя мимо шкафа, закинула ее. Я изо всех сил старалась держать их вещи в порядке. Дети были на моем попечении.

Эмори стоял у парадной двери. Он был одет в джинсы и короткий жакет. Перчатки он снял и запихнул в карман. Его светлые волосы были гладко причесаны, он явно только что побрился. Это было похоже на... я засмушалась признаться самой себе.

Было похоже, что он подготовился к свиданию.

Его бесхитростные голубые глаза встретились с моими без колебания. Люк, Анна и Криста играли в видеоигру в другом конце комнаты.

— Привет, мисс Бард. — Он выглядел немного озадаченным. — Я отослал Еву передать вам, что девочки должны провести ночь дома, в конце концов. Я слишком много возложил на О'Ши.

Я подошла к телевизору. Мне пришлось выключить экран, чтобы дети посмотрели на меня. Криста и Люк были удивлены и злы, хотя были слишком хорошо воспитаны, чтобы что-нибудь сказать. Но Анна каким-то образом поняла, что здесь что-то не так. Она уставилась на меня, ее глаза были круглыми, как плоски, но она не задавала никаких вопросов.

— Вы трое идите и поиграйте в комнате Кристи, — сказала я. Люк открыл рот, чтобы возразить, но лишь посмотрел на меня и вприпрыжку помчался в комнату своей сестры. Криста кинула на меня бунтарский выразительный взгляд, но когда Анна, оглядываясь, последовала за Люком, тоже ушла.

Эмори придвинулся поближе к коридору, ведущему в спальню. Он облокотился на каминную доску и снял свой жакет. Он мягко улыбался детям, когда они проходили мимо него. Я тоже придвинулась.

— Девочки хотят остаться здесь сегодня вечером.

Уголки губ дернулись в улыбке.

— Я могу забирать своих детей, когда хочу, мисс Бард. Я думал, мы с сестрой потратим больше времени на планирование панихиды, но она должна вернуться домой в Литл-Рок сегодня вечером, поэтому я хочу, чтобы мои девочки пришли домой.

— Девочки собираются остаться здесь.

— Ева! — внезапно проревел он. — Иди сюда немедленно!

Я слышала, что дети в комнате Кристи затихли.

— Оставайтесь на месте! — прокричала я, надеясь, что все без разбора поняли, что я имела в виду.

— Как вы можете говорить мне, что я не могу забрать своих детей? — Эмори чуть не плакал, разозленным он не выглядел, но было что-то в том, как он стоял, как держался, и меня это насторожило.

Правда или вызов.

— Да запросто, Эмори. Я знаю о тебе.

Что-то страшное мелькнуло в его выражении лица всего на мгновение.

— О чем, черт побери, ты говоришь? — сказал он, разрешая себе показать разумный гнев и отвращение. — Я приехал за моими малышками! Ты не можешь держать моих девочек, если я хочу их!

— Зависит от того, что ты хочешь от них, сукин ты сын.

Это стало последней каплей Эмори.

Он бросился на меня. Схватил пластиковую сосульку из гирлянды на каминной полке

О’Ши, и, если бы я не поймала его за запястье, она вонзилась бы в мою шею. Я потеряла равновесие, пока удерживала ее у горла, и мы покатались. Когда мы с Эмори упали на пол с глухим стуком, я слышала, как завопили дети, но это казалось далеким и неважным сейчас. Я упала на бок, моя правая рука оказалась в ловушке.

Эмори был мелким и выглядел хилым, но оказался сильнее, чем я ожидала. Я схватила его предплечье левой рукой, отодвигая твердую пластмассу от шеи, зная, что, если он преуспеет в этом, то я погибну. Он другой рукой сжал мою шею, я слышала собственные хрипы.

Я вывернула плечо в отчаянной попытке выпростать правую руку из-под тела. Наконец, получилось, я нашарила в кармане маникюрные ножницы и воткнула их в бок Эмори.

Он взвыл и отпрянул в сторону, ножницы упали. Но теперь обе мои руки были свободны. Я заломила ему правую руку назад, потянув к себе, и мы снова покатались, но я была сверху, а его левая рука все еще врезалась мне в горло. Я заломила ему правую руку назад и вниз, однако возможности уложить его на землю и сломать руку не было. Я боролась за то, чтобы оседлать его, и, наконец, мне это удалось. Теперь я видела серые пятна вместо мебели гостиной. Я изо всех сил сдавила его коленями. Это выбило воздух из Эмори, он попытался вдохнуть, но я думала, он выпустит меня. Я поднялась и обрушилась на него снова, но как змея, он воспользовался этим, чтобы откатиться в сторону, и поскольку я держала правую руку, я тоже покатила с ним. Так мы оказались под елкой, крошечные разноцветные лампочки над нами мигали.

Я видела раздражающие меня огоньки сквозь серую пелену.

Я резко отпустила руки Эмори и схватил петлю гирлянды с ветвей дерева. Я накинула ее на шею Эмори, но я не смогла как следует затянуть. Он ткнул наконечником пластмассовой сосульки мне в горло.

Пластмассовый наконечник был тупее ножа, а я — мускулистой, поэтому она не сумела меня ранить, когда ряд мигающих огоньков затянулся на шее Эмори.

Он убрал руку с моего горла, чтобы отодрать гирлянду — его главная ошибка, так как я была на грани того, чтобы потерять сознание. Я смогла повернуть голову в сторону, чтобы минимизировать давление сосульки. У меня почти получилось, но Эмори схватил ясли из вертепа и опустил их мне на голову.

Я отключилась всего на минуту, но в ту минуту комната опустела, дом стал тихим. Я встала на колени и облокотилась на диван. Шагнула на пробу. Ходить могу. Я не знала, на сколько меня хватит, но схватила ближайшую вещь, которой можно драться — один из длинных пластмассовых леденцов-тросточек, которые Лу установила по бокам камина, и направилась по коридору, прижимаясь к стене. Я прошла мимо шкафа слева и шкафа справа. Следующая дверь с левой стороны от меня была комнатой Кристи. Она была открыта.

Я осторожно заглянула в дверной проем. Трое детей сидели на кровати Кристи, Анна и Криста обнимали руками друг друга, Люк отчаянно сосал пальцы и тянул волосы. Криста вскрикнула, когда увидела меня. Я приложила палец к губам, и она в панике кивнула. Но глаза Анны были широко распахнуты и пристально смотрели, как будто она пыталась придумать, как сказать мне что-то.

Я подумала, будут ли они доверять мне, незнакомому чужаку, или Эмори, милому человеку, которого видели рядом с собой в течение многих лет.

— Он нашел Еву? — спросила я голосом чуть выше шепота.

— Нет, не нашел, — сказал Эмори и вышел из-за двери. Он был на кухне; я видела в его

руке нож.

Анна закричала. Я не винила ее.

— Анна, — заявил Эмори. — Воспитанные маленькие девочки не шумят. — Анна подавила другой крик, испуганная до смерти, что он доберется до нее, и получившийся звук был ужасающим. Эмори посмотрел в ее сторону.

Я вошла в комнату, подняла пластмассовый леденец и опустила его на руку Эмори со всей яростью, которая во мне была.

— А я не воспитанная, — произнесла я.

Он взвыл и выпустил нож. Я носком задвинула его назад, когда Эмори бросился. Пластмассовый леденец, должно быть, не особо внушал страх.

На сей раз я была готова, и, когда он сделал выпад, я сделала шаг в сторону, выставила ногу, и когда он споткнулся об нее, ткнула леденцом в шею.

Не будь тут детей, то я бы пнула его или сломала бы руку, чтобы удостовериться, что мне не придется снова с ним разбираться. Но тут были дети, Люк плакал и вопил со всей энергией двухлетки, а Анна и Криста обе рыдали.

Если я ударю его еще раз, травмирует ли это их сильнее? Я решила, что нет, и занесла ногу для удара.

Но Чендлер Макадо сказал:

— Нет.

Дух борьбы разом оставил меня. Я позволила полосатому пластмассовому леденцу выпасть из моих пальцев на ковер, сказав себе, что я должна успокоить детей. Но поняла, что утешитель из меня никакой.

— Ева и Джейн находятся за стулом в спальне через коридор, — я казалась опустошенной даже самой себе.

— Я знаю, — сказал Чендлер. — Ева позвонила в девять-один-один.

— Мисс Лили? — позвал тоненький дрожащий голосок.

Я заставила себя войти в хозяйскую спальню. Голова Евы высунулась из-за стула. Я присела на край кровати.

— Теперь ты можешь вылезти с Джейн. Спасибо за то, что вызвала полицию. Это было очень умно и храбро. — Ева отодвинула стул и взяла младенческое кресло, хотя оно было слишком тяжело для ее тонких рук.

Чендлер закрыл дверь.

Скоро она открылась снова, и вошел Джек.

Он сделал паузу и оглядел меня.

— Что-нибудь сломано? — спросил он.

— Нет. — Я покачала головой и задумалась на секунду, смогла бы я остановиться. Это смахивало на приведенный в движение маятник. Я рассеянно потерла горло.

— Ушиб, — заметил Джек. Я наблюдала за его попытками решить, как приблизиться ко мне и Еве.

С большим усилием я подняла руку и погладила Еву по голове. Потом обняла ее, когда она начала плакать.

Я сидела с Евой на коленях той ночью, когда она рассказывала полиции, что происходило в желтом доме на Фалбрайт-стрит. Там были Чендлер, Джек и Лу О'Ши, Джесс неистово хотел присутствовать там в качестве пастора Евы, но она определенно хотела, чтобы там была Лу.

Отец, как оказалось, начал свои забавы, когда стало очевидно, что счета за беременность и роды Мередит будут существенными. Он начал играть с восьмилетней дочерью.

— Ему всегда нравилось, когда я пользовалась помадой и косметикой, — сказала Ева. — Ему нравилось, когда я переодевалась.

— Что твоя мама говорила об этом, Ева? — спросил Чендлер нейтральным тоном.

— Она думала, что это весело. Сначала.

— Когда все изменилось?

— На День Благодарения, я думаю.

Сразу после Дня благодарения в газете появилась статья о нераскрытых преступлениях в Литл-Роке. С фотографией спящего ребенка в пижаме с жирафами. Ту же самую пижамку Мередит хранила все эти годы в коробке на полке как память о первых днях ее ребенка.

— Мама стала грустить. Она гуляла вокруг дома и плакала. Она с трудом заботилась о Джейн. Она... — голос Евы понизился до шепота. — Она задавала мне странные вопросы.

— О..? — спросил Чендлер.

— О том, трогал ли меня папа как-то странно.

— Вот как. И что ты ей ответила? — Чендлер казался тихим и почтительным к Еве, как будто это был самый обычный разговор. Я не знала, что мой старый друг мог быть таким.

— Нет, он никогда не трогал меня... там. Но ему нравилось играть в «Иди сюда, маленькая девочка».

Мой желудок свело.

Не буду описывать целиком, но суть была в том, что Эмори любил, когда Ева красилась помадой и румянами, он звал ее к себе, как если бы они были незнакомы и вынуждал ее касаться его через штаны.

— Итак, что еще произошло? — спросил Чендлер, помолчав немного.

— Они с мамой ругались. Мама сказала, что они должны поговорить о том, когда я родилась, папа сказал, что не будет, а мама сказала... о, я не помню.

Мередит спросила его, была ли Ева их ребенком? Она спросила его, растлевал ли он ребенка?

— Тогда мама или папа забрали мой памятный альбом и вынули оттуда страницу. Я не видела, как они сделали это, но когда я вернулась домой, моя любимая фотография, там где я, Анна, Криста, отсутствовала. Она была аккуратно вырезана, я думаю, это сделала мама. В следующий раз, когда я ночевала у Анны, я взяла альбом с собой, чтобы мама не смогла больше вырезать страницы.

Мы с Джеком посмотрели друг другу в глаза.

— Тогда мама сказала, что мне нужен анализ крови. Я пошла к доктору Лемею, он и мисс Бинни взяли немного крови и сказали, что проверят ее, я была уверена, что была хорошей девочкой, и доктор дал мне леденец.

— Мама сказала мне не говорить никому, но папа видел след от иглы, когда купал меня тем вечером! Но я не говорила, я не говорила! — большие слезы скатились по щекам Евы.

— Никто не винит тебя, — принялась успокаивать я.

Я не понимала, насколько напряженной она была, пока она не расслабилась.

— Так папа и узнал. Я думаю, что он отправился на поиски и нашел бумажку, которую мама получила от доктора.

Результаты анализа? Квитанция, что Мередит заплатила за анализ крови?

— Следующим вечером он сказал, что маме нужно отдохнуть и что он собирается взять нас с собой.

— И вы сели в автомобиль, верно? — спросил Чендлер.

— Да, я и Джейн. Я пристегнула ее автомобильное кресло, когда папа сказал, что оставил свои перчатки. Он открыл багажник, взял что-то, надел, и вошел в дом. Спустя какое-то время он вернулся с чем-то в руках, убрал это в багажник, и мы поехали, чтобы поесть. Когда мы вернулись домой... — тогда Ева начала всерьез плакать.

Чендлер выскочил с ключами Эмори, чтобы открыть багажник его машины. Он вернулся минут через пять.

— Я отправил несколько человек осмотреть и сфотографировать, — сказал он спокойно. — Давай, конфетка, перенесем тебя на кровать, ты сможешь спокойно полежать.

Лу, у которой по лицу текли слезы, протянула руки к Еве, и та позволила Лу забрать ее и уложить.

— Что было в багажнике? — спросил Джек.

— Прозрачный пластиковый плащ с множеством пятен и единственный кухонный нож. Я вздрогнула.

Джек и Чендлер очень важно между собой что-то обсуждали.

Чендлер позвонил людям, обыскивающим дом на Фалбрайт-стрит. Приблизительно через тридцать минут худощавый детектив Брайнерд принес знакомую обувную коробку в спальню дома пастора.

Джек надел перчатки, открыл коробку и заулыбался.

Дил и Верена отвели Анну домой задолго до этого, я могла только предполагать, что они рассказали моим родителям, где я была.

Джек отвез меня в свой номер в мотеле, потом направился в тюрьму, чтобы поговорить с Эмори Осборном.

Когда он вернулся, я все еще лежала на кровати, уставившись в потолок. На мне все еще было надето пальто. Горло болело.

Без лишних слов Джек сверился с адресной книгой, которую вытащил из своего портфеля. Затем поднял трубку, глубоко вздохнул и начал набирать номер.

— Рой? Как дела? Да, я знаю, сколько сейчас времени. Но я думал, что это ты должен позвонить Терезе и Саймону. Скажи им, что мы нашли девочку... разумеется, я не стану шутить о таком. Нет, я не хочу звонить им, это твое дело. — Джек держал телефон подальше от своего уха, и я услышала, как Рой Костимиглиа кричит на другом конце. Когда стало тише, Джек уложил в несколько предложений как можно больше информации.

— Нет, я не знаю... им лучше позвонить своему адвокату, попросить ее приехать раньше их. Я думаю, многое надо сделать, чтобы пройти через это, но Осборн фактически признался. Да. — Джек откинулся рядышком со мной на кровати. — Он принял собственного ребенка дома, и тот умер. Я думаю, тут кроется нечто подозрительное, ведь это был мальчик... а ему определенно нравятся девочки. Так или иначе, он чувствовал себя виноватым, не мог сказать об этом жене. Он дал ей сильное болеутоляющее, которое сам принимал из-за травмы спины, она уснула, он принялся колесить по городу, пытаясь придумать, как сказать ей, что ребенка нет. Он жил очень близко к Конвею, и ездил по Конвею наугад, как говорит он. Да, я не знаю, стоит ли этому верить, особенно после всего, подожди, дай мне закончить.

Джек снял обувь.

— Он говорит, что поехал в район, где жили Макклесби, узнал дом, потому что он доставил туда приблизительно за четыре месяца до этого диван. Ему понравилась Тереза, он считал ее симпатичной. Внезапно он вспомнил, что Тереза была беременна, и задумался, родился ли у нее ребенок... он наблюдал за домом некоторое время, говорит, что был слишком обезумевшим, чтобы пойти домой и показаться жене. Внезапно у него появился шанс все исправить. Он видел, что Тереза вышла на дорожку с ребенком в переноске, остановилась, поставила ее и вернулась домой. Мать из нее никудышная, она не заслуживала ребенка, решил он, да и вообще, у нее есть уже двое. А у его жены не было ни одного. Он взял Саммер Дон с собой домой.

Рой, должно быть, снова заговорил. Веки мои потяжелели, когда тепло Джека расслабило меня. Я перекадилась на бок, сталкиваясь с ним, мои глаза закрылись только на минуту, потому что их резал свет лампы.

— Он взял Мередит к доктору на следующий день, сказал ему, что уже свозил ребенка к педиатру. Он не мог допустить, чтобы их врач осмотрел ребенка, раз пуповина уже заросла, сразу стало бы ясно, что ребенок родился не сегодня.

Рой говорил в течение минуты. Слышен был лишь отдаленный гул. Я лежала с закрытыми глазами.

— Да, он признается полностью. Говорит, вся вина на его жене, она захотела иметь ребенка, мальчика, это прервало бы его забавы с маленькой девочкой, которую он с таким трудом получил для нее, Мередит заинтересовало, откуда девочка взялась, и когда она увидела фотографию в газете... очевидно, Мередит взяла малышку на анализ крови, узнала, что та не могла быть ее дочерью. Но она любила ее, поэтому не могла решить, что делать. Эмори, узнав об анализе крови, решил, что Мередит предала его, и убил ее. Он ворвался в мой гостиничный номер, нашел страницы, которые она отправила мне по почте... так он оправдывался перед самим собой.

Беседа продолжалась.

Потом Джек спросил:

— Ты позвонишь им сейчас или подождешь до утра?

Через какое-то время я потеряла нить разговора Джека.

— Малышка?

Я моргнула.

— Что?

— Малышка, уже утро.

— Что?

— Тебе нужно домой, приготовиться к свадьбе, Лили.

Я распахнула глаза. Определенно, уже день. В панике я поглядела на прикроватные часы. Длинно выдохнула, увидев, что всего восемь часов.

Джек стоял у кровати. Он только что вышел из душа.

Обычно утром я вскакиваю с кровати и начинаю двигаться, но я чувствовала себя так, как будто накануне выпила. Тогда я вспомнила вечер накануне, и поняла, где нахожусь.

— О, мне и правда пора вернуться домой, надеюсь, они не волнуются. — Я была паинькой в этот визит, я все сделала правильно! Очень не хочу испортить все в последний день.

Джек рассмеялся. Приятный звук.

Я села. Он перекадывал мое пальто несколько раз в течение ночи. Я спала в одежде не

помывшись, чистить зубы пришлось наихудшим из возможных способов. Когда Джек наклонился, чтобы обнять меня, я отступила.

— Нет, нет, нет, — сказала я твердо. — Не сейчас. Я отвратительна.

Когда Джек увидел, что я имела это в виду, он взгромоздился на одном из виниловых кресел.

— Хочешь, схожу нам за кофе?

— О, слава Богу, я как раз думала о нем, но лучше доберусь до родителей и позволю им увидеть меня.

— Тогда увидимся на свадьбе.

— Конечно. — Я потянулась и погладила его по руке. — Что ты делал вчера вечером?

— В то время как ты противостояла настоящему похитителю? — Джек мрачно посмотрел на меня. — Ну, милая, я заканчивал обрабатывать человека, который скоро станет твоим шурином.

— Что?

— Я решил, что единственный способ осмотреть автомобильные багажники, что, как ты помнишь, было твоим предложением, должен включать несчастный случай. Было бы разумно осмотреть багажник после этого. Я подумал и просто ударил в лоб, доступ к багажнику был обеспечен.

— Ты ударил Джесса?

— Да.

— И Дила тоже?

— Собирался. Но подумав, что получу взбучку, решил прерваться, а потом наехать на Эмори. Тогда я и получил твой звонок. Я добрался до дома О'Ши одновременно с твоим бывшим. Он ударил меня.

— Он что?

— Я не хотел пропускать его вперед.

Я не знала, что сказать, пытаюсь не улыбаться.

— Я лучше пойду, помоюсь. Ты поедешь со мной?

— Я привез свой костюм, — напомнил он мне.

Единственный днем для моих родителей, когда можно обойтись без неодобрительных взглядов, был днем свадьбы Верены. Их не взбудоражило, что Джек высадил меня перед домом среди бела дня, а я была во вчерашней одежде.

Но рукопашный бой накануне свадьбы разрешал это проигнорировать.

Я приняла очень долгий душ и дважды почистила зубы. Чтобы восстановить контроль над собой, побрила ноги и подмышки, выщипала брови, десять или пятнадцать минут потратила на лосьоны и косметику.

Только когда я зашла в халате на кухню за кофе, мать увидела синяк.

Она поставила кружку с глухим стуком.

— Лили, твоя шея.

Я посмотрела в небольшое зеркало возле кухни. Шею охватывал темный синяк.

— Эмори, — объяснила я, впервые замечая, как охрипла. Я коснулась темного пятна. Больно. Очень больно.

— Все в порядке, — сказала я. — Правда. Просто нужно выпить что-нибудь горячее.

И это все, что мы сказали о прошедшем вечере.

Мне сильно повезло из-за свадьбы Верены.

А на следующее утро, в Рождество, я отправилась домой в Шекспир.

Я думала, пока вела машину: что случится с ребенком, Джейн, которого Ева (я должна была думать о ней как Еве Осборн) считала своей сестрой. Я задалась вопросом, что будет, когда приедут Маклесби, чтобы наконец-то обнять свою дочь. Я задумалась, когда я должна вернуться, чтобы свидетельствовать на судебном процессе Эмори. От мыслей о возвращении в Бартли по спине пробежал холодок, но я буду чувствовать себя более сговорчивой, когда придет время.

Мне не надо было ни с кем разговаривать и слушать кого-то в течение целых четырех часов.

Невзрачные предместья Шекспира порадовали глаз, я чуть не прослезилась.

Украшения, дым из труб, пустые газоны и улицы: сегодня было Рождество.

Если моя подруга, доктор Кэрри Траш не забыла, то индейка разморозилась и ждала лишь, когда ее поместят в духовку.

А Джек, захавший в Литл-Рок за одеждой, был на пути сюда.

Подарки, которые я для него купила, были упакованы и лежали в моем шкафу. В холодильнике стояли шпинат, кастрюля батата и клюквенный соус.

Я отреклась от прошлого, когда выбрала свою собственную дорогу.

Рождество я проведу в Шекспире.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

прим. пер. Jockeys — марка мужского белья.

[

←2

]

Частный детектив